

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том IV, № 1

Весна 2005

Творческий подход в понимании войны с терроризмом – усиление роли НАТО и Консорциума «Партнерство ради мира»..... 1

Полковник Рассел Д. Хоуард

Реагирование на структурные и оперативные задачи глобального джихада после событий 11 сентября 11

Роэн Гунаратна

Между минимальной силой и максимальным насилием: борьба с движениями политического насилия с применением вариантов третьей силы..... 55

Дорон Циммерманн

Является ли терроризм культурным явлением? 77

Ана Серафим

Терроризм и безопасность гражданской авиации: проблемы и тенденции 95

Джангир Араслы

Наркотерроризм в Юго-Восточной Европе 113

Люсия Овидия Врежа

Возможная стратегия изменения отношений между США и Ираном 127

Марк Эдмонд Кларк

Недопущение эскалации террора в России с целью предотвращения катастрофических атак..... 137

Симон Сараджян, Наби Абдуллаев

Условия секьюритизации международного терроризма в Центральной Азии 161

Ирина Черных, Рустам Бурнашев

В создании этого выпуска журнала CONNECTIONS непосредственное участие принимала рабочая группа «Противодействие терроризму» (РГПТ) Консорциума «Партнерство ради мира». Рабочая группа «Противодействие терроризму» выдвигает и изучает оперативно полные и обоснованные точки зрения по вопросам международной и региональной безопасности. В своей деятельности данная рабочая группа сочетает академизм, государственную политику и военный опыт для выработки динамичного, интеллектуального и практического подхода к вопросам терроризма, контртерроризма, оружия массового поражения и внутригосударственной безопасности. Каждая область проводимых группой исследований является исключительно важной для понимания обстановки в области безопасности и создает необходимую основу для анализа политики.

Творческий подход в понимании войны с терроризмом – усиление роли НАТО и Консорциума «Партнерство ради мира»

Полковник Рассел Д. Хоуард *

Введение

Понятие «новый терроризм» стало широко использоваться после событий 11 сентября. Тематика «нового терроризма» нашла свое отражение в ряде работ специалистов по проблемам терроризма, включая работы таких исследователей, как Уолтер Лакер – автор книги «Новый терроризм», и Гидеон Роуз – автор статьи под таким же названием. В *Отчете Комиссии по расследованию событий 11 сентября* говорится об «основах нового терроризма»; Мэттью Морган опубликовал в журнале «Параметры» статью «Истоки нового терроризма». Корпорация «РАНД» выпустила в свет книгу *«Противодействие новому терроризму»*; я являюсь автором главы одной из книг, написанных мною в соавторстве с Рейдом Сойером, под названием «Осмысление нового терроризма в действии со стороны «Аль-Каиды» – ключ к победе в текущей кампании». О новом терроризме в действительности было написано так много, что это понятие обрело реальное значение и является общепринятым, по крайней мере, в научных и оперативных кругах.

Несмотря на то, что «новый терроризм» стал неотъемлемой частью дискуссий о терроризме, о новых и новаторских методах борьбы с ним ничего не говорится. Вместо этого, более распространенными являются обновленные методы эпохи Рейгана, нашедшие свое отражение в таких трудах, как работа Шона Ханнити «Спасите нас от зла: Ликвидируйте терроризм, деспотизм и либерализм»; а также холостые методы наподобие тех, которые выдвигаются Аланом Кейем в его работе «Ликвидация терроризма», или методы типа «во-всем-виновна-Америка», представленные в работе Кати Келли «Ликвидация терроризма: объективный взгляд на свои действия».

«Ликвидация терроризма: необходимые новшества в сфере безопасности», вторая книга, которую я написал в соавторстве с Рейдом Сойером, предлагает новое осознание этой темы, формулирует новаторский подход в ликвидации нового терроризма, но идеи, представленные в этой книге, в своей основе разрабатывались с точки зрения американского управления и ликвидации последствий.

* Полковник Рассел Д. Хоуард возглавляет факультет социологии, а также является директором Центра противодействия терроризму Военного училища сухопутных войск Соединенных Штатов, Уэст-Пойнт, Нью-Йорк.

Мнения, выраженные в данной работе, отражают исключительно авторскую точку зрения и могут не совпадать с официальной точкой зрения Управления СВ США, Министерства обороны США или Правительства США. Данная статья разрешена для открытого доступа; ограничений на ее распространение нет.

Два последних года я выполняю почетную обязанность сопредседателя (совместно с д-ром Роэном Гунаратной) рабочей группы «Противодействие терроризму» (РГПТ) Консорциума «Партнерство ради мира» – органа, устав которого призывает к поиску новых путей в отношении к «новым террористам» и угрозе «нового терроризма». В данной статье отражен мой опыт, знания, приобретенные мною и моими коллегами по РГПТ, а также приветствуется творческий подход к этой проблеме. В данной статье отражены также основные идеи работы над курсом лекций по европейской политике в Военном училище СВ США, а также новый взгляд на перспективы, которые представляет обмен информацией как среди новых, так и старых союзников в расширенной Европе и Центральной Азии.

В данной статье предлагаются три подхода в совместной работе в области ликвидации террористических угроз. Первый подход касается Организации Североатлантического договора (НАТО), являющейся определяющим механизмом, с которым Соединенные Штаты и их ключевые союзники должны координировать проведение контртеррористических операций. Как объясняет один ученый, «события 11 сентября и последующий конфликт требуют от руководителей НАТО смелых и творческих решений для сохранения актуальности альянса».¹ Второй предлагаемый подход состоит в более активном использовании сил НАТО по проведению специальных операций. Силы НАТО по проведению специальных операций являются основными военными силами в альянсе, которые могут и должны функционировать на многостороннем уровне и на основе сотрудничества в войне против терроризма. В-третьих, должна более активно использоваться организация НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). Изначальное стратегическое обоснование партнерства, укрепление стабильности и практического сотрудничества среди стран, входящих в зону действия НАТО, стали даже более очевидными в контексте войны с терроризмом.²

НАТО

Менее чем через сутки после террористических нападений 11 сентября на Соединенные Штаты союзники Америки по НАТО согласились применить гарантию по обороне, содержащуюся в Статье 5 Североатлантического договора, – т.е. «нападение на одну договаривающуюся сторону» рассматривалось как «нападение на все договаривающиеся стороны в целом»³. Однако НАТО оставалось в стороне на протяжении большей части возглавляемой США глобальной войны с терроризмом (ГВТ). В Афганистане из-за «разрыва в военных потенциалах» между силами НАТО и США американцы были вынуждены запросить помощи у

¹ Philip H. Gordon, “NATO and the War on Terrorism, a Changing Alliance,” в *The Brookings Review*, том 20, № 3, лето 2002, с. 37.

² Jeff Simon, “Partnership for Peace: Charting a Course for a New Era,” в *Strategic Forum*, № 206, март 2004, с. 2.

³ Philip H. Gordon, с. 1.

определенных союзников по НАТО (в основном у тех, кто обладал возможностями проведения специальных операций) на индивидуальной основе, а не у НАТО как у многостороннего альянса. И, хотя некоторые члены НАТО оказали действенную помощь в нанесении поражения «Талибану», Афганистан был по существу американской операцией.

Европейцы понимали логическое обоснование преследования «Аль-Каиды» в Афганистане после событий 11 сентября, однако, война в Ираке продемонстрировала те трудности, которыми характеризовались попытки достижения международного консенсуса в вопросе о том, что именно является законными объектами нападения при контртеррористической операции.⁴ Государства-члены НАТО не могли договориться по вопросу о том, отнести ли проблему Ирака к категории террористической, или о том, есть ли у США право предпринимать действия в Ираке без санкционирования со стороны Совета безопасности ООН.⁵ В действительности, война в Ираке усложнила процесс получения и сохранения широкой европейской и международной поддержки по контртеррористическим действиям.⁶

Недостаток потенциала или отсутствие политического консенсуса – благовидная причина для неоказания поддержки в ГВТ со стороны НАТО. Однако основная причина, возможно, носит более академический характер. Согласно недавнему отчету корпорации «РАНД», НАТО все еще не в состоянии переориентироваться и отойти от мышления времен «холодной войны», с тем, чтобы выработать должные усилия в борьбе с терроризмом.⁷ Эта оценка, возможно, в чем-то слишком резка. НАТО предпринял ряд мер по борьбе с терроризмом, включая формирование внутренних оперативных сил по борьбе с терроризмом для координации работы многих механизмов в своей штатной структуре.⁸

В настоящее время НАТО также проводит в жизнь некоторые инициативы для улучшения долгосрочного контртеррористического потенциала альянса, включая принятие военной концепции по противодействию терроризму, внедрение новой инициативы по потенциалу, рассмотрение создания Сил НАТО быстрого реагирования, действия по отношению к угрозе применения ОМП, улучшение военно-гражданского планирования в условиях чрезвычайных ситуаций и ликвидация последствий, а также укрепление отношений сотрудничества и проведение обучения с партнерами.⁹

Этап постконфликтного восстановления Афганской кампании стал не только «полезной моделью и ключевой проверкой на соответствие НАТО проблемам

⁴ Nora Bensahel, *The Counterterrorism Coalitions: Cooperation with Europe, NATO, and the European Union* (Santa Monica, CA: Rand, 2003), с. 22.

⁵ Nora Bensahel, с. 17.

⁶ Richard A. Clarke и Barry R. McCaffrey, “NATO’s Role in Confronting International Terrorism,” *Atlantic Council Policy Paper*, июнь 2004. с. viii.

⁷ Nora Bensahel, с. ix.

⁸ Там же, с. 25.

⁹ Там же.

терроризма, но и сформировал новую обстановку в сфере международной безопасности». ¹⁰ В январе 2002 года вновь образованное правительство Афганистана пригласило силы НАТО действовать под мандатом ООН в качестве Международных сил по обеспечению безопасности в Афганистане (ИСАФ). С момента своего развертывания ИСАФ находились под командованием государств-членов НАТО: сначала – Великобритании, а затем – Турции. ¹¹ «11 августа 2003 года НАТО взял на себя командование ИСАФ, и с того времени он отвечал за координацию и планирование действий ИСАФ. Это первая операция НАТО за пределами евроатлантической зоны». ¹²

В настоящее время предпринимаются также другие попытки, направленные на то, чтобы позволить НАТО оптимальным образом внести свой вклад в дело борьбы с терроризмом на долгий срок. На Пражском саммите НАТО, проходившем 21-22 ноября 2002 года, главы государств и представители правительств государств-членов НАТО приняли целый ряд мер, призванных повысить готовность НАТО в борьбе с терроризмом и с распространением оружия массового поражения (ОМП). ¹³ Некоторые из них включают активизацию усилий по киберобороне, создание Сил НАТО быстрого реагирования из 21 000 человек личного состава элитных сил, оптимизацию командных функций для повышения ответственности. Делается акцент на защите от биологического и химического оружия, улучшение гражданской подготовки государств-членов в ликвидации последствий возможных нападений с применением ОМП и укрепление отношений НАТО с другими международными организациями для более эффективного ведения обмена информацией и осуществления надлежащей деятельности в общем деле борьбы против терроризма. ¹⁴

Несмотря на эти усилия, многие полагают, что НАТО мог бы делать больше в противостоянии международному терроризму. Согласно недавно опубликованной работе по политике Атлантического совета, озаглавленной «Роль НАТО в противостоянии международному терроризму», у НАТО имеются существенные сравнительные преимущества, которые до сих пор недостаточно задействованы в борьбе с терроризмом. Согласно мнению авторов работы, – генерала Барри Мак-Каффри и Ричарда Кларка, – НАТО должен играть ведущую роль в следующих контртеррористических функциях: выработке политической воли; предоставлении разведывательной информации; организации действий по координации и интеграции; недопущению вербовки людей в террористические организации; финансировании, снабжении и проведении операций; предотвращении террористических операций; ликвидации последствий террористических нападений; органи-

¹⁰ Richard A. Clarke, с. 26.

¹¹ NATO's Contribution to the Fight Against Terrorism (Вклад НАТО в борьбу с терроризмом), *NATO Issues*, 28 октября 2004 г., доступно на <http://www.nato.int/terrorism/index.htm>, с. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

зации помощи в сфере безопасности; в проведении просветительской работы, в особенности в отношении потенциальных источников вербовки и организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.¹⁵ Ясно то, что способность НАТО воплотить в жизнь этот объемный список компетенций по контртерроризму принесла бы огромную пользу глобальным усилиям против терроризма. К сожалению, на мой собственный взгляд, этот список слишком обширен по трем причинам.

Во-первых, в Европе терроризм рассматривается как преступление, с которым, как полагает большинство европейцев, нужно обращаться скорее путем применения действий и способов борьбы с преступностью, а не открытыми военными методами. Одним из результатов такого понимания стало прерывание потенциальной роли НАТО в борьбе с терроризмом.¹⁶ «Хотя некоторые лица в Америке, ответственные за разработку политики, и видят альянс как выполняющий определенную роль в оказании помощи в координации военного обучения и доктрин, имеющих отношение к борьбе с терроризмом, многие европейцы встречают такие предложения со скептицизмом – и это неудивительно, учитывая сомнения европейцев в отношении реагирования на терроризм военными методами вообще.»¹⁷ Во-вторых, Соединенные Штаты не нуждаются в том, чтобы прибегать к помощи к НАТО по поводу своих военных полномочий и, скорее всего, американцы захотят ограничить НАТО лишь минимальной ролью в будущих военных операциях, если только такие операции не будут вестись в какой-либо стране-члене НАТО.¹⁸ Вместо работы с НАТО на многостороннем уровне, США будут работать в одностороннем порядке с отдельными государствами-членами НАТО, военный потенциал которых либо совместим, либо дополняет военный потенциал вооруженных сил США. Кроме того, возможности достижения консенсуса в отношении более активной роли НАТО в усилиях, направленных на борьбу с терроризмом, осложняются военными действиями США против Ирака.

Было легко прийти к международному консенсусу в отношении необходимости преследования «Аль-Каиды», в особенности, после нападений 11 сентября, поскольку большинство государств воспринимало «Аль-Каиду» как фундаментальную угрозу их суверенитету. Все же немногие потенциальные объекты нападения контртеррористической кампании будут вызывать такую единую международную реакцию. Ирак продемонстрировал трудности при попытке прийти к международному консенсусу о том, какие группы и государства являются законными объектами нападения контртеррористических операций.¹⁹

¹⁵ Richard A. Clarke, с. 14.

¹⁶ David L. Aaron, Ann M. Beauchesne, Frances G. Burwell, C. Richard Nelson, K. Jack Riley, Brian Zimmer, “The Post 9/11 Partnership: Transatlantic Cooperation against Terrorism,” *Atlantic Council Policy Paper*, декабрь 2004, с. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Nora Bensahel, с. 32.

¹⁹ Там же, 22.

В-третьих, хотя большинство членов полагает, что НАТО требуется расширить свои контртеррористические полномочия и возможности – особенно в ликвидации последствий, – некоторые государства считают иначе. Например, Франция полагает, что роль НАТО в контртерроризме достаточна в той мере, которую альянс играет сейчас, и что операции по ликвидации последствий должны вестись Европейским Союзом.²⁰

Отсутствие общего мнения и разница в возможностях, скорее всего, сделает на это время реализацию списка «сравнительных преимуществ» недостижимой. Поэтому, и, к сожалению, не следует ожидать чего-то большого в отношении выполнения дальнейших обязательств со стороны НАТО по борьбе с международным терроризмом. Однако, существуют две области, в которых имеющееся сотрудничество может и должно быть расширено. Во-первых, должна быть рассмотрена возможность активизированного применения сил НАТО по проведению специальных операций (ССО) в кампании против международного терроризма. Во-вторых, НАТО должен в полной мере воспользоваться преимуществом отношений, сформированных через «Партнерство ради мира» (ПРМ), для работы с заинтересованными государствами по оказанию помощи в сфере безопасности и в отношении других мер безопасности, связанными с борьбой против международного терроризма.²¹

Силы по проведению специальных операций

Силы по проведению специальных операций, которым отведена первостепенная роль президентом Бушем на Пражском саммите НАТО 2002 г. в качестве наиболее важного потенциала НАТО,²² предоставят одно из наиболее важных преимуществ благодаря разнообразию узкоспециализированных возможностей быстрой разработки нового потенциала.²³ Во время проведения операции «Несокрушимая свобода» (ОНС) в Афганистане, силы по проведению специальных операций из Дании, Франции, Германии, Норвегии, Турции, Великобритании и Греции играли решающую роль.²⁴ «Силы специального назначения из этих стран часто действовали под командованием США по широкому спектру назначений, вклю-

²⁰ Там же, 52.

²¹ Richard A. Clarke, с. viii.

²² “Bush Calls for New NATO Capabilities,” *BBC News*, 20 ноября 2002, доступно на http://64.233.161.104/search?q=cache:f_Eh_-C1dSEJ:news.bbc.co.uk/go/rss/-/1/hi/world/europe/2494557.stm+NATO+Special+Operations+Forces+IRAQ&hl=en.

²³ John Jogerst, “What’s So Special about Special Operations Forces,” *Aerospace Power Journal*, лето 2002, доступно на www.airpower.au.af.mil/airchronicles/apj/apj02/sum02/jogerst.html. См. также James Graff Brussels, “What’s NATO For,” *Time*, 17 ноября 2002, доступно на <http://www.time.com/time/europe/magazine/article/0,13005,901021125-391501-1,00.html>.

²⁴ Nora Bensahel, с. 11. См. также “NATO: Contributions to the War on Terrorism,” *U.S. Department of State Fact Sheet*, 31 октября 2002 г., доступно на www.state.gov/p/eur/rls/fs/14627.htm.

чавшие в себя выслеживание и поимку сбежавших членов «Аль-Каиды» и «Талибана», сбор разведывательных данных и инструктаж Северного альянса.»²⁵ В ноябре 2001 года Великобритания стала первым партнером по НАТО, который предоставил свои Силы по проведению специальных операций для операции «Несокрушимая свобода», но другие партнеры вскоре также последовали за Великобританией, и их вооруженные силы широко использовались в операции «Анаконда» (в горах Восточного Афганистана) и в ряде последующих рейдов.²⁶

Эти силы специального назначения имели чрезвычайно большую важность в деле достижения успеха во всей операции, облегчая груз, возложенный на американские силы специального назначения, и зачастую предлагая уникальный военный потенциал. Например, американские военные офицеры особенно хорошо отзывались о Норвежских силах специального назначения, поскольку их серьезная подготовка к высокогорным операциям, оказалось, была востребована в гористой местности Афганистана.²⁷

Партнерство ради мира

Программа НАТО «Партнерство ради мира» предоставляет необходимую исходную структуру для введения и построения целого спектра эффективной контр-террористической деятельности.²⁸ «Партнерство ради мира» было основано в 1994 году в целях содействия сотрудничеству с государствами Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Оно также было «тренажером» для государств, стремящихся вступить в НАТО. Однако за последние годы характер и цель ПРМ существенно изменились. Например, десять прежних членов ПРМ в настоящее время являются полноправными членами альянса НАТО (Венгрия, Польша, Чешская Республика, Словакия, Словения, Румыния, Болгария, Эстония, Латвия и Литва), оставшиеся же члены вряд ли станут кандидатами в членство в НАТО в ближайшем будущем.²⁹ Поэтому «Партнерству ради мира», возможно, придется переориентировать свою деятельность с тем, чтобы меньше акцентировать внимание на подготовке к членству в НАТО, а больше – на усилении своей организационной структуры в других областях. Одним из возможных направлений будущей деятельности могло бы стать противостояние общей угрозе, например, терроризму.³⁰

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Richard A. Clarke, с. 36.

²⁹ Остальные члены ПРМ представлены следующими странами: Албанией, Арменией, Австрией, Азербайджаном, Беларусью, Хорватией, Финляндией, Грузией, Ирландией, Казахстаном, Кыргызстаном, Молдовой, Бывшей Югославской Республикой Македонией, Россией, Швецией, Швейцарией, Таджикистаном, Туркменистаном, Украиной и Узбекистаном.

³⁰ Nora Bensahel, с. 33.

В действительности, на Пражском саммите, проходившем в ноябре 2002 года, был одобрен План действий партнерства против терроризма (ПДП-Т), который обязывает партнеров к следующему: активизации консультаций по вопросам вооружений и разработке чрезвычайных планов в гражданской области, усилению готовности к борьбе с терроризмом; активизации обмена банковской информацией; улучшению пограничного контроля, а также улучшению управления последствиями и разработке чрезвычайных планов в гражданской области.³¹ Согласно мнению Кларка и МакКаффри, этот план пока имеет скромные достижения, «частично из-за различий стран Партнерства». На Стамбульском саммите, проходившем в октябре 2004 года, была предоставлена возможность пересмотра и активизации ПДП-Т, но должно пройти какое-то время, пока можно будет дать оценку такой «активизации».

Джеффри Саймон пишет: «Для того чтобы «Партнерство ради мира» могло сохранять свою актуальность и действенность в следующем десятилетии, партнеры должны сосредоточиться на развитии потенциала по борьбе с терроризмом и другими транснациональными угрозами».³² Я согласен с этим, и одним из основных движущих средств, которые могут быть использованы для дальнейшей разработки этих целей, является Консорциум «Партнерство ради мира» военных академий и институтов по изучению вопросов безопасности (Консорциум ПРМ). Деятельность Консорциума ПРМ как международной организации направлена на укрепление обороны и повышения уровня военного образования и исследований через расширенное институциональное и национальное сотрудничество. В настоящее время Консорциум ПРМ включает более 350 организаций из 42 стран, входящих в регион Совета Евроатлантического партнерства (СЕАП). Идея создания Консорциума первоначально принадлежала бывшему министру обороны США Уильяму Коэну и бывшему министру обороны Германии Фолькеру Руэ, и была выдвинута ими на встрече министров обороны Совета Евроатлантического партнерства (СЕАП-О). Министры представляли себе работу Консорциума ПРМ как деятельность «в духе ПРМ», которая «...укрепит оборону и улучшит военное образование через расширенное национальное и институциональное сотрудничество». Конкретные цели этой инициативы включали рост числа людей в правительстве и частном секторе со знанием политики обороны и безопасности; оказание содействия профессиональному военному образованию в странах-участницах; стимулирование совместных мер в военном образовании и включение неправительственных институтов, университетов и подобных органов, а также государственных военных академий и институтов по изучению безопасности в деятельности Консорциума. Деятельность Консорциума включает проведение ежегодных конференций, функционирование рабочих групп, которые проводят встречи на уровне экспертов, разработку собственного веб-сайта и дальнейшее его ведение, а также издание научного журнала.

³¹ Полный текст Плана действий Партнерства против терроризма см. на: www.nato.int/docu/basicxt/b021122e.htm.

³² Jeffrey Simon, с. 2.

В настоящее время в состав Консорциума ПРМ входят десять рабочих групп.³³ Сопредседателями рабочей группы по противодействию терроризму (РГПТ) являются д-р Розн Гунаратна и я. Уже из названия рабочей группы видно, что РГПТ сосредотачивает особое внимание на вопросах противодействия терроризму. Рабочая группа представлена 23 членами из 17 стран. Все члены группы занимают должности, связанные с проблемами терроризма, контртерроризма, внутригосударственной безопасности в своих соответствующих правительствах или научных учреждениях. Миссия РГПТ состоит в следующем: развивать орган, признаваемый экспертами на международном уровне, по вопросам терроризма для лучшего понимания международной, региональной или внутренней угрозы; повышать образовательный уровень будущих руководителей, которые будут отвечать за антитеррористическую деятельность; предоставлять политический анализ и помощь руководителям, работающим с настоящими и будущими проблемами терроризма. Данная группа публикует свои материалы (как, например, в данном выпуске журнала *Connections*), преподает, как, например, впервые введенный в Школе НАТО в Обераммергау в ноябре 2004 года курс по терроризму, и дает политические рекомендации, поскольку большинство членов группы способствуют формированию политики в своей каждодневной работе в своих странах. Мы могли бы делать больше.

Мы могли бы работать над доктриной общей оперативной совместимости по контртерроризму для пограничных войск, министерств внутренних дел и полиции. Совместно с рабочими группами Консорциума ПРМ по разработке учебных планов и по заочному усовершенствованию мы могли бы разрабатывать имитационные модели, действовать в качестве ролевых игроков и рассматривать черновые варианты учений ПРМ и НАТО по контртерроризму. Разработка учебного плана основного курса по изучению контртерроризма для курсантов военных академий – еще одна основополагающая компетенция РГПТ. Другие рабочие группы Консорциума ПРМ, в особенности рабочие группы «Реформа сектора безопасности» и «Региональная стабильность» (Южный Кавказ, Центральная Азия и Юго-Восточная Европа), самостоятельно или совместно с другими группами, могли бы оказать существенную помощь в разработке возможностей борьбы с терроризмом и другими транснациональными источниками опасности.

Возможности безграничны, а рабочие группы Консорциума ПРМ обходятся дешево. В 2004 финансовом году общие затраты на функционирование рабочей группы по противодействию терроризму составили 23 900 долларов США. Бу-

³³ В составе Консорциума следующие рабочие группы: рабочая группа «Заочное усовершенствование», рабочая группа «Разработка учебных планов», рабочая группа «Реформа сектора безопасности», рабочая группа «Региональная стабильность на Южном Кавказе», рабочая группа «Региональная стабильность в Юго-Восточной Европе», рабочая группа «Региональная стабильность в Центральной Азии», рабочая группа «Будущее безопасности НАТО и евроатлантической безопасности», рабочая группа «Воздействие информационных технологий на национальную безопасность», рабочая группа «Военная история» и рабочая группа «Противодействие терроризму».

дучи добровольцами в «организации доброй воли», члены рабочих групп Консорциума ПРМ не получают компенсации за свою работу. Консорциум оплачивает скромные дорожные расходы и суточные своим членам из стран ПРМ. Члены рабочих групп Консорциума из стран НАТО или иных стран все расходы оплачивают самостоятельно либо через свои собственные организации, либо в некоторых случаях из своего кармана, чтобы покрыть затраты на организацию встреч и поездок. Стимулы в том, чтобы быть членом рабочей группы, различны. Некоторые полагают, что взаимопользительный диалог важен для непрерывной стабильности, другим – возможность высказать свои мысли на тематических заседаниях, встречах или через опубликование своих материалов. Продвижение по службе и переход на более ответственную работу, возможно, является еще одним стимулом для членов РГПТ. За последние несколько месяцев трое членов группы «Противодействие терроризму» получили повышение по службе со значительно более существенным объемом обязанностей. Активизация роли Консорциума ПРМ и входящих в его состав групп в кампании против международного терроризма могла бы стать выигрышной во всех отношениях для США, НАТО, государств-членов ПРМ и членов рабочих групп.

Заключение

Данная статья выступает за более заметную роль НАТО в общей работе по противостоянию терроризму. Как и генерал Барри МакКаффри, я полагаю, что альянсу НАТО нужно и необходимо продолжать играть важную роль в координации тех или иных вопросов западного национального реагирования, в особенности— но не только—таких вопросов, в которых военным силам отводится первостепенная роль или выполнение второстепенной функции.³⁴ Однако автор данной статьи осознает ограничения в возможностях, а также ограничения политического характера, сдерживающие поддержку, которую НАТО мог бы в действительности предоставить. Две сферы деятельности потенциальной поддержки, которые могли бы оказаться полезными, не вызывая при этом споров и враждебности, – это органы НАТО по проведению специальных операций и организованный НАТО Консорциум «Партнерство ради мира».

³⁴ Richard Clarke, с. vii. Многочисленные беседы с генералом Барри МакКаффри, заведующим отделением национальной безопасности им. Джона М. Олина факультета социологии Военного училища сухопутных войск США, в котором я возглавляю факультет социологии.

Реагирование на структурные и оперативные задачи глобального джихада после событий 11 сентября

*Розн Гунаратна **

Введение

Эффективность и действенность государственных, общественных и международных видов реагирования против исламского радикализма и его побочного продукта – терроризма – крайне недостаточны. В обстановке, сложившейся после событий 11 сентября, наблюдается скорее эскалация угрозы, а не ее уменьшение. Хотя и до событий 11 сентября «Аль-Каида» ежегодно предпринимала в среднем по одному нападению, после 11 сентября «Аль-Каида» и связанные с ней группы осуществляли свои нападения каждые три месяца. На некоторых театрах военных действий, таких как Ирак, Афганистан, Чечня и Саудовская Аравия, эти нападения являются даже более частыми.

Наше знание и понимание исламистских групп выросло многократно после нападениями 11 сентября. В результате нескольких сотен допросов арестованных членов «Аль-Каиды», перехватов сообщений и расшифровок сводок из Афганистана и других надежных убежищ террористов, мы теперь знаем многое о структурных и оперативных деталях «Аль-Каиды». Тем не менее, традиционные концепции и орудие, используемое в борьбе с терроризмом, показали свою неэффективность и бездейственность против новой волны терроризма. Вслед за пересмотром оценки угрозы в данной статье будут обсуждаться сильные и слабые стороны различных подходов и стратегий в противодействии терроризму.

Состояние проблемы

В противоположность четко выраженным террористическим группам и их базам тылового обеспечения, большинство правительств двадцать первого столетия сталкивается с аморфными террористическими сетями. Создание партнерств – нежестких совместных сетей и альянсов между террористическими группами – увеличило жизнестойкость террористических организаций и их идеологий. Более чем за три года до того, как в октябре 2001 года Джордж Буш-младший сформировал глобальную коалицию по борьбе с «Аль-Каидой» и ее пособниками, Усама бен Ладен в феврале 1998 года создал Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев.¹ Всемирный исламский фронт джихада против ев-

* Розн Гунаратна является автором книги “Inside Al Qaeda: Global Network of Terror” («‘Аль-Каида’ изнутри: глобальная сеть террора»), (Нью-Йорк: Columbia University Press, 2002). В настоящее время он является доцентом Института военных и стратегических исследований в Сингапуре.

¹ «Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев», опубликовано «Аль-Каидой» в феврале 1998 года.

реев и крестоносцев, известный под названием *Аль-Джабха аль-Исламия* или *Джихад Дудда аль-Йахуд валь-Салибийин*, – крупнейший союз исламистских групп за всю историю их объединений.

Расширяющиеся идеологические и оперативные связи между местными, региональными и глобальными террористическими сетями заставляют правительства, хотя и с запозданием, относиться с более глубоким пониманием к тому, кто с кем общается, и кто с кем работает. Даже службы безопасности – стражи государств – действуют в направлении выработки действительно оперативных мер и программы действий, не ограничиваясь лишь обычными проверками и докладами. Из-за растущих связей между внутренними и внешними террористическими группами у правительств не остается выбора, кроме как определять в виде объектов нападения и безжалостно разрушать идеологические, кадровые и физические инфраструктуры опасных групп и их мобильных группировок. В целях успешной работы правительства должны перейти от традиционного сотрудничества к совместной работе в тесном контакте. Только сеть правительственных ячеек может эффективно бороться с сетью террористических ячеек, сделав их объектами для нападения.

До тех пор, пока правительства не осознают, что терроризм является общей угрозой, требующей международного, а также всестороннего реагирования, они не смогут противодействовать росту терроризма в мировом масштабе. Чтобы уменьшить угрозу политического насилия, государства, работая в тесном контакте друг с другом, должны иметь под наблюдением как быстрое развитие, так и перемещение сил и средств террористов по регионам, конфликтам и группам, и наносить им удары.

Историческая справка

Два поворотных события, оба имевших место в 1979 году, ускорили глобальный рост исламистского экстремизма и терроризма.² После удавшегося полного пренебрежения одной сверхдержавой и нанесения поражения другой, успехи иранской революции (1979) и антисоветской многонациональной афганской кампании (1979-89) внушили определенной части мусульманского населения веру в то, что мусульмане могут бросить вызов Соединенным Штатам. За год до того, как советские вооруженные силы – крупнейшие в мире – с унижением ушли из Афганистана, д-р Абдулла Аззам, палестино-иорданский духовный лидер, который был главным идеологом афганской антисоветской кампании, выработал концепцию «*Аль-Каида Аль-Сульба*» («Прочная основа») в качестве авангарда исламистского движения. Когда в марте 1988 года Аззам и его заместитель и протеже Усама бен Ладен основали «Аль-Каиду», этот палестино-иорданский ученый хотел, чтобы сформированная группа «Аль-Каида» играла ведущую роль в кон-

² По исследованию исламистского фундаментализма см. Lawrence Davidson, *Islamic Fundamentalism* (Westport, CT: Greenwood Press, 1998).

фликтных зонах, где страдают мусульмане.³ Изначально структурным компонентом «Аль-Каиды» было Афганское бюро услуг (*Мактаб-ил-Хидамат*) – организация, основанная Аззамом и бен Ладеном на пике антисоветской кампании в 1984 году и преобразованная затем в «Аль-Каиду». Поэтому рядовой состав «Аль-Каиды» извлек из этого непосредственную пользу, привлекая и используя организационный и оперативный опыт и знания, полученные в первоначальной структуре. Однако реальная сила «Аль-Каиды» зиждется на ее обращении к идеологии глобального *джихада* как для самой «Аль-Каиды», так и для других исламистских партий и групп.

Сегодня эта идеология, срисованная с исторических событий и прошедшая проверку огнем в Афганистане, Чечне и Ираке, продолжает находить резонанс в мусульманском мире. Факты исторических событий остаются главным источником вдохновения рядовых исламистов, непосредственно вовлеченных в боевую деятельность, а также для людей, обслуживающих обширные базы тылового обеспечения, поддерживающие борьбу. Кроме того, иранская революция, антисоветская кампания и в настоящее время сопротивление в Ираке политизировали сотни тысяч мусульман по всему свету. Последствия этих событий продолжают радикализировать и мобилизовывать мусульманские территориальные и переселенческие общины по всему миру. Даже сегодня, после окончательного разрушения тренировочной и оперативной инфраструктуры «Аль-Каиды» в Афганистане, ни «Аль-Каида», ни другие исламисты не испытывают трудностей в вербовке новых членов или в восполнении своих потерь, как материальных средств (огнестрельного оружия или финансов), так и личного состава (убитых или раненых). «Аль-Каиде» и другим группам удалось в условиях строжайшей секретности выстроить крепкую и подвижную организационную структуру.

В начале двадцать первого столетия глобальная борьба с исламистским экстремизмом и терроризмом станет определяющим конфликтом. Усама бен Ладен создал организацию, которая функционирует и оперативно, и идеологически на местном, национальном, региональном и мировом уровнях. Нанесение поражения «Аль-Каиде» и связанным с ней группам станет ключевым вопросом, который в прогнозируемом будущем будет господствовать не только в повестках дня международной безопасности и разведывательного сообщества, органах правопорядка и национальных военных силах, но также и в целом ряде других действующих субъектов. Для того чтобы терроризировать западные правительства, их общества и их друзей в мусульманском мире, насильственные исламистские идеологи, такие как Абу Катада, Абу Хамза Аль Масри, Абу Мухаммад Аль Масри, Сафар Аль Хавали и Салман Аль Уда, вербуют людей из территориальных и эмигрантских мусульманских общин по всему миру и формируют из них силы поддержки. Даже после того как союзнические и коалиционные войска, возглавляемые США, уничтожили тренировочную и оперативную инфраструктуру

³ Reuven Paz, *Tangled Web: International Networking of the Islamist Struggle* (Washington, D.C.: Washington Institute for Near East Policy, 2002), Приложение 1. “Al-Qa’idah al-Sulbah.”

туру «Аль-Каиды» в Афганистане, «Аль-Каида», которая сейчас трансформировалась из группы в движение, представляет собой беспрецедентную террористическую угрозу миру и безопасности в мире. Хотя бен Ладен, вероятно, будет убит или умрет от болезней, он создал и популяризировал идеологию, которая продолжает вдохновлять и побуждать его мусульманских последователей выступать против «врагов ислама». За первые два с половиной года после событий 11 сентября военное реагирование международного сообщества так по существу и не смогло уменьшить угрозу. В действительности, с сентября 2001 года наблюдается значительный рост террористической угрозы.

Правительственное и общественное реагирование на фоне дальнейшего роста террористической угрозы после событий 11 сентября служит доказательством того, что современная волна терроризма будет наращивать темп. Несмотря на миллиарды долларов, отданных на дело борьбы с терроризмом, угроза сохраняется, и даже приобрела более серьезный характер, чем раньше. Противодействие терроризму стало высшим приоритетом национальной безопасности. Тем не менее, террористические кампании трудно нейтрализовать. Они требуют выработки всеобъемлющего подхода вместо удара в одном направлении, а также коллективных ответных действий вместо односторонних.

Угроза после «Аль-Каиды»

Через три года после нападений, осуществленных 11 сентября, «Аль-Каида» как таковая – группа, в которой в октябре 2001 года насчитывалось только 4000 человек, – в оперативном плане стала слабой и больше не в состоянии подготавливать нападения на территориях Запада в стиле 11 сентября. Тем не менее, некоторые группы с Ближнего Востока, из Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и Африки приняли на вооружение технологии, тактику и методы «Аль-Каиды». Хотя сила «Аль-Каиды» сегодня ограничена несколькими сотнями ее членов, ее идеология глобального *джихада* воодушевляет и побуждает к действиям как минимум три с половиной десятка исламистских групп по всему миру. Действительно огромный вклад «Аль-Каиды» – это ее способность подстрекать исламистские группы по всему миру к борьбе на двух уровнях: против близкого, или внутреннего, противника – их собственных правительств, а также против удаленного на расстоянии, или дальнего, противника – Соединенных Штатов и их союзников. Все еще показывающая последние признаки жизни, «Аль-Каида» – группа, за которой ведется самая активная за всю историю охота, – вносит свой вклад в подпитку глобального исламистского восстания.

В стратегической обстановке, сложившейся после 11 сентября, возникло множество новых групп. В силовом вакууме, образовавшемся вслед за падением режима Хуссейна, пространство, возникшее для роста исламистских групп, продолжает расширяться. С таким растущим пространством и ресурсами показательно растет и исламистская угроза. Стремясь уменьшить террористическую угрозу, международное сообщество продолжает постепенно выдвигать на первое место и реализовывать широкий спектр мер безопасности и контрбезопасности. Военные действия в Афганистане ликвидировали исламистскую тренировочную

инфраструктуру, а введение разведывательными и правоохранительными органами активизированных мер в странах-объектах удара уменьшило непосредственную угрозу на последующие один-два года. Тем не менее, анти- и контртеррористические меры не предлагают окончательного решения проблемы. Хотя потенциал, силы и средства террористов пострадали, их намерения остаются теми же. Как продемонстрировали события 11 марта в Мадриде, после тщательного анализа архитектуры безопасности, возникшей после событий 11 сентября, террористы нашли в ней лазейки и бреши и атаковали Европу.

В результате вторжения в Афганистан коалиции, возглавляемой США, члены «Аль-Каиды» и связанных с ней группировок покинули центральные части Афганистана и Пакистана и рассеялись по миру, по тем зонам, где не действуют законы. Эти регионы включают Ирак, особенно его границу с Ираном; Сомали - конфликт международного забвения; Йемен, где только 35 процентов территории государства находится под контролем правительства; Кашмир - конфликтную зону, граничащую с Афганистаном; зону границы Мьянма-Бангладеш; Южные Филиппины и другие зоны конфликта. Члены «Аль-Каиды» и связанных с ней группировок используют эти базы для того, чтобы предпринять нападения на США и их союзников.

Построение терроризма после Афганистана

Вместо Халида Шейха Мухаммада, бывшего главы военного комитета «Аль-Каиды», появилось несколько командующих в Юго-Восточной Азии, в Южной Азии, в Персидском заливе, в Северной Африке, на Африканском Роге, в Леванте (странах восточной части Средиземного моря) и на Кавказе. Хотя некоторые из этих командиров были убиты или взяты в плен, другие все еще продолжают действовать. Например, Исамуддин Ридуан (известный также как Хамбали) 11 августа 2003 года был взят в плен в Центральном Таиланде Тайской спецслужбой II, а Халид Али Аль Хаджи (известный как Хазим Аль Шир), начальник «Аль-Каиды» по операциям в зоне Персидского залива, был убит Саудовскими силами безопасности в Саудовской Аравии 15 марта 2004 года. Фазул Абдулла Мухаммад (известный как Харун), начальник по операциям в Восточной Африке, однако, все еще жив и находится на свободе.

После того, как Межведомственная разведка и ЦРУ 2 марта 2003 года взяли в плен в Пакистане Халида Шейха Мухаммада, *де-факто* появился оперативный командующий сетью «Аль-Каида». После вторжения США в Ирак и особенно после зверского отсечения головы Нику Бергу, Ахмад Фадиль Назаль Аль-Халайле (известный как Абу Мусаб Аль Заркави), иорданец из города Зарка, заявил о себе как о руководящей фигуре в сети «Аль-Каида». Хотя его главная база операций находится в Ираке, он выстроил сеть, которая простирается на Европу и Северную Америку. Учитывая протяженность структур, которые ему удалось скомпоновать после событий 11 сентября, он может сегодня рассматриваться *де-факто* начальником по операциям движения «Аль-Каиды». Несмотря на его разногласия в Усамой бен Ладеном в отношении избрания шиитских мусульман

объектами для нападений, Аль Заркави удалось присоединить многочисленные исламистские сети поддержки или трансформировать их в оперативные сети.

Аль Заркави: следующее поколение?

Аль Заркави, ветеран антисоветского многонационального афганского *джихада*, в 1980-е годы не был известен внешнему миру. Он привлек внимание международных служб безопасности в конце 1990-х годов, после того как в 1999 году начал действовать в структуре «Аль-Каиды». Находясь в тюремном заключении в Иордании в 1992-97 г.г., Аль Заркави попал под идеологическое влияние иорданского духовного лица Абу Мухаммада Макдиси, а впоследствии – Абу Катада, проживающего в Лондоне.⁴ С 1997 по 1999 г.г. Аль Заркави лелеял планы по свержению иорданского правительства и пытался вести операции против Израиля. Как и три с половиной десятка исламистских групп, которые получают поддержку от «Аль-Каиды», Аль Заркави также получал оснащение и финансирование от «Аль-Каиды» для тренировки иорданцев и палестинцев – национальностей, которые раньше особенно заметно не фигурировали среди членов «Аль-Каиды». Он организовал группировку «Аль-Тавхид» в Европе, в основном в Германии, и объединил силы с Ансаром Аль Исламом в Северном Ираке.

После событий 11 сентября Аль Заркави наладил рабочие отношения с некоторыми другими группами в регионе и за его пределами. Например, одна ячейка Аль Заркави в Панкисском ущелье в Грузии обеспечивала тренировку боевиков из Северной Африки, которые были завербованы для проведения химических и биологических атак во Франции и в Великобритании.⁵ При подготовке к нанесению нападений по Европе и за ее пределами также велось обучение и проводились эксперименты по созданию химического и биологического оружия на Хурмальском химическом заводе и в тренировочном лагере, контролируемом Ансаром Аль Исламом, в районе Халабджа, провинции Сулеймания, в курдской части Ирака. Кроме групп в Ираке, Аль Заркави либо присоединил к себе некоторые другие группировки в Европе, либо начал оказывать на них влияние. Как таковые, «Группы джихада Салафи», испытывавшие на себе влияние Аль Заркави или контролируемые им, стали представлять собой наиболее острую террористическую угрозу для европейского континента и Северной Америки. Из-за чрезмерной концентрации сил и внимания на «Аль-Каиде» со стороны правительств во всем мире смогли возникнуть другие группы, такие как «Исламская группа марокканских бойцов» (ИГМБ), или новые группировки, аналогичные тем, что были организованы Аль Заркави.

⁴ Европейские разведывательные службы следили за Саидом Мансуром, марокканцем, проживающим в Дании, который способствовал знакомству между Макдиси и Абу Катада.

⁵ Интервью со следователем Жаном-Луи Брюгьером, февраль 2004 г.

Новый облик «Аль-Каиды»

В проведении всеобщего *джихада*, «Аль-Каиде» уготована особая роль. Используя свое укрепившееся положение, она стремится и далее содействовать «столкновению цивилизаций» Запада и ислама. Объявленная авангардом исламских движений, «Аль-Каида» своими несистематическими нападениями по знаковым, стратегическим и привлекающим внимание объектам намерена подвигнуть и воодушевить как исламистов, так и более широкое мусульманское сообщество вступить в непрекращающийся конфликт с Западом. После того, как «Аль-Каида» совершила нападения 11 сентября на наиболее канонические объекты Америки, эта группа достигла своей первичной цели. Как нападения 11 сентября, так и ответная реакция США мобилизовали более тридцати насильственных исламистских групп на периодические нападения на Соединенные Штаты или их союзников и друзей.

События 11 сентября существенно изменили частотность и масштаб нападений со стороны террористических групп. До сентября 2001 года терроризм воспринимался как нарушение общественного порядка и проблема законности и правопорядка. После этой даты терроризм стал вопросом национальной безопасности. В силу того, что терроризм способен на массовое уничтожение людей и массовые разрушения, он остается во главе национальной повестки дня или, по крайней мере, политической повестки дня государств, избранных объектами нападений. Большинство ведомств национальной безопасности ставят в порядке приоритетности терроризм на первое место, затем организованную преступность и уже потом распространение оружия массового поражения.

Источники опасности вне «Аль-Каиды»

Хотя правительства продолжают концентрировать внимание на «Аль-Каиде» как на группе, реальную угрозу терроризма в настоящее время таит в себе сеть, или движение, «Аль-Каиды». После 11 сентября основная часть террористических нападений проводилась не «Аль-Каидой», а связанными с ней группами, такими как «Джемма Исламийя», «Ансар Аль Ислам», группировка Аль Заркави, «Группа Салафи за бой и молитву», Абу Сайаф, Исламский полк особого назначения, Исламская международная бригада, «Батальон разведки и саботажа чеченских мучеников 'Риядум-Салихин'», Лашкар-е-Тойба, Джайаш-е-Мухаммад и другие. Многие из этих групп были проникнуты доктриной «Аль-Каиды» или «Талибана», они также получали от «Аль-Каиды» и «Талибана» вооружение, обучение и финансовую помощь в Афганистане и других зонах конфликта на протяжении 1990-х годов.

Сегодня «Аль-Каида» потеряла оперативный контроль над многими из тех групп, которым она помогала, когда Афганистан был террористическим Диснейлендом, в период с февраля 1989 года – после ухода советских войск – до проведенной под руководством США интервенции в октябре 2001 года. Несмотря на потерю «Аль-Каидой» командования и разрушение афганского убежища, связанные с «Аль-Каидой» исламистские группировки продолжают использовать идеологическую и материально-техническую структуру, выстроенную «Аль-Каидой»

за последнее десятилетие. Кроме наличия возросшей мотивации и возможностей нападения на Запад, воинствующие исламисты полны решимости сделать объектами нападения ближневосточные режимы, которые, по их понятиям, не являются исламскими. Позиции исламистов укрепляются в Саудовской Аравии и Йемене, двух странах, которые дали наибольшее количество членов «Аль-Каиды». В среднем, до 11 сентября в Саудовской Аравии осуществлялось по одному террористическому нападению в год. После вторжения США в Ирак в марте 2003 года террористические столкновения или нападения в Саудовской Аравии наблюдаются ежемесячно.

Идеологические, материально-технические и оперативные связи

«Аль-Каида» взаимодействует с рядом исламистских групп по всему миру на местном уровне. Непосредственным результатом таких отношений стало то, что локальные группы становятся все воинственнее, а некоторые становятся столь же воинственными, как «Аль-Каида». Существует заметная разница в идеологии и стратегии этих несопоставимых исламистских групп, но многие из них связаны друг с другом и – что более важно – воздействуют друг на друга. Аль Заркави хотел избрать объектом своих нападений шиитских мусульман в Ираке, чтобы породить гражданскую войну в Ираке, а бен Ладен всегда проводил кампании, следуя скорее политике включения, а не исключения. Тем не менее, «Аль-Каида», и в особенности бен Ладен, все еще пользуются уважением и вызывают благоговейный трепет у многих мусульман, работающих на Заркави или с ним. Фарадж Ахмад Наджмуддин (известный также под именами Салех Крекар, Абу Сайед Фате, Фате Крекар или Мулла Крекар), основатель группировки «Ансар Аль Ислам», в настоящее время проживающий в Норвегии, сказал в 2000 году, что бен Ладен олицетворяет собой венец мусульманского народа. Группировка «Ансар Аль Ислам» была основана путем слияния группировки «Джунд Аль Ислам» («Солдаты ислама») и Исламского движения единства – фракции Исламского движения Иракского Курдистана.⁶

Покойный Ибн уль-Хаттаб, долгое время командовавший Исламской международной бригадой в Чечне, говорил об Усаме бен Ладене как «об одном из главных ученых *джихада*, а также как об основном командующем *моджахидина* (движения моджахедов) во всем мире». Хаттаб добавил:

Запад и остальной мир обвиняют Усаму бен Ладена в том, что он является основным спонсором и организатором того, что они называют «международным терроризмом» сегодня. Но, что касается нас, он наш брат по исламу. Он тот, кто обладает знаниями, и борьба *моджахедов* совместно с его богатством и с ним самим будет вестись ради Аллаха. Он искренний брат наш, и он совсем не такой, в чем его обвиняют неверные. Мы знаем, что он хорошо зарекомендовал себя в *моджахидине* в Афганистане и других регионах мира. То, что говорят американцы, неправда. Однако обязанностью каждого мусульманина является

⁶ Среди расшифровок реестра «Аль-Каиды» в Афганистане я обнаружил и проанализировал две видеокассеты, снятые Исламским движением Иракского Курдистана.

помощь друг другу в деле дальнейшего расцвета религии ислама ... Многие годы он боролся против коммунистов, а в настоящее время он ведет войну против американского империализма.⁷

Проникновение в местные и региональные конфликты транснациональных исламистских групп, таких как сеть Аль Заркави и «Джемма Исламийя», дает большому количеству местных экстремистских групп новые возможности и увеличивает стойкость транснациональных организаций. До недавнего времени многие на Западе воспринимали конфликт в Чечне не как исламистскую кампанию, а как сепаратистское движение. Даже сейчас многие западные правительства разрешают чеченским группам распространять пропаганду, собирать денежные средства и обеспечивать поставки на территории Запада. Подобным образом «Аль-Каида» и другие транснациональные структуры проникли в Кашмир, Алжир, Минданао на Филиппинах, Ирак и другие зоны конфликта. Правительства не до конца осознали тот факт, что после утраты своих баз в Афганистане исламисты просто могут перемещаться по этим зонам конфликта, компенсируя, таким образом, разрушение своих афганских объектов.

Сегодня трудно полностью отделить некоторые региональные конфликты, основанные на местном недовольстве и имеющие свою историю, от движения всеобщего *джихада*. Зоны местного конфликта – от Филиппин до Кашмира, Йемена, Сомали, Алжира – используются «Аль-Каидой» и связанными с ней группами. Например, «Аль-Каида» оказала воздействие на группы из Юго-Восточной Азии, в частности, на их идеологию нападения не только на свои местные правительства, но также и на Соединенные Штаты и их союзников. После того, как «Аль-Каида» оказала поддержку этим незначительным организациям в Юго-Восточной Азии с точки зрения обучения, финансов и идеологии, некоторые группировки стали вести себя как «Аль-Каида». После того как «Джемма Исламийя» (ДИ) стала работать с «Аль-Каидой», лидер ДИ в Сингапуре Ма Саламат Кастари начал строить планы по захвату самолета «Аэрофлота» в Бангкоке, в Таиланде, чтобы врезаться на нем в здание Международного аэропорта Чанги в Сингапуре. И это явный пример тактики «Аль-Каиды», почерпнутой местной группой из Юго-Восточной Азии. Многие местные исламистские группы никогда не прибегали к тактике нападений с большим количеством жертв против западных объектов или же нападений террористов-самоубийц, пока на них не стала оказывать влияния «Аль-Каида».

Понимание сути терроризма

С 7 октября 2001 года, т.е. с начала возглавляемой США интервенции в Афганистане, «Аль-Каида» и ее дочерние группы успешно ищут и осуществляют поддержку своей кампании против США и их союзников. По всему миру прокатилась волна демонстраций, хотя они и не были организованы «Аль-Каидой», не-

⁷ Ibn-ul-Khattab, *Europe: We are still at the beginning of Jihad in this Region* (London: Azzam Publications, 27 сентября 1999).

посредственно после первых авиационных ударов, нанесенных тяжелыми бомбардировщиками США и Великобритании, и после того, как самолеты ВМФ США и крылатые ракеты «Томагавк» нанесли удары по целям близ Кабула, Кандагара и Джелалабада. Для привлечения новобранцев и поддержки «Аль-Каида» и ее дочерние группы продолжают создавать атмосферу доверия среди исламской молодежи, акцентируя при этом внимание на впечатляющих фактах деятельности исламистов. В течение двух последних десятилетий исламистские экстремисты успешно сражались с Советским Союзом и Северным Альянсом (в основном поддерживаемым Россией) в Афганистане, с россиянами в Чечне и с войсками коалиции в Ираке. В исламистской литературе и пропаганде «священная война братьев против неверного Запада» представлена как постоянный долг мусульманина. Кульминацией продолжавшейся десятилетие антисоветской кампании в Афганистане стали распад советской империи и окончание «холодной войны». «Аль-Каида» и связанные с ней группы представляют исламизм как политическую идеологию, которая может сражаться против любой сверхдержавы и поражать ее.

Хотя воздушные удары с применением тяжелых бомб подорвали и привели к упадку инфраструктуру «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане,⁸ части мусульманских территориальных и эмигрантских общин от Австралии до Ближнего Востока и Канады продолжают им новобранцев и финансирование, что несколько восполняет потери.⁹ Жизнеспособность исламистских групп в будущем будет зависеть от их постоянной заинтересованности в радикальной идеологии, которой пока успешно удается поддерживать оперившиеся всеобщие сети поддержки. При фактическом отсутствии контрпропаганды и образованные, и неграмотные мусульмане считают идеологию глобального *джихада* совместимой с исламской теологией.

Чтобы противостоять идеологии терроризма, которая вызывает симпатию у исламистов, антитеррористической коалиции нужны как стратегическое видение, так и тактическое направление. В настоящее время антитеррористическая коалиция испытывает недостаток в потенциале для противодействия широкой стратегии «Аль-Каиды», сформулированной Айманом Аль Завахири, главным стратегом бен Ладена. В своём завещании, озаглавленном «Рыцари под знаменем Пророка», Аль Завахири составил схему будущего направления исламистского движения.¹⁰ Поскольку США формируют свою многонациональную коалицию и раз-

⁸ Philip Smucker, *Al Qaeda's Greatest Escape: The Military and the Media on Terror's Trial* (Washington, D.C.: Brassey's, 2004). Работа Смукера знакомит с оперативными деталями стремительного бегства «Аль-Каиды» на фоне интервенции коалиции, возглавляемой США.

⁹ Michael Isikoff, "9-11 Hijackers: A Saudi Money Trail: The Feds Probe a Possible New Saudi Link to Al Qaeda," *Newsweek*, 22 ноября 2002.

¹⁰ Ayman Al Zawahiri, "The Knights Under the Prophet's Banner," интернет-версия на английском языке, опубликованная в ноябре 2001 года газетой «Аль-Шарк аль-Авсат», 2 декабря 2001.

вертывают свои войска в Афганистане, на Филиппинах, в Йемене и в Грузии, исламисты непрерывно строят многонациональные союзы террористических групп от Дальнего Востока до Кавказа. Выдвигая концепцию универсальности битвы, Аль Завахири успешно расширил конфликт от национальной или региональной до мировой арены. Аль Завахири стремился противостоять инициативам США путем расширения существующего альянса «Аль-Каиды», слагаемого «движений джихада в различных землях ислама, а также [Афганистана и Чечни], которые освободились именем джихада во славу Аллаха».¹¹ Если цитировать Аль Завахири, то этот альянс представляет собой

растущую силу, которая сплачивается под знаменем джихада во имя Аллаха и действует за рамками нового мирового порядка. Эту силу не может поработить господствующая западная империя. Эта сила сулит крах и уничтожение новых крестоносцев, предпринявших поход против земель ислама. Эта сила готова отомстить руководителям мирового сборища неверных: Соединенным Штатам, России и Израилю. Эта сила жаждет воздать должное за кровь мучеников, горе матерей, лишения сирот, страдания находящихся под арестом и боль замученных людей по всей исламской земле, от Восточного Туркестана до Андалусии [мусульманской провинции в Испании].¹²

В своих попытках мобилизовать «исламский народ» «Аль-Каида» видела конфронтацию в Афганистане как битву между «исламом против неверных». Учитывая отсутствие поддержки со стороны исламистских движений непосредственно после событий 11 сентября, «Аль-Каида» подчеркивала необходимость упорства, терпения, непоколебимости и приверженности принципам. Веря в то, что решающим элементом победы является личный пример руководства, «Аль-Каида» переместила ответственность за кампанию на руководителей, а ответственность за качество их руководства – на рядовых членов. Используя выражения из Корана, «О вы, которые уверовали! Терпите, превзойдите всех других в выносливости, будьте готовы и соблюдайте свою обязанность перед Аллахом, чтобы вы могли преуспеть», Аль Завахири добавляет:

Если у руководства начинают проявляться признаки слабости и неуверенности, движение должно найти способы, как поддержать свое руководство и не позволить ему отойти от курса *джихада*. Верность руководству и признание его превосходства и заслуг являются обязанностью, которую нужно подчеркивать, и той ценностью, которую нужно укреплять. Но если верность руководству доходит до того, что становится почти священной, и если признание превосходства и заслуг руководства ведет к его непогрешимости, движение будет страдать от методологической слепоты. Любой изъян в руководстве может привести к исторической катастрофе не только для движения, но также и для всего народа. Этим объясняется важность вопроса о руководстве исламских действий в целом и действий джихада в частности, и понятна потребность народа в ученом,

¹¹ Ayman Al Zawahiri, “Knights Under the Prophet’s Banner—Meditations on the Jihadist Movement,” *Al-Sharq al-Awsat* (на арабском языке), Лондон, 2 декабря 2001.

¹² Там же.

нацеленном на борьбу и рационально мыслящем руководстве, способном вести его целенаправленно сквозь мощные штормы и ураганы, не блуждая, не спотыкаясь бесцельно и не сворачивая с намеченного курса.¹³

Аль Завахири оправдывает расширение методов нанесения ударов и орудия сопротивления, настойчиво делая акцент на четырех пунктах, которые изложены в его книге *«Рыцари под знаменем Пророка – размышления о движении джихада»*, написанной после событий 11 сентября.¹⁴ Во-первых, он подчеркивает потребность нанесения максимально крупных, насколько это возможно, потерь противнику: это тот язык, который понимает Запад, и неважно, сколько для этого потребуется сил и времени. Во-вторых, Аль Завахири подчеркивал необходимость сосредоточиться на операциях мученичества (террористов-смертников) как на наиболее успешном пути нанесения ущерба врагам ислама и наименее затратном для *моджахидина* с точки зрения потерь убитыми и ранеными. В-третьих, он требовал, чтобы объекты нападения, а также тип и метод применяемого оружия выбирались с точки зрения их воздействия на структуру противника, воздействия, достаточного для того, чтобы остановить его «жестокость, высокомерие и пренебрежение любыми табу и традициями». В-четвертых, Аль Завахири подчеркнул, что «на этом этапе уже нельзя просто замыкаться на внутреннем враге», что означало, что местные исламистские группы должны наносить удары не только по внутренним, но также и по внешним объектам нападения, как на своей родной земле, так и за рубежом.

Если учитывать те ограничения, при которых действует «Аль-Каида», то ее призывы в период после краха «Талибана» заставляют исламистские группы, не связанные с «Аль-Каидой», вести террористическую деятельность, направленную на причинение массовых людских потерь. Зная о том, что собственные ресурсы истощены, «Аль-Каида» призывает к изменению методов нанесения ударов и выбора объектов нападений на превосходящие силы коалиции, чтобы «успешно противостоять огромному росту количества ее врагов, качеству их оружия, их разрушительной мощи, их пренебрежению любыми табу и их непочтительности к традициям войны и конфликтов».¹⁵ Предприняв первую исламистскую атаку террористов-смертников на западной земле, «Аль-Каида» сделала террористические действия с использованием террористов-смертников значительно более популярными – проверенная временем тактика причинения противнику значительных потерь убитыми, искалеченными и ранеными. В записанном заранее видеопослании «Аль-Каиды» угонщик самолета, следовавшего рейсом UA93, Ахмед Ибрагим Аль Хазнави (который планировал направить самолет в здание американского Капитолия) провозгласил: «Время унижения и покорения».

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Поскольку силы коалиции осуществляли свои нападения во время рамадана, «Аль-Каида» заявила, что «противник» «пренебрегает любыми табу и неуважительно относится к обычаям ведения войны и к конфликтам».

ния закончилось ... И сегодня мы убиваем их в их собственном доме. Настало время убивать американцев в самом сердце их страны». ¹⁶

Поскольку большинство исламистских групп ограничены территориальными рамками, они вряд ли последуют призывам «Аль-Каиды». Тем не менее, конспиративные агентские ячейки «Аль-Каиды», расположенные в Европе и США, – как недавно сформированные ячейки, так и ячейки, введенные из-за рубежа, – вероятно, будут наносить удары по западной земле. Приоритетное направление своей деятельности «Аль-Каида» видит в смещении кампании в глубь американской территории. Однако беспрецедентное сотрудничество правоохранительных и разведывательных органов, активизированная охота за ячейками «Аль-Каиды» и возросший уровень общественной бдительности в странах Европы и Северной Америки усложняют для террористов проведение операций в этих государствах. Тем не менее, сдерживание террористов с применением обычных средств – захвата, ареста, судебного разбирательства, лишения свободы, унижения, нанесения повреждений или казни – вряд ли сможет постоянно защищать Запад от терроризма. До тех пор, пока оперативные, материально-технические и идеологические инфраструктуры какой-либо террористической группы остаются неповрежденными, терроризм будет угрожать как мусульманскому, так и западному миру. Как мы уже наблюдаем на примере ослабления «Аль-Каиды» как группы, организации, которые осуществляют террор, не являются ни непобедимыми, ни незащищенными от уничтожения. Понимая оперативные и идеологические методы «Аль-Каиды» и ее дочерних группировок, можно разработать контрмеры по их раздроблению, ослаблению и уничтожению. Если тщательно работать и стремиться обнаружить физическую инфраструктуру и организованные группы экстремистских исламистов по всему миру, то их можно будет ликвидировать, а их руководящих лиц лишить правоспособности. Однако может ли долгосрочная стратегическая угроза со стороны насильственных исламистов, быть нейтрализована только военными средствами?

Если проводить какие-либо сравнения, то исламистские организации прошлого «выдохлись», поскольку у них не было структур, проверенных в боях. Ранее опорой исламистов служили их деревни, кланы, организации, сформированные по племенному признаку и основанные на традиционной преданности. Исламистам двадцатого века не доставало современной, крепкой и эластичной организационной структуры. Адаптировав существовавшие до этого модели и эффективно приспособив их к современным требованиям, постмодернистские ис-

¹⁶ «Завещания мучеников битв в Нью-Йорке и Вашингтоне», видеоматериал «Аль-Каиды» в котором Аль Завахири воздает хвалу за нападения 11 сентября. Здесь отснята на пленку исповедь Ахмеда Ибрахима Аль Хазнави, одного из угонщиков самолета, следовавшего рейсом UA 93 и разбившегося в Пенсильвании. Аль Завахири молит Аллаха принять его как мученика, и на фоне его мольбы показан монтаж объятых пламенем Всемирного торгового центра. Этот ролик был сделан «Аль-Джазирой» для западных сетей 15 апреля 2002 года; полный показ данного материала был продемонстрирован на канале «Аль-Джазиры» 18 апреля 2002 года.

ламисты основали гибкие и динамичные организации. Политически скрытая структура «Аль-Каиды» построена на идее интернационализма. Используя методы, почерпнутые из ленинизма, и действуя по боевой марксистской модели, «Аль-Каида» и связанные с ней группы используют боевые средства, строго придерживаются ячеистой структуры, привержены идее кадровой партии, поддерживают жесткую дисциплину, поощряют самопожертвование и почтительность к руководству и следуют четкой программе действий.¹⁷ «Аль-Каида» и ее союзники являются самовоспроизводящимися, и поэтому им трудно нанести поражение. Так как в отношении «Аль-Каиды» или ее сетей не существует исторического прецедента, то уроки прошлого мало что дают. Успех или неудача возглавляемой США антитеррористической кампании будет зависеть от способности и желания США и их партнеров по коалиции учиться по мере развития событий. В непрерывно меняющейся динамичной обстановке, только сводя к минимуму неудачи и закрепляя успех, они могут одержать верх над полным решимости противником, готовым идти как на смерть, так и на убийства. У специалистов по контрреволюционному ведению войны и контртерроризму отсутствует какой-либо план или конкретный способ борьбы с «Аль-Каидой» и ее дочерними структурами, которые вместе составляют основную глобальную террористическую сеть. В кабинетах Буша и Блэра нет человека, равноценного Айману Аль Завахири – стратегу со своей мировоззренческой концепцией и осознанным предназначением.

Хронология возникновения ситуаций и реагирования на них

Угроза терроризма неуклонно растет с момента окончания «холодной войны». В годы после падения Берлинской стены государственные организаторы потеряли контроль над негосударственными вооруженными действующими субъектами. Совместно с окончанием конфронтации между США и СССР идеологический вакуум привел к тому, что огромное количество как обычных, так и особых видов оружия заполонило черные и полулегальные рынки. Более того, возросший темп глобализации возвестил о наступлении эпохи дешевых путешествий и дешевой связи. Как внутри, так и за пределами мировых зон конфликта террористические группы создали организации-вывески и организации-прикрытия, а также привлекли к работе организации, симпатизирующие террористам, для использования в своих интересах факторов глобализации. Эти организации, под видом общинных органов по правам человека, а также гуманитарных, коммерческих, экономических, социальных, культурных, информационных, трудовых, развлекательных, политических, религиозных и иных общинных органов, могли и были готовы эксплуатировать как свои общины, так и другие ресурсы. Из-за непрерывного подавления террористических групп и их баз поддержки на мировом «юге» – в Азии, в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке –

¹⁷ По моделям «красных» см. Noemi Gal-Or, *Revolutionary Terrorism, Encyclopedia of Terrorism*, том 1, 194–96.

многие члены террористических групп и те, кто их поддерживал, переместились на Запад.

Эксплуатируя либеральные ценности Запада, зарубежные террористические группы создали на западной земле широкие сети поддержки, которые финансировали террористические кампании от Алжира до Шри-Ланки. Террористам даже удавалось выколачивать субсидии и получать помощь от западных стран. Следуя практике «холодной войны» по ведению наблюдения за шпионами, западные правительства следили за террористическими группами, действовавшими в их странах, но мало что сделали, чтобы нейтрализовать их. До 11 сентября большинство зарубежных террористических групп использовало Запад в качестве убежища и для поддержки, а не проведения террористических атак против западных государств. Многие западные государства – в особенности Канада, Австралия и Новая Зеландия – вели наблюдение за проводимой этими группами деятельностью по поддержке, но не предприняли никаких шагов по пресечению такой деятельности. После событий 11 сентября, внемля постоянному призыву Усамы бен Ладена об «обязанности мусульман вести джихад», многие ячейки по оказанию поддержки были трансформированы в ударные ячейки.

После взрывов в посольствах США в Восточной Африке в августе 1998 года угроза нападения на США с причинением массового количества жертв стала явной, но Вашингтону не оказали достаточной внутренней или международной поддержки для интервенции в Афганистан. После вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 года Афганистан отобрал пальму первенства у контролируемой Сирией Долины Бекаа в Ливане как главного в мире тренировочного лагеря террористов, где проходили обучение и тренировались почти сорок групп боевиков и террористических групп. Не имея в этом отдаленном уголке Азии каких-либо жизненно важных интересов, которым бы что-либо угрожало, Запад не обращал внимания на страдания афганского народа, два десятилетия терпевшего смерть и разрушения. За последний век человеческая цивилизация во многих направлениях продвинулась далеко вперед, но, словно следуя тению, конфликты, которыми она пренебрегала и которые она игнорировала, с лихвой возвращаются снова. При продолжающемся международном невнимании к Афганистану мировой центр тяжести терроризма на протяжении 1990-х годов постепенно смещался к Афганистану. Хотя в 1990-х годах террористические группы постоянно набирали силу, увеличивались в размерах и становились более влиятельными, правительства так и не осознали важности происходящего. Например, ведущее правоохранительное ведомство США – Федеральное бюро расследований – ставило организованную преступность в списке своих приоритетов выше, чем терроризм. Точно так же, Центральное разведывательное управление США закрыло ряд своих зарубежных наблюдательных пунктов и не инвестировало необходимых средств на работу агентов и на операции по вербовке.

Множество других факторов также способствовало созданию условий, благоприятствовавших событиям 11 сентября: отход США от русла мировой политики; западный миф о том, что контролирование их границ защитит их от остального мира; невнимание международного сообщества к затянувшимся кон-

фликтам и т.д. Соответственно, разработка контрмер была ответной реакцией на нарушение безопасности. Европейские правительства, например, занялись формированием элитных сил по противодействию терроризму в ответ на неспособность Германии предотвратить бойню на Мюнхенских олимпийских играх в сентябре 1972 года, устроенную Организацией освобождения Палестины, в которой погибли израильские спортсмены.¹⁸ Спустя тридцать лет основная траектория международного терроризма переместилась с Ближнего Востока в Азию, но террористические силы все еще в состоянии проводить дальнедействующие операции глубокого проникновения для нанесения ударов по Западу. Ужас, страх и ярость, вызванные нападениями 11 сентября, подвигли правительства на беспрецедентное по уровню сотрудничество в области безопасности, разведки, а также правового сотрудничества по всему миру. Для противодействия альянсу бен Ладена – Всемирному исламскому фронту джихада против крестоносцев и евреев – международное сообщество, хотя и с запозданием, сформировало антитеррористическую коалицию. Центральной идеологией этого исламистского альянса является идеология глобального *джихада*, четко сформулированная «Аль-Каидой» и ее сообщниками. А центральным звеном контртеррористической коалиции являются западные и либеральные азиатские демократии – Северная Америка, Европа, Австралия и Япония, – самые процветающие и мощные государства, которые способны нести долгие годы в будущем тяжесть кампании против терроризма.

Запад является лидером в международной политике. Он руководит международным сообществом, он устанавливает стандарты, и во многих случаях он предоставляет необходимые ресурсы. До событий 11 сентября на терроризм, как существующий, так и относящийся к прошлому, смотрели иначе. Когда Афганистан постепенно превращался в надежное убежище для террористов, мир смотрел на это по-иному; западные и другие правительства не смогли дать прогноз возможному развитию событий. Предшествующие событиям 11 сентября ответные действия Запада на терроризм были реагирующими. Западный склад ума был складом ума рыбака, а не охотника. По аналогии с рыбаком правительственные правоохранительные органы реагировали лишь после того, как происходило нападение. Многие правительственные агентства должны были ждать указаний для начала проведения расследования; контртеррористические операции проводились на основе указаний, а не данных разведки. Если использовать образное сравнение с охотником, то после событий 11 сентября правительственные правоохранительные органы, работая в тесном контакте с разведывательными органами, с упреждением наметили объектами нападения террористические ячейки, занимавшиеся планированием и подготовкой операций. Под влиянием событий 11 сентября мировоззрение США изменилось, на европейское же мировоззрение повлияли события 11 марта, когда были взорваны поезда в Мадриде. К

¹⁸ Bruce Hoffman, *Inside Terrorism* (London: Victor Gollancz, 1998); 124, и Paul Wilkinson, *Terrorism Versus Democracy: The Liberal State's Response* (London: Frank Cass, 2001), 190.

сожалению, для того чтобы страны смогли разработать прочные меры, им пришлось испытать на себе ужасы терроризма. Не случись этого, законодательство не имело бы общественной поддержки, а политикам не хватило бы духу предпринять необходимые меры для борьбы с терроризмом.

Реакция Запада, как модель контртеррористического реагирования, *должна быть* правильной, для того, чтобы ее мог бы взять на вооружение весь остальной мир. В этом отношении Запад рассматривался законодателем стандартов. Например, элитные подразделения по ведению контртеррористических действий были созданы только после Мюнхенской олимпиады 1972 года. После того, как германской полиции не удалось нейтрализовать нападение со стороны организации «Черный сентябрь» (фракции Фата, военного крыла ООП) и захват ими в заложники израильтян, немецкое правительство создало элитные силы GSG9, а французское правительство вскоре после этого создало группу интервенции национальной жандармерии GIGN. Другие правительства, включая Италию, Испанию и ряд других стран за пределами Европы, последовали их пример. Запад был находчивым; он обладал большим самообладанием в контртеррористической борьбе. В таких зонах конфликта, как Босния и Герцеговина, силы Североатлантического альянса НАТО введены на долгий срок. В дополнение ко всему, у Запада было технологическое преимущество; его агентства технической разведки обладали мировым масштабом и собирали наибольшее количество разведывательной информации.¹⁹ Пока Запад не разработает надлежащую модель по борьбе с терроризмом, остальной мир будет испытывать дефицит руководства и возможностей вести эту борьбу своими собственными силами.

Проблемы реагирования

Чтобы долгое время поддерживать кампанию политически мотивированного насилия (восстания, терроризма, партизанской войны, убийств по политическим мотивам, саботажа, умышленного истребления культуры какой-либо этнической группы), их сторонники и преступные исполнители выстроили сети поддержки, а также оперативные структуры. В то время как сети поддержки осуществляют финансирование и оказывают помощь в вербовке кадров, оперативные структуры готовят и осуществляют нападения. В борьбе с терроризмом важно, чтобы как правительства, так и общественность этих стран понимали, что оперативные ячейки не могут выжить без ячеек поддержки. Поэтому, реагируя на терроризм, правительства должны не только вступать в бой с самой террористической группировкой и пытаться нейтрализовать ее, но также вести борьбу и против базы поддержки до тех пор, пока эта организация не выдохнется. Обычно спектр мер, необходимых для перекрытия возможностей ведения операций какой-либо организации включает нейтрализацию руководства и одновременное сдерживание поддержки данной организации со стороны общественности для гарантии того,

¹⁹ Rohan Gunaratna, "The Terrorist Threat to the Continent," выступление на встрече Специального комитета НАТО на уровне министров иностранных дел, Копенгаген, 27 мая 2004.

что такая группа не возродится из пепла. Эти методы нацелены как на террористическую группу – особенно на высшее руководство, – так и на базу поддержки. Поскольку экстремистская идеология и сети поддержки обеспечивают жизнеспособность группы, избрание этих компонентов в качестве объекта для нападения является исключительно важным. Разведывательные органы, военные силы и правоохранительные ведомства по одиночке не могут бороться с терроризмом и экстремизмом.

В сети поддержки террористов пропаганда является ключевым фактором при вербовке и оказании поддержки. Террористы интенсивно используют непропорционально обширные сети поддержки. Например, Мухаммед Мансур Джабара, канадец, которому было поручено координировать атаки «Аль-Каиды» в Юго-Восточной Азии, был завербован Сулейманом Абу Гайтом, жителем Кувейта, который показал ему

видеокассеты пропагандистского толка о войне в Чечне и рассказал ему об Абдулле Аззаме, одном из основателей экстремистской исламской философии. Джабара возвратился в Канаду, но его сердце уже было отдано джихаду ... Джабара начал собирать деньги в южной части Онтарио для исламских бойцов в Чечне, а затем послал собранные деньги Абу Гаиту. ... На видеокассете Абу Гаит записал свое заявление, в котором он называл нападения 11 сентября «правильным деянием ... американцы должны знать, что атаки с использованием самолетов не ослабнут, с дозволения Аллаха. У нас тысячи молодых мусульман, которые горят желанием умереть, точно так же как американцы хотят жить».²⁰

Однако правительства терпят террористические сети поддержки, поскольку они не несут прямой или непосредственной угрозы. Более того, большинство западных либеральных демократий, таких как Канада, а также недавно возникших демократий – правительств на мировом «Юге», которые стремятся брать пример с Запада, – позволяют террористическую пропаганду.

Интернет как основное средство коммуникации

Последние тридцать лет контртеррористические курсы, структуры и практическая деятельность разрабатываются в большой степени для борьбы с террористическими оперативными ячейками, а не с ячейками поддержки. Но, поскольку террористы, подобно акулам, быстро передвигаются в поисках новых возможностей, то они используют такое новшество, как Интернет. Несмотря на статус Интернета как главного метода, посредством которого идеологи террористов после 11 сентября знакомят со своим учением новых рекрутов, законодательство по пресечению деятельности террористических и экстремистских веб-сайтов до сих пор находится в зародышевом состоянии. Кроме укрепления своей системы убеждений, исламисты используют «Интернет по пяти основным целям: пропаганде, вербовке, ознакомлению с учением, увеличению фондов, [и] психологическому

²⁰ Stewart Bell, *Cold Terror: How Canada Nurtures and Exports Terrorism Around the World* (Toronto: John Wiley & Sons, 2004), 194–95.

ведению войны».²¹ Интернет предоставляет террористическим организациям и их базам поддержки

легкий доступ, практическое отсутствие контроля, цензуры или других форм правительственного контроля, потенциально огромную аудиторию по всему миру, анонимность коммуникации, быстрый поток информации, недорогостоящую разработку и поддержание веб-сайтов, мультимедийные возможности (способность сочетать тексты, графику, аудио и видео и способность для пользователей Интернета загружать фильмы, песни, книги, плакаты и тому подобное), а также возможность оформлять свои идеи в средствах массовой информации, которые во все возрастающей степени используют Интернет как источник для своих сюжетов.²²

Приводя пример того, как Интернет используется в качестве платформы для политизации, радикализации и мобилизации деятельности по поддержке террористов, один аналитик утверждает: «Потенциальных новобранцев засыпают религиозными постановлениями и антиамериканской пропагандой, их обеспечивают учебной литературой о том, как стать террористом, и – поскольку их ведут через лабиринты секретных разделов чатов – им дают конкретные инструкции о том, как приехать в Ирак».²³ В одном особенно наглядном обмене сообщениями в секретном чате «Аль-Каиды» в начале сентября 2003 года один неизвестный пользователь-исламист, имя пользователя которого было «Искушение близится», написал: «Братья, как я могу попасть в Ирак для совершения джихада? Есть ли там какие-либо армейские лагеря, и есть ли кто-нибудь, кто командует там?». Через четыре дня он получил ответ от «Беспощадного террориста»: «Дорогой брат! Перед тобой открыта широкая дорога – здесь много групп, присоединяйся к кому-нибудь, кому ты доверяешь, он будет защитником иракских земель, и с помощью Аллаха ты станешь одним из *моджахедов*».²⁴

Американские веб-сайты, чаты и дискуссионные группы использовались базировавшимися в США ячейками для того, чтобы нанести удар по американским интересам. Например, сообщение на «Yahoo!QoqazGroup» от 25 февраля 2003 года призывало мусульман, которые служат в американских вооруженных силах, раскрывать данные по объектам нападения *моджахидину*. В срочном призыве запрашивалась информация об объектах для нападений, включавшая месторасположение американского военного личного состава, материально-техническое обеспечение и боевую технику, а также места американских нефтяных интересов и маршруты кораблей, обслуживающих их. Создателем этого сообщения был «Абу Банан», частый участник дискуссионной группы. Такая информация, если

²¹ Madeleine Gruen, “White Ethnonationalist and Political Islamist Methods of Fund-raising and Propaganda on the Internet,” в *The Changing Face of Terrorism*, под ред. Rohan Gunaratna (Singapore: Eastern Universities Press, 2004), 127.

²² Gabriel Weimann, *www.terror.net: How Modern Terrorism Uses the Internet*, United States Institute of Peace Publication No. 116 (март 2004), 13.

²³ Weimann, “www.terror.net,” 13.

²⁴ Там же, 8–9.

бы она была предоставлена, могла бы привести к значительным потерям убитыми и ранеными среди американских войск и войск союзников. Точно так же, другой из членов той же дискуссионной группы, Халид Джбаихи, предоставил детальный ответ на конкретный запрос информации о том, как добраться на поезде до тренировочного лагеря группы «Ласкар-е-Тойба» в Пакистане для осуществления джихада. Начиная с октября 2001 года, возглавляемая США глобальная коалиция ликвидировала тренировочные лагеря «Аль-Каиды» и некоторых других исламистских групп в Афганистане. Чтобы частично компенсировать свои потери, были созданы тренировочные лагеря в Пакистане, где «Ласкар-е-Тойба», группа, связанная с «Аль-Каидой», предоставляла обучение. К тому времени, когда Халид Джбаихи поместил эти часто встречающиеся «плакаты» на «Yahoo!QoqazGroup», ФБР выявило, что он был студентом-компьютерщиком в Университете штата Нью-Мексико в США.

Горя желанием присоединиться к *джихаду*, саудовский докторант Сами Омар Аль-Хуссаин из города Москау, штат Айдахо, часто посещал многочисленные электронные базы.²⁵ Аль-Хуссаин помогал²⁶ шейху Салману Аль-Уде и шейху Сафару Аль-Хавали, двум саудовским шейхам, связанным с «Аль-Каидой»,²⁷ и ее

²⁵ Несметные доказательства роли, которую играл Аль-Хуссаин, дают материалы, изъятые и восстановленные из домашнего компьютера Аль-Хуссаина, перехваты сообщений в рамках Акта о наблюдении в целях внешней разведки (FISA), данные, полученные от Службы по организации и размещению веб-сайтов «О-Эл-Эм», файлы, полученные от провайдеров «Interland» и «Yahoo»; файлы, полученные из интернет-архивов веб-сайтов, и документы, изъятые во время обыска у Аль-Хуссаина дома. Я проанализировал содержимое двух из двадцати одного компьютера, изъятых ФБР.

²⁶ Перехваты сообщений в рамках Акта о наблюдении в целях внешней разведки, [B67a], 15 января 2003.

²⁷ «Взрывы бомб на объекте Национальной гвардии Саудовской Аравии в Эр-Рияде, Саудовская Аравия, 13 ноября 1995 года», телекс из отделения ФБР в Атланте директору ФБР; основан на факсе, полученном отделением «Си-Эн-Эн» в Атланте в 23 часа 39 минут, 14 ноября 1995 года; Операция «Благословенная Кааба» и операция «Мечеть Акса», именем Аллаха милостивого, всемогущего, номера заявления (2) и (3) соответственно, Исламская армия по освобождению святых мест, без даты и места издания; Формирование Исламской армии по освобождению святых мест, именем Аллаха, милостивого, всемогущего, номер заявления, (1), Исламская армия по освобождению святых мест, без даты и места издания. Все документы были представлены Министерству юстиции США.

лидеру Усама бен Ладену.²⁸ Кроме свидетельств предоставления поддержки двум кампаниям, в Палестине и Чечне,²⁹ ФБР обнаружило в компьютере у Хуссаина литературу Хамаса по мобилизации средств, а также фотоснимки Ибн-уль-Хаттаба³⁰ и Шамиля Басаева.³¹ Более того, Аль-Хуссаин распространял статьи, интервью, радио- и телепередачи и *фетву* (правовые указы), призывая террористов-смертников к осуществлению взрывов и оправдывая такие действия.³²

Идеологи терроризма и их пособники используют «всемирную паутину» и книги для распространения информации и дезинформации в своей кампании в целях дальнейшей политизации и радикализации мусульман против Запада. Для того чтобы «понять джихад», стратег «Аль-Каиды» Имам Самудра заявил, что он прочитал ряд книг, включая книги шейха Сафара Аль-Хавали,³³ шейха Салмана Аль-Уды,³⁴ ряд статей из интернетовских сайтов, включая «www.Azzam.com, www.qogaz.Net, www.abubaseer.com, www.jehad.net, www.khurasan.com, www.Azfallrasas.com, www.jihadurspur.net, [и] www.makthabah.net».³⁵ Затем ему пришла в голову идея взорвать бомбы в двух ночных клубах на Бали, где погибли 202 человека. Случай Имама Самудры – наглядная иллюстрация того, как через книги или Интернет можно прийти к практической террористической деятельности *джихада*, начитавшись работ исламистских идеологов и проникнувшись их идеями.

²⁸ Как непосредственно сам, так и под прикрытием «Аль-Каиды» Усама бен Ладен неоднократно извещал о взглядах этих двух саудовских шейхов и призывал освободить их из саудовского заточения. Более того, правительства США и других стран получили и расшифровали существенную информацию и пропагандистские призывы со стороны этих двух людей в Афганистане и Пакистане, в особенности от Аль-Уды. Полученная и расшифрованная информация включала аудиокассеты Аль-Уды и один компакт-диск, на котором было написано имя Аль-Уды, а также краткую сводку на английском языке, изъятую из явочной квартиры «Аль-Каиды» в Исламабаде, Пакистан; IB96 и номер отслеживания по Афганистану AFGP-2002-803723. Две аудиокассеты Аль-Уды были обнаружены в бывшем доме Усамы бен Ладена в Кандаларе, в Афганистане, помечены AFGP-2002-801184.

²⁹ Файл, полученный от провайдера «Interland» 13 октября 2000 г.; файл, обнаруженный в домашнем компьютере Аль-Хуссаина 10 ноября 2000 г.; файл, полученный от «Yahoo!» 9 февраля 2000 г.; а также файл, восстановленный из домашнего компьютера Аль-Хуссаина 15 июня 2000 года.

³⁰ Файл получен от «Yahoo!», 13 июня 2000 г..

³¹ Файл получен от «Yahoo!», 11 февраля 2000 г..

³² Аналитик ФБР по разведке Джон П. Пулкастро, файл 265C-SU-55418-197, расследование ФБР от 08 ноября 2002 года в Спокейне, штат Вашингтон, 19 ноября 2002 г.

³³ «[Арабское название] (Осуждение Киссинджера) шейха д-ра Джафара Хавали, в котором содержатся данные о зверствах и грабежах США в двух исламских святых местах (Харамаин)». Полицейский допрос имама Самудры, 16 декабря 2002 г.

³⁴ «Фетва, написанная шейхом д-ром Салманом Аль-Удой, касающаяся преступлений США против исламского мира (государств)». Полицейский допрос имама Самудры, 16 декабря 2002 г.

³⁵ Полицейский допрос имама Самудры, 16 декабря 2002 г.

Террористические инфраструктуры поддержки обладают большим самообладанием в сравнении с террористическими оперативными структурами. До тех пор, пока правительства не будут в состоянии бороться с инфраструктурами поддержки и концептуальными инфраструктурами террористов, последний будет продолжать цвести пышным цветом. Чтобы бросить вызов современной войне терроризма, правительства должны продумывать свои действия, не ограничиваясь рамками узких национальных интересов и традиционной военной стратегии. То есть, правительства должны быть готовы работать в тесном контакте с другими правительствами на ежедневной основе, развивать критическое мышление, а также разрабатывать новые структуры по борьбе как с насилием, так и с экстремизмом, который способствует насилию.

От сотрудничества к совместной работе

С глобализацией терроризма на протяжении 1990-х годов резко изменились характер, качество и масштаб международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Активизированное сотрудничество в области международных контртеррористических усилий по борьбе как с внутренним, так и с международным терроризмом, показало себя одним из основных путей эффективного реагирования. Факторами, движущими современным международным сотрудничеством, являются возросшее распространение террористических организаций и серьезность характера террористической угрозы. Из-за возросшей глобализации террористические группы достаточно легко могут проводить свои операции за рубежом. У некоторых групп либо уже сформированы ячейки поддержки или оперативные ячейки в других странах, либо некоторые группы сотрудничают с мыслящими в том же русле группировками по всему миру. По мере того, как движение «Аль-Каида» достигало глобального распространения, оно стало классическим примером террористического конгломерата.

Террористические группы проводят свой террор по двум направлениям: атаки с нанесением массовых увечий и человеческих жертв и нападения с причинением массовых разрушений.³⁶ Некоторые группы, такие как сеть Абу Мусаба Аль Заркави, успешно приобрели, разработали и, вероятно, собираются использовать в самое ближайшее время химические, биологические и радиологические вещества. Тем, кто жил верой, что террористы не будут убивать, калечить, увечить и травмировать большое количество людей, события 11 сентября достаточно наглядно показали сегодняшние и будущие намерения террористов.

После событий 11 сентября существенно изменился масштаб вопросов, с которыми нужно работать, спектр действующих субъектов и объем сотрудничества. Области взаимодействия включают сотрудничество в сфере безопасности и разведки, правопорядка, а также военного, правового, дипломатического и политического сотрудничества. В дополнение к послевоенному альянсу – системе

³⁶ Gilbert King, *Dirty Bomb: Weapons of Mass Disruption* (New York: Chamberlain Bros., 2004).

Австралия – Канада - Великобритания - США - Новая Зеландия – выросло число действующих субъектов, ведущих сотрудничество по борьбе с терроризмом. Несмотря на прошлые и существующие по сей день идеологические различия, Россия и Китай сотрудничают с Соединенными Штатами. За исключением Египта, у которого налажены двусторонние связи с государствами НАТО, средиземноморские страны – включая Мавританию, Марокко, Алжир, Иорданию и Израиль – стали партнерами по диалогу с Европой и Северной Америкой. Даже Ливия, Судан и Иран—бывшие активные спонсоры терроризма—предоставляют информацию США и другим странам. Например, в случае сети Абу Мусаба Аль Заркави, Ирак сотрудничал с Иорданией. Хотя Сирия все еще и продолжает рассматриваться как государственный спонсор терроризма, Дамаск иногда сотрудничает с США по отдельным вопросам.

Что касается «Аль-Каиды» и ее союзников, то правительство США сотрудничает со 120 странами; Британия сотрудничает примерно со 100 странами; точно так же и Пакистан сотрудничает с 70 странами. Все же основной объем сотрудничества – и основной объем оперативной работы – ведется между англосаксонскими странами, за которым следует партнерство с какой-либо третьей страной: Новой Зеландии с Сингапуром, Австралии с Новой Зеландией, США с Израилем, США с Пакистаном, Великобритании с Индией и т.д. После того, как ближневосточные и азиатские страны стали предоставлять Западу правильные и своевременные разведывательные данные, исчезли традиционные преграды между Западом и мусульманским миром по обмену разведывательными данными. Несмотря на некоторые неудачи и отступления, такие как одностороннее вторжение США в Ирак, неспособность американцев посредничать в израильско-палестинском конфликте, или скандал, связанный со злоупотреблениями в тюрьме «Абу-Грейб», сотрудничество по контртерроризму продолжается.

Усилия в сотрудничестве по контртерроризму постепенно переходят от координации деятельности к совместной работе. Традиционно службы безопасности и разведки обмениваются информацией по передвижениям, финансам и оружию террористов. Поскольку террористы начали действовать за границами своих стран, то службы безопасности стали координировать синхронность проведения своих контртеррористических операций. В настоящее время службы безопасности переходят от координации действий по операциям к совместной работе по нанесению ударов по террористическим сетям. Области совместной работы включают обмен персоналом, совместные учения, совместные и объединенные операции, обмен опытом, перевод ресурсов и разработку общих баз данных. В дополнение к службам безопасности, правоохранные ведомства выстраивают отношения со своими коллегами из других стран по обмену данными, отправке своих сотрудников за рубеж и по участию в совместных учениях и расследованиях. Кроме того, что ФБР увеличило количество своих сотрудников, работающих по всему миру, государственные и местные правоохранные органы, такие как Полиция Нью-Йорка, направили своих офицеров-разведчиков в Европу, на Ближний Восток и в Азию. В сотрудничестве правоохранных органов произошли радикальные изменения, как в мировоз-

зрении, так и в практической деятельности. Например, теперь полицейские впервые награждаются не только за возбуждение и ведение дела, а затем успешное преследование по закону, но и за вербовку террористов и их сподвижников.

Обмен информацией остается центральным звеном совместной работы по контртерроризму. Традиционно информацией обменивались только руководители служб или специально назначенные лица. Из-за серьезного характера угрозы сотрудничество сегодня стало как официальным, так и неофициальным. Сотрудники по контртеррористической деятельности готовы обходить стороной правительственные положения и постановления с тем, чтобы обмениваться особо срочными разведывательными данными со своими коллегами из других стран. Поскольку запрос на проверку банковского счета или перехват телефонных разговоров может занять несколько месяцев или лет, если использовать традиционные правовые каналы, сотрудники, которые осознают степень угрозы, готовы обойтись без бюрократических препон и неформально помочь своим зарубежным коллегам по работе. В лагерях «Экстрэй» и «Дельта» зарубежные разведчики, занимающиеся вопросами контртерроризма, получили доступ к арестованным из их стран и из других иностранных государств. При обмене разведывательными данными тот человек, которому предоставляется информация, не просто представитель запрашиваемой стороны, занимающий определенную должность и имеющий определенное звание, но и человек, «которого ты знаешь и знаешь хорошо».³⁷ Развитие таких неформальных связей между разведывательными ведомствами чрезвычайно важно в обстановке сферы безопасности, где ситуация угрозы формируется быстро, и где разведывательные данные, собранные на одной стороне земного шара, возможно, могут быть полезны на другой стороне.

Контртеррористическая разведка как функциональная деятельность традиционно относится к сфере деятельности служб безопасности. При такой работе, являющейся исключительно областью ответственности этих ведомств, функции контртеррористической разведки прочно удерживаются в этих структурах, а некоторые службы все еще ревностно сохраняют их только за собой. Тем не менее, в странах, которые напрямую пострадали от терроризма, службы безопасности и разведывательные службы решили коллективно использовать разведывательные данные среди различных агентств, занимающихся внутренними, внешними, гражданскими и военными делами, а также со своими коллегами из правоохранительных и военных органов. Например, Шин Бет – служба внутренней безопасности Израиля – действует в Израиле и на оккупированных территориях как разведывательная служба, а за границей она играет роль службы безопасности. Из-за высокого уровня угрозы, с которым Израиль сталкивается каждодневно, Шин Бет будет обмениваться информацией и работать в тесном контакте с Израильской военной разведкой – службой, которая работает как в Израиле, так и за ру-

³⁷ Интервью с подполковником Майком Доламором, начальником Школы контртерроризма, Великобритания, декабрь 2002 г.

бежом. На ежедневной основе Шин Бет и военная разведка будут обмениваться разведывательными данными с «Моссадом» – израильским агентством по внешней разведке, которое отвечает как за разведку, так и за тайные действия за рубежом. К сожалению, правительственные агентства начинают сотрудничать с другими агентствами, даже в их собственных странах, только в том случае, когда они на себе испытали ужасы терроризма и понимают, что теперь над ними висит постоянная угроза. Внутриведомственное сотрудничество является решающим для международного межведомственного сотрудничества. При глобализации терроризма и быстром развитии террористических сетей, у правительств не остается выбора, кроме как выстраивать структуры многостороннего сотрудничества разных ведомств.³⁸ Без развития системы сбора разведывательных данных и механизмов обмена ими среди различных агентств для действующих правительств будет трудно формулировать задачу удара по террористическим сетям, пока те не нанесут удара.

Главные действующие субъекты

Действующие субъекты, которые сотрудничают в области контртерроризма, включают службы безопасности и разведки, правоохранные ведомства, военные силы, судебные органы, дипломатические управления и политических руководителей.

Безопасность и разведка. Наиболее четко выраженной формой сотрудничества является обмен информацией между службами безопасности и разведкой по всему миру. Англосаксонские и западноевропейские службы работают в тесном контакте начиная со Второй мировой войны. До событий 11 сентября сотрудничество по существу ограничивалось обменом информацией по объектам шпионажа. Совместные тайные операции были редки в 1990-е годы, хотя исключения и имели место. Таковым было сотрудничество ЦРУ с хорватскими и египетскими коллегами по захвату Фуада Талата Кассима, руководителя по оперативной работе Египетской исламской группы. До событий 11 сентября службы безопасности на Западе редко проводили совместную работу со службами западных стран. После событий 11 сентября западные службы были вынуждены

³⁸ Практический пример, когда одно азиатское разведывательное агентство может завербовать студента, поехавшего на Ближний Восток на учебу. Ближневосточному пункту европейского разведывательного агентства, проводящего совместную работу с этим азиатским агентством, таким образом, удастся заполучить информатора. Другой практический пример, как европейское агентство будет вербовать мусульманина из Европы и поручит ему проникнуть в группу мусульман, едущих в Ирак, чтобы воевать с силами коалиции. По прибытии в Ирак этот мусульманин из Европы будет арестован войсками США. Этот информатор будет изолирован, допрошен силами коалиции на предмет сетей, способствующих функционированию маршрутов, используемых для доставки бойцов в Ирак, а затем либо выпущен на свободу для выработки более глубокого ознакомления с иракской платформой военных действий, либо отправлен назад в страну пребывания для проведения будущих операций.

работать с тесном контакте со своими ближневосточными, азиатскими и африканскими коллегами по терроризму. Так как терроризм все более воспринимается как общая угроза, службы безопасности и разведки по всему миру ведут совместную работу, проводят совместные операции против террористических объектов в мировом масштабе.

Правопорядок. Традиционно органы полиции, таможни, иммиграции, береговой охраны и другие правоохранительные органы обмениваются информацией криминального характера. Правоохранительные органы берут на себя часть обязательств по контртерроризму только в случае повышения угрозы. Даже Интерпол и Европол начали акцентировать внимание на вопросах терроризма только на исходе прошлого века. До событий 11 сентября многие сотрудники правоохранительных органов в странах, которые не испытывали на себе периодических проявлений терроризма, твердо считали, что контртерроризм – это ответственность служб безопасности и разведки. За исключением Нью-Йорка и Вашингтона даже сегодня многие полицейские управления на уровне штата и на местном уровне полагают, что контртерроризм – это ответственность центрального американского правоохранительного агентства – ФБР. Однако там, где правоохранительную работу возглавляли вдумчивые и компетентные руководители, органы на уровне штата и местного уровня начинают наращивать контртеррористический потенциал, очень похожий на тот, который они наращивали в борьбе с должностной, насильственной и организованной преступностью. Лишь немногие полицейские управления разделяют со своими коллегами из разведки бремя не только полицейского контроля и реагирования, но также и работу, связанную со сбором и анализом разведывательных данных по контртерроризму. Скорее не опора на федеральные органы по сбору разведывательных данных в их собственном государстве, а работа агентств на уровне штата по каждодневному сбору и анализу разведывательной информации повысили качество разведывательной информации, получаемой на выходе. Любые органы или агентства хорошо действуют тогда, когда они постоянно держат руку на пульсе реального развития событий: Это и проведение наблюдения за людьми, подозреваемыми в терроризме, или за установленными террористами, а затем их задержание; проведение рейдов и захват убежищ террористов; проведение допросов задержанных и разбирательств; осуществление вербовки террористов и внедрение информаторов в террористические группы и их базы поддержки. В федеральных правоохранительных органах, правоохранительных органах на уровне штата и местных правоохранительных органах объем сотрудничества особенно вырос по вопросам, имеющим отношение к терроризму.

Вооруженные силы. Неспособность разведывательных и правоохранительных организаций эффективно бороться с терроризмом на своей территории вынудила Соединенные Штаты предоставить своим вооруженным силам исполнение контртеррористической роли. В сравнении с очень незначительным количеством террористов, убитых или арестованных, а затем осужденных в судебном порядке правительством Соединенных Штатов на своей территории на протяжении 1990-х годов, количество лиц, ставших террористами, выросло за рубежом на

целый порядок. Более того, правоохранительные органы США не могли эффективно проводить операции против «Аль-Каиды» или «Талибана», предоставившего ей убежище, без поддержки вооруженных сил США. Непрерывающееся использование «Аль-Каидой» Афганистана как базы для проведения операций после 11 сентября заставило США разместить в этой стране свои вооруженные силы для ликвидации тренировочной и оперативной инфраструктуры террористов в Афганистане и замены режима «Талибана». В результате кампании, проведенной в Афганистане, у вооруженных сил коалиции значительно выросли знания о терроризме. До событий 11 сентября контртерроризм был функцией лишь некоторых видов вооруженных сил. Даже в Агентстве военной разведки Министерства обороны США или в Штабе военной разведки Министерства обороны Великобритании было менее сотни сотрудников, занимавшихся вопросами контртерроризма. Сотрудничество по контртерроризму между агентствами военной разведки ограничивалось лишь единицами, а то и вовсе отсутствовало в остальных случаях. Даже в НАТО акцент деятельности в период после «холодной войны» делался на обычной военной угрозе. За исключением Специального комитета НАТО (встречи глав служб безопасности и разведки в евроатлантической зоне), который до конца 1990-х годов сосредотачивался в своей деятельности на вопросах шпионажа, осознание террористической угрозы и реагирование на нее не входило в список приоритетов. С формированием коалиций в Афганистане и Ираке западные вооруженные силы стали обмениваться друг с другом разведывательными данными по контртерроризму и начали проводить совместные и объединенные операции, в основном за рубежом. Поскольку в количественном отношении вооруженные силы являются большинством, правоохранные и разведывательные службы используют опыт и знания, которыми обладают их военные коллеги.

Судебные органы. При терроризме, приобретающем глобальный характер, для министерств и управлений юстиции различных стран стало необходимым осуществлять совместную работу. Многие террористические группы осведомлены о трудностях и разногласиях, существующих между разнообразными системами уголовной юстиции и тюремными системами, и они эксплуатируют их, чтобы выжить и удачно проводить свои операции. Франция многократно выражала недовольство, что некоторые воинствующие исламистские группы функционировали в Великобритании, даже после 11 сентября. Рабочая партия Курдистана, став объектом нападений в Германии, переместила свою инфраструктуру в Брюссель и другие европейские города, у которых не было столь жесткой позиции в отношении терроризма. Точно так же, некоторые насильственные исламистские группы нашли надежные убежища в скандинавских странах, Швейцарии и Канаде. Вот уже многие годы несовместимость систем криминальной юстиции и различные правовые стандарты препятствуют судебному сотрудничеству. После «холодной войны» правительства начали совершенствовать свои законодательства, в основном по криминальным вопросам. В обстановке, сложившейся после 11 сентября, большинство правительств предпочитает вынесение судебного решения вместо экстрадиции, которая является достаточно долгим процессом.

Только некоторые правительства в Европе – в особенности Великобритания и Германия – настаивают на экстрадиции. Поскольку министерства и управления юстиции все активнее работают над проблемами контртерроризма, некоторые из них создали отдельные подразделения по контртерроризму. Большинство судебных органов, хотя и с запозданием, разработало соответствующее законодательство по борьбе с терроризмом. Например, из-за отсутствия закона австралийское правительство не может взять под стражу Абдула Рахима, лидера австралийского подразделения «Джемма Исламия», который покинул Австралию через неделю после того, как «Джемма Исламия» убила 88 австралийских граждан на Бали, в Индонезии. Из-за возросшей и непрекращающейся угрозы правительства все активнее занимаются разработкой законодательства, отвечающего времени, а также разработкой общих стандартов и процессуальных норм, по крайней мере, на региональном уровне. Тем не менее, даже в развитой Европе из-за различных правовых систем, действующих на континенте, трудности огромны, а прогресс ограничен.

Дипломатические органы. Трудно переоценить возможности, которыми располагают дипломатические органы в действиях против иностранных террористических групп, ведущих свои операции за рубежом. Например, дипломатические и политические инструменты управления имеют большое значение для оказания давления на другие правительства, которые активно или молчаливо поддерживают функционированию иностранных террористических групп или баз поддержки на своей территории. Во многом события 11 сентября были результатом длительной неспособности Соединенных Штатов убедить Пакистан осуществить вторжение в Афганистан, заставить «Талибан» отойти от Усамы бен Ладена как союзника и закрыть иностранные тренировочные лагеря. Хотя американцы и не смогли достигнуть желаемых результатов, американскому и британскому правительствам удалось убедить Хартум выгнать бен Ладена из Судана в мае 1996 года. Дипломатические меры, поддерживаемые методом экономического «пряника» и военного «кнута», могут дать желаемые результаты. Обычно министерства иностранных дел осуществляют сотрудничество в области контртерроризма, в первую очередь, по вопросам международного права, касающегося терроризма. Например, министерства и управления по иностранным делам государств работают в тесном контакте по разработке и выполнению международных и региональных конвенций. Более того, отдельные западные правительства – в особенности Соединенные Штаты – используют дипломатические каналы для усовершенствования специалистов и для иных форм оказания помощи другим государствам, в особенности правоохранительным агентствам в развивающихся странах. Кроме уже имеющегося собственного училища, ФБР открыло специальное училище для обучения иностранных сотрудников правоохранительных органов. После событий 11 сентября, как США, так и некоторые ведущие державы соединили в одно целое иностранную помощь и субсидии по сотрудничеству в области контртерроризма. Кроме получения статуса союзника, не входящего в НАТО, Пакистан получил несколько сотен миллионов долларов помощи в обмен на содействие в работе США по преследованию «Аль-Каиды», «Тали-

бана» и их сообщников. Многие министерства иностранных дел создали отделы по контртерроризму, а некоторые министерства иностранных дел даже назначили послов по вопросам контртерроризма.

Политические органы. После осуществления атак 11 сентября терроризм стал восприниматься не как помеха и проблема правопорядка, а превратился в угрозу национальной безопасности. Вопросы, связанные с терроризмом, сейчас стоят на повестке дня встреч глав государств и штатов или даже министров и руководителей управлений. После событий 11 сентября была открыта новая страница в сотрудничестве между политическими лидерами. Успешное сотрудничество между Джорджем Бушем-младшим и Тони Блэром по Ираку способствовало поддержке Великобританией вторжения США в Ирак. Посредством прямого и личного общения лидеры стремятся обойти длинный бюрократический процесс и сделать выполнимыми решения и действия, принимаемые от имени государства. Чтобы действия в борьбе с контртерроризмом стали эффективными, решающее значение здесь имеют неослабевающее внимание к ним со стороны политического руководства государства и целеустремленность в их выполнении.

Политические меры, практическая деятельность и процедуры

На оперативном уровне успех терроризма зависит от секретности. Точно так же от секретности зависит и успех борьбы на оперативном уровне против терроризма. С терроризмом можно бороться на двух уровнях: на тактическом и стратегическом. На тактическом уровне, чтобы уменьшить непосредственную угрозу, государства должны сосредоточить свои усилия на ликвидацию террористических ячеек. Если террористическая сеть является межнациональной, то правительства должны обмениваться с другими правительствами сверхсекретной и зачастую получаемой лишь из особых источников разведывательной информацией. В отличие от времен «холодной войны» большинство террористических групп сегодняшнего дня создало транснациональные сети. Борясь с транснациональными сетями, многие агентства по оперативной работе наладили связи с коллегами из смежных ведомств в своих странах и за рубежом. Сотрудничество в области контртерроризма в таких секретных областях, как разведка, во многих странах носит двусторонний характер; правительство США, например, продолжает обмениваться информацией со своими партнерами по коалиции, но, в большинстве случаев, предоставляет только такую информацию, которая непосредственно касается отдельной страны.

На стратегическом уровне, чтобы изменить ситуацию в сфере безопасности и политики, правительства и международные организации могут разрабатывать внутреннее законодательство, а также принимать двусторонние и региональные соглашения и международные законы. Для того чтобы такие меры были воплощены в жизнь, потребуется время, и их нельзя проводить в обстановке секретности. Сотрудничество по контртерроризму во многом относится к вопросам многостороннего и судебного характера, в особенности это касается двенадцати конвенций Организации Объединенных Наций.

Характер террористической угрозы таков, что какое-либо правительство может обратиться к другому правительству или даже государству, с которым у него нет дипломатических отношений, чтобы заручиться поддержкой в сотрудничестве. Поэтому на тактическом уровне сотрудничество может вестись *эпизодически и на специальной основе*. С целью формализации сотрудничества государство может подписать с другим государством меморандум о взаимопонимании. Однако чтобы затруднить функционирование террористов, какое-либо правительство, – работая с рядом других правительств, – может разрабатывать соглашения. Поэтому сотрудничество на многостороннем уровне должно поддерживаться. Структурным элементом международного сотрудничества является национальное межведомственное сотрудничество. До событий 11 сентября британские разведывательные агентства обменивались менее чем пятью процентами своих разведывательных данных с британскими правоохранительными органами. Спустя два года после 11 сентября службы безопасности MI5, MI6 и Штаб-квартира по правительственной связи уже обменивались тридцатью процентами своих разведывательных данных с британскими правоохранительными органами. В штаб-квартире Службы безопасности MI5, в так называемом «Доме на Темзе», британское правительство создало полицейский отдел по международному сотрудничеству, возглавляемый сотрудником Нового Скотланд-Ярда, с целью обмена информацией с полицией за пределами Великобритании.

Чтобы контртеррористический политический курс, как задача государственной важности, увенчался успехом, необходимо использовать национальную мощь государства по отношению ко всему жизненному циклу той или иной террористической группы в целях уменьшения её силы и влияния. Используя результаты, взятые из наблюдений за конфликтами, здравомыслящее правительство должно суметь определить, когда ссора перерастет в насилие. Здесь целесообразно предотвращать образование конфликтов, обращаясь к коренным причинам, порождающим конфликт. Тем не менее, большинство глав государств и штатов – это не руководители, а антикризисные управляющие.

Как в начале 2004 года продемонстрировали события в Южном Таиланде, большинство правительств реагирует на насилие после момента его свершения. После налета на государственный военный завод членами исламистской группировки «Пузаха» в январе 2004 года, в результате которого было унесено с завода заметно 300-400 единиц огнестрельного оружия, правительство Таиланда не предприняло каких-либо активных действий по поимке налетчиков и изъятию у них оружия. Ответные действия начались только тогда, пока члены этой группировки в апреле 2004 года не начали осуществлять нападения в Южном Таиланде. Большинство правительств будет перекладывать ответственность за нейтрализацию политических беспорядков на правоохранительные органы, пока насилие не станет политическим или общественным вопросом.

В эпоху постмодернистского терроризма цена, которую придется платить государству за успешно проведенную против него террористическую мегаатаку, очень высока. Такая атака воздействует на государственный имидж, туризм, инвестиции, путешествия и т.д. По существу, оптимальным путем для достижения

успеха в борьбе с современной волной терроризма является скорее недопущение террористической атаки, а не проведение «отличного» расследования уже случившегося факта, выявление и арест преступников, тех, кто их финансировал, кураторов и пособников. Вместо того чтобы государства вкладывали миллиарды долларов в реагирование на уже свершившееся нападение, намного целесообразнее предотвращать террористический акт до момента его свершения.

Ключевыми элементами в предотвращении террористических актов являются обучение, образование и информированность. На первом этапе правительствам необходимо обучать сотрудников правоохранительных органов – особенно сотрудников полиции, таможни и службы иммиграции – распознавать показатели, которые предшествуют какому-либо проявлению терроризма. Например, сотрудник полиции, совершающий полицейскую облаву на какую-либо квартиру по наводке или останавливающий машину за превышение скорости, должен уметь распознавать подозрительные проявления, которые могут просигнализировать о планируемой или готовящейся террористической операции. Точно так же, сотрудник полиции, работающий на улице, – регулировщик уличного движения, полицейский, совершающий обход, или полицейский, находящийся на стационарном или передвижном контрольном пункте – должен суметь определить, например, террориста-смертника. На втором этапе правительство должно вкладывать средства в общественное образование, повышая уровень понимания угрозы общественностью. Периодически публикуя информацию об угрозе в открытом доступе, правительство может помочь тому, чтобы общественность была предупреждена об опасности. Если государство может поддерживать состояние бдительности, не вызывая при этом у общественности чувства тревоги, общественность станет «глазами и ушами» государства, продолжением его правоохранительной структуры.

Работающие на основе разведывательных данных, обладающие высококвалифицированным персоналом тактические контртеррористические подразделения, призванные нейтрализовывать террористические ячейки, которые планируют, готовят и проводят террористические операции, показали свою высокую эффективность. Но в большинстве случаев такие подразделения испытывают дефицит разведывательных данных, необходимых для их работы. По существу, в большинстве случаев они реагируют на уже свершившийся факт – на похищения людей, на ситуацию с удержанием заложников или на угон самолета, – и то с ограниченным успехом. Поскольку террористы все с большей готовностью идут на смерть, реагирование на уже случившееся событие (после того, как террористы уже захватили контроль над местом действий, угнали самолет, или похитили какого-либо) может иметь лишь ограниченный успех. Даже если ударная террористическая группа хорошо обучена и обладает опытом проведения террористических актов, остается какой-то крошечный шанс на спасение жертв. Но, если ударная группа готова пойти на смерть, шанс на успех становится еще иллюзор-

нее.³⁹ Демонстрируя глобальное распространение, увеличивая летальность и популяризируя террористические акты с использованием террористов-смертников как тактики, за период с 2002 по 2003 годы триста двенадцать атак террористов-смертников по всему миру унесли жизни 5354 человек.⁴⁰ При осаде Московского театра на Дубровке в октябре 2002 года террористы-смертники из Исламской международной бригады и батальона разведки и саботажа чеченских мучеников «Риядум-Салихин» взяли в заложники 979 человек. Операция по спасению заложников привела к смерти 128 человек.⁴¹

Поскольку маловероятно узнать заранее время и место осуществления нападения, правительства должны вкладывать деньги в разработку сетей информаторов, тайно проводимых программ, программ защиты свидетелей и в формирование у контртеррористического сообщества мировоззрения «охотника». Только умение распознавать угрозу и действия на упреждение с целью предотвращения угрозы вместо дорогостоящей реакции на свершившийся факт, помогут правительствам эффективно бороться с политически мотивированным насилием, сдерживать и уменьшать его угрозу. Поскольку достаточно трудно получать точную информацию по любой отдельной террористической операции на этапе планирования и подготовки, правительства должны стремиться к повышению информированности и у сотрудников правоохранительных органов, и у общественности, чтобы выявить и ликвидировать ту или иную террористическую операцию до момента ее свершения.⁴² Даже через три года после событий 11 сентября уровень профессионального обучения и переподготовки среднестатистического полицейского низок.⁴³ Менее чем пять процентов полицейских в Великобритании обучены реагированию на атаки с применением химического, биологического, радиологического и ядерного оружия и имеют для этого соответствующее оснащение. Поэтому обучение, образование и повышение информированности сотрудников контртеррористических органов (сотрудников разведки, правоохранительных органов и вооруженных сил) и общественности является центральным звеном в борьбе с современной волной терроризма.

³⁹ Scott Atran, "Genesis of Suicide Terrorism," *Science* 229 (7 марта 2003): 1534 (репринтное издание).

⁴⁰ Scott Atran, "Individual Factors in Suicide Terrorism," *Science* 304 (2 апреля 2004): 47–49; см. www.sciencemag.org/cgi/content/full/304/5667/47/DC1, таблица 1.

⁴¹ Adam Dolnik и Richard Pilch, "The Moscow Theater Incident: Perpetrators, Tactics, and the Russian Response," *International Negotiation* 8:3 (2003).

⁴² В Израиле 95 процентов намечавшихся нападений террористов-самоубийц выявлено и ликвидировано. Но, даже имея лучшую разведывательную сеть, израильская военная разведка и агентство внутренней безопасности не могут выявить каждое намечающееся нападение.

⁴³ Nick Allen, "Lack of Training: Terrorist Attacks: We Need More Training – Police," *The Scotsman*, 15 мая 2004 г.

Новый пороговый терроризм

С сентября 2001 года службы безопасности и разведки и правоохранительные органы предотвратили осуществление более сотни проявлений терроризма. Хотя террористические атаки с применением обычных видов оружия, вероятно, будут продолжать доминировать в террористическом мире, в последующие годы мы станем также свидетелями проведения малоуязвимых и характеризующихся серьезными последствиями атак. Чтобы не терять свою эффективность, вдохновители терроризма формулируют стратегию и тактику проведения операций вне зоны досягаемости разведки. Возрастает вероятность того, что террористы предпримут проведение атак с применением химических, биологических и радиологических веществ. В марте и апреле 2004 года Иорданская служба безопасности помешала осуществлению террористами планов, включавших скоординированную, одновременную атаку с использованием многочисленных транспортных средств, загруженных химическим оружием, на знаковые и стратегические объекты в Иордании. Если бы химические бомбы взорвались, это привело бы, по крайней мере, к гибели 20 тысяч человек, проживающих в радиусе полумили от эпицентра взрыва, и нанесло бы увечья и ранения еще 80 тысячам человек. Одна террористическая ячейка, возглавляемая Аль Заркави – наиболее активным террористом в Ираке – закупила двадцать тонн химикатов. Операция была раскрыта незадолго до ее запланированного осуществления.

Ударная группа «Аль Ашара», или «Десятка», намеревалась осуществить операцию террористов-смертников в королевском дворце, штаб-квартире служб безопасности, центре досуга, часто посещаемом американцами, где те восстанавливают силы во время военных учений, в посольствах Израиля и США и других израильских объектах на границе Иордании – Западного берега. Во время операции по захвату членов «Аль Ашары» было убито четверо членов этой ячейки. Азми аль-Джайуси, глава иорданской ячейки, встречался с Аль Заркави, сначала в Афганистане, а затем в соседнем Ираке, на предмет планирования нанесения бомбовых ударов. Заркави, за поимку которого правительство США определило сумму в 10 миллионов долларов, дал аль-Джайуси около 170 тысяч долларов на покупку химикатов и на организацию операции. Другой иорданец, автомеханик Хуссейн Шариф Хуссейн, признался, что аль-Джайуси попросил его закупить машины и модифицировать их с тем, чтобы эти машины могли прорваться к намеченным объектам, проломив ворота и стены. Хотя Заркави в своем заявлении и отрицал какое-либо участие в операции, вероятнее всего, он и был ее вдохновителем.

Террористические акты с применением обычных видов оружия, возможно, будут оставаться наиболее распространенной формой нападений, но очень вероятно и то, что вдохновляемые Заркави ячейки, разбросанные по всему Ближнему Востоку и Европе, попытаются повторить операцию такого масштаба в предстоящие годы. При возросшей трудности транспортировки обычного огнестрельного оружия и взрывчатых веществ в страны-объекты нападения после событий 11 сентября, «Аль-Каида» и ее дочерние группировки существенным об-

разом смещают акцент в своей деятельности в сторону использования химических, биологических, радиологических и ядерных веществ. Кроме разработки аппаратуры для раннего обнаружения химических, биологических, радиологических и ядерных веществ, могут оказаться полезными в предотвращении таких нападений проникновение в террористические организации, периодические аресты и допросы террористов. Например, своевременная разведывательная информация, поступившая от Абу Зубайда, одного из задержанных членов «Аль-Каиды», позволила американским и пакистанским разведывательным службам нейтрализовать операцию, планировавшуюся уже после 11 сентября. Её намеревался провести обучавшийся в «Аль-Каиде» новообращенный в мусульманство Хосе Падиллой, который предполагал использовать радиологическое расплывающееся устройство, или «грязную бомбу», на американской территории (Падилла – гражданин США, был известен под именем Абдулла аль Мухаджир).

Вместо того чтобы тратить миллиарды долларов на оборону – отражательную или реагирующую по своему характеру, – необходимо вкладывать средства в поиск врага с тем, чтобы предотвратить нападение. Противодействие новому пороговому терроризму не есть только разработка защитных костюмов, оборудования по обнаружению, вакцин и противоядий, но и целый спектр мер. Эти меры должны включать выработку более глубокого осознания готовности террористов убивать и идти на смерть. Хотя потенциал террористических группировок по осуществлению нападений с высокой степенью воздействия пострадал, их намерения нападать остались прежними. Трудность здесь состоит в том, чтобы сделать объектом нападения как физические, так и концептуальные инфраструктуры террористических организаций. А Запад лучше всего проявляет себя в тактическом преследовании террористических ячеек, не стремясь изменить умонастроения террористов. Западный подход недостаточно эффективен для снижения угрозы, в особенности, если он рассчитан на длительное время.

Борьба с терроризмом должна стать скорее партнерством между Востоком и Западом, а не бременем, лежащим исключительно на Западе. Так как основная масса исламистских террористических группировок происходит из мусульманского, в особенности из арабского мира, люди из этого региона, вероятно, больше знают о методах, технологиях и орудиях успешного противостояния террористическому мировоззрению. Работая с общинными и религиозными лидерами, а также с арабскими и мусульманскими правительствами, лидеры и мыслители должны стремиться донести до сознания мусульман мысль, что насильственный и экстремистский *джихад* принесет мусульманам лишь страдания и боль. Запад должен сотрудничать с остальным миром, особенно с мусульманским, чтобы борьба с терроризмом была не столкновением цивилизаций, а спором между умеренным и экстремистским вариантами ислама. Запад должен стремиться к работе в тесном контакте с умеренно настроенной мусульманской интеллигенцией и прогрессивными партиями мусульманских государств. Только сделав их более влиятельными, чем экстремистские идеологи и воинствующие группы, можно бросить прямой вызов террористической угрозе на выгодных для себя условиях. Если не заронить зерно, идею мира, в умы мусульман, как в му-

сульманских территориальных общинах Ближнего Востока, Африки и Азии, так и в общинах переселенцев и беженцев, поддержка экстремизма и терроризма будет не только сохраняться, но и возрастать.

Мусульмане в диаспорах и эмигрантских общинах так же готовы, если не в большей степени, поддерживать терроризма и быть его участниками. Чтобы сделать объектом нападения концептуальную инфраструктуру воинствующих исламистов, для западных правительств и неправительственных организаций в одинаковой степени важно более тесно сотрудничать с мусульманскими лидерами, проживающими в государствах Запада. Только создавая мощную этическую и нормативную систему против насилия, а также придерживаясь позиции веротерпимости и умеренности, экстремизм и насилие можно столкнуть на обочину политической жизни.

Мировоззренческая концепция и миссия исламистов

Во многих отношениях насильственные исламисты идут впереди своих противников. Наиболее влиятельный теоретик террористов, Аль Завахири, который в равной степени понимает как Восток, так и Запад, постоянно просчитывает развитие событий вперед. Например, сразу же после того, как американские войска вошли в Афганистан, «Аль-Каида» предвидела, каким образом США будут использовать межправительственные, правительственные и неправительственные организации для усиления своей позиции в Афганистане, особенно после того, как афганский народ уже страдал два десятилетия. Восстановление нормального состояния зависело от западных держав, работающих с множеством других действующих субъектов. Чтобы оправдать избрание этих организаций в качестве объектов нападений, Аль Завахири определил следующие структуры по категориям как западные «инструменты борьбы с исламом»⁴⁴:

- Организацию Объединенных Наций;
- мусульманские режимы, работающие с Западом;
- международные корпорации;
- международные коммуникационные сети;
- системы обмена данными;
- международные агентства новостей;
- спутниковые каналы СМИ;
- международные агентства по оказанию помощи.

После призыва Аль Завахири в Афганистане убивали строителей, работников средств массовой информации и персонал «Красного Креста», в Чечне убивали сотрудников агентств по оказанию помощи, в Ираке бомбили штаб-квартиру

⁴⁴ Айман Аль Завахири, «Рыцари под знаменем Пророка – размышления о движении джихадистов», *Аль-Шарк аль-Авсат*, на арабском языке (Лондон, 2 декабря 2001 г.).

ООН. События в Афганистане, Чечне и Ираке достаточно наглядно продемонстрировали, что у Аль Завахири нашлись последователи. Последние три года мы также были свидетелями правоты претензии Аль Завахири на то, что перед лицом антитеррористической коалиции может появиться союз, слагаемый из движений *джихада* в различных «землях ислама». Это означало, что угроза для этих агентств могла исходить не только от «Аль-Каиды», но также от связанных с ней группировок, расположенных в Азии, на Ближнем Востоке, в Субсахарной Африке, а также от группировок, действующих на Западе. При ознакомлении с идеями бен Ладена вслед за событиями 11 сентября стало понятно, что экономические объекты станут следующими жертвами в списке терроризма. Бен Ладен утверждал следующее:

Я полагаю, что события, произошедшие во вторник, 11 сентября, в Нью-Йорке и Вашингтоне, действительно, по всем меркам, великие события, и наши иски, которые мы предъявили путем осуществления этих атак, на данный момент не окончательны. Они все еще будут поступать ... Согласно собственным признаниям американцев, акции потеряли в цене на финансовом рынке Уолл-Стрит 16 процентов. Они говорят, что это число рекордное, что такого еще никогда не было с момента открытия рынка более 230 лет тому назад. Такого огромного обвала еще никогда не было. Валовая сумма оборота на этом рынке достигает 4 триллионов долларов. Поэтому, если мы определим, сколько будет 16 процентов от 4 триллионов, чтобы выяснить размер понесенных убытков ценных бумаг, то мы получим 640 миллиардов долларов убытков ценных бумаг, по воле Аллаха. А эта сумма составляет, например, бюджет Судана за 640 лет. Они потеряли это из-за атак, по милости Аллаха, которые продолжались всего лишь час. Ежедневный доход Соединенных Штатов – 20 миллиардов долларов. Первую неделю они вообще не работали из-за психологического шока от нападения, и даже до сегодняшнего дня некоторые не работают из-за этих атак. Поэтому, если мы помножим 20 миллиардов долларов на одну неделю, то мы получим 140 миллиардов долларов. Так чего же мы достигли в итоге? Приблизительно 800 миллиардов долларов. Какова стоимость потерь от разрушенных зданий? Полагаю, более чем 30 миллиардов долларов. И еще, они уволили на сегодняшний день или парой дней ранее 170 тысяч служащих авиакомпаний. Это число включает и компании грузовых транспортных самолетов, и коммерческие авиалинии; а американские исследовательские и аналитические центры упомянули, что 70 процентов американцев даже по сегодняшний день все еще страдают от депрессии и психологической травмы после катастрофы с двумя башнями и атаки на министерство обороны – Пентагон – слава милости Аллаха. Одна из известных американских гостиничных компаний, «Интерконтиненталь», уволила 20 тысяч сотрудников – слава милости Аллаха! Эти иски никем не могут быть подсчитаны из-за их огромного масштаба, множества и сложности – и еще раз слава милости Аллаха! – так что смотрите, что сумма достигает не менее 1 триллиона по самым низким оценкам – слава милости Аллаха – благодаря этим успешным и благословенным атакам. Мы молим Аллаха

принять наших братьев как мучеников и допустить их на самые высокие уровни рая.⁴⁵

Следующий раунд нападений – взрывы бомб в ночных клубах «Сари» и «Падды» на Бали в октябре 2002 года, в гостинице «Нептъюн Парадайз», а также взрывы на чартерном самолете в Момбасе, в Кении, в ноябре 2002 года и в стамбульском филиале Гонконгско-Шанхайской банковской корпорации в ноябре 2003 года в Стамбуле. Он продемонстрировал угрозу, которую международный терроризм таит в себе в отношении «экономического здоровья» государств во всем мире. При выборе будущих объектов нападения воинствующие исламисты примут во внимание особенности национальной экономики своих врагов и возможное экономические потери от такого нападения.

Учитывая возросшую угрозу, которую правительства представляют для исламистских террористических групп, решающую роль будут играть подпольные исламистские террористические группировки, а также законные политические партии. Чтобы исламистские террористические группы самостоятельно не взваливали на свои плечи груз политизации, радикализации и мобилизации мусульман, исламистские политические партии берут на себя обязанность пропаганды, вербовки и привлечения денег. Это позволит террористическим группировкам концентрироваться на планировании, подготовке и выполнении нападений. Доктрина «Аль-Каиды» призывает «разоблачать» «правителей», которые борются с исламом; подчеркивать «важность преданности правоверным и отказа от неверных в мусульманском вероучении»; выполнять «любую обязанность, лежащую на мусульманине, по защите ислама, его святынь, государства и отчизны»; проявлять предусмотрительность в отношении «*улемов* султана и напоминать народу о добродетелях *улемов джихада* и имамов жертвоприношения, а также о потребности для народа защищать, охранять, чествовать их и идти за ними»; и разоблачать «тех, кто проявляет агрессивность против наших вероучений и святынь, и тех, кто грабит наши богатства».⁴⁶

Воспрепятствовать ненасильственному продвижению целей и задач исламистов среди мусульманских эмигрантских общин в Северной Америке, Европе, Австралии и Новой Зеландии сложно. Хотя стратегия «Аль-Каиды» после Ирака и действует в обстановке строгой секретности и повышенной бдительности, она направлена на то, чтобы исламистские партии маскировались под законную политическую деятельность и занимались набором новобранцев и сторонников для поддержания войны в Ираке. Пока не появятся благоприятные возможности, «Аль-Каида» будет действовать через мечети, медресе, общинные центры, благотворительные учреждения и книжные магазины в Западной Европе и Северной Америке.

⁴⁵ Тайсир Алуни [корреспондент «Аль-Джазиры» в Кабуле], стенограмма прежде не освещавшегося интервью с Усамой бен Ладеном 21 октября 2001 г. Переведено с арабского языка Институтом исламоведения, доступно на сайте: www.alneda.com.

⁴⁶ Аль Завахири, «Рыцари под знаменем Пророка».

Афганистан и Ирак

Отсутствие обязательств со стороны международного сообщества по содействию усилиям, предпринимаемым в Афганистане и Ираке, не позволяет национальным государствам двадцать первого века в Азии и на Ближнем Востоке выйти на современный уровень развития. Спустя несколько лет после первоначальной интервенции Запада в Афганистан и вторжения в Ирак реальная ситуация в области безопасности так и остается непрочной. Когда в октябре 2001 года лидер «Талибана» мулла Мухаммад Омар присоединил свои силы к Усаме бен Ладену, антиамериканские силы значительно возросли. Так же лидер «Хезб-и-Ислами» Гулбадин Хекматияр присоединил свои силы к «Талибану» и «Аль-Каиде». В сравнении с «Аль-Каидой», являющейся иностранной силой, «Талибан» и «Хезб-и-Ислами» получают в Афганистане значительную поддержку.⁴⁷ Сегодня «Аль-Каида» – по существу арабская организация – способна проникать в тыл противника, проводить зондирование и наносить удары по целям благодаря своим связям, налаженным с афганским сообществом через свой союз с членами местных сил «Талибана» и «Хезб-и-Ислами». Ситуация была бы совершенно иной, если бы Пакистан помешал «Талибану» – режиму, который был для Пакистана намного ближе, чем «Аль-Каида», – присоединить свои силы к «Аль-Каиде». Точно также, не сумев предвидеть ситуацию, американское правительство расформировало Иракскую армию – единственный национальный институт, который мог эффективно функционировать в суннитских, шиитских и курдских районах

⁴⁷ Это был неудачный альянс, который мог бы быть разрушен, если бы США дали Пакистану больше времени на переговоры с тогдашним Исламским Эмиратом Афганистаном по выдаче бен Ладена сразу же после событий 11 сентября. Антитеррористическая коалиция, возглавляемая США, начала свою кампанию, не предоставив надлежащих возможностей для дипломатических попыток со стороны Пакистана вбить клин между «Талибаном» и «Аль-Каидой». США искали четкий и физический объект для нападения, на который можно было излить свою ярость и месть; если бы у них не было бен Ладена, то, по крайней мере, «Талибан» мог бы стать мишенью, обладая качествами, устраивавшими администрацию Буша. Хотя «Талибан» и «Аль-Каида» объединили свои силы в борьбе против Северного альянса, их отношения претерпевали периоды спада и подъема. По требованию Пакистанского межведомственного разведывательного агентства, после взрывов бомб в Восточной Африке «Талибан» наложил ограничения на деятельность бен Ладена, в особенности на проведение им террористических операций и интервью для прессы. Хотя эти меры и не насаждались слишком активно, они привели к значительной напряженности, создав внутри «Талибана» подразделения, выступавшие как на стороне бен Ладена, так и против него. При руководстве муллы Омара «Талибан» не мог передать бен Ладена немусульманскому суду для проведения расследования. Однако пакистанцы могли воспрепятствовать созданию альянса между «Талибаном» и «Аль-Каидой». Если бы американская разведывательная структура выработала правильную оценку относительно численного состава «Аль-Каиды» и «Талибана» и если бы США поняли последствия и значение единения относительно непопулярной «Аль-Каиды» и популярного «Талибана», то тогда можно было бы избежать удары авиации.

страны. Близорукое решение о роспуске Иракской армии, традиционного противника США, укрепило позиции повстанцев в Ираке и ослабило позиции многонациональной коалиции.

Произвол и надругательство в международном масштабе, вызванные многочисленными нападениями «Аль-Каиды» на Америку 11 сентября, позволили мировому сообществу разработать программу по борьбе с многоголовой гидрой. Тем не менее, одностороннее вторжение США в Ирак ослабило силы коалиции против терроризма и вдохнуло новую жизнь в экстремистские группировки исламистов по всему миру. Несмотря на эти недостатки, США, их союзники и друзья в результате приобрели ценный опыт. Две последующие ступени оперативного командования «Аль-Каиды» были практически стерты с лица земли. Однако характер исламистских кампаний, представленных разными поколениями, обеспечивает выживаемость «Аль-Каиды» и ее дочерних группировок. Исламистские группировки приспособились к новой обстановке в области безопасности, восполняя свои потери и истощившиеся средства и продолжая борьбу. Взаимодействие «Аль-Каиды» с исламистскими боевиками и террористическими группами по всему миру продлевает ее собственный жизненный цикл, а также способствует тому, что ее сообщники выбирают объектами терактов США и их союзников. Хотя из-за давления на руководство «Аль-Каиды» в Афганистане управление глобальной сети натушилось, обстановка, сложившаяся после Ирака, породила новые, более прочные сети, которые влияют на структуры поддержки «Аль-Каиды» и управляют ими.

После потери Афганистана, «освобожденной земли *джихада*», исламисты отчаянно нуждались в новом театре проведения *джихада*. Без какой-либо другой «земли *джихада*» было невозможно физически и психологически тренировать новое поколение бойцов. Одностороннее вторжение Соединенных Штатов в Ирак предоставило идеальные условия для *приверженцев джихада*. Наплыв иностранных борцов – как бойцов-партизан, так и террористов, – принесших с собой жесткие идеологию и тактику, такую как терроризм смертников, всколыхнул с новой силой иракское восстание. Планы борьбы в Ираке были разработаны уроженцем Саудовской Аравии, идеологом и оперативным руководителем Юсефом Аль Айири. Айири, работавший ранее телохранителем в Судане, инструктором тренировочного лагеря в Афганистане «Аль Фарук», а затем разработчиком веб-сайта «Аль-Каиды» Alneda.com, был убит 31 мая 2003 года. Вдохновляя мусульман воевать против «крестоносца-захватчика», Аль Айири писал, что, если в Ираке будет установлена демократия, это будет смертью для ислама. Большинство мусульман, прибывших в Ирак для участия в восстании, – по некоторым оценкам, несколько тысяч человек – приехали из стран Леванта, из стран, соседствующих с Ираком, из стран Персидского залива и с Северной Африки.

Несколько сот мусульман по рождению и новообращенных мусульман из Европы также прибыли в Ирак для оказания поддержки повстанцам и их обучения, а также для ведения борьбы и принятия мученичества. Со временем, в истинном духе *джихада*, к ним присоединятся мусульмане из Азии и Северной Америки. Богатые мусульмане из Западной Европы помогают бедным мусульманам из

Восточной Европы добраться до Ирака. Мусульманские диаспоры в Германии, Франции, Италии и Великобритании поощряют и финансируют поездки мусульман-мигрантов – многие из которых не имеют должным образом оформленных удостоверений личности – из Болгарии, Чешской Республики и Польши в Ирак для совершения *джихада*. Вербовка в третьих странах включает Боснию и Герцеговину, а также другие балканские страны. Связь ведется посредством встреч с глазу на глаз и через Интернет. Некоторые *приверженцы джихада* добираются до Ирака через Турцию и Сирию под видом представителей гуманитарной помощи; на иракской границе они продают свои транспортные средства и вступают на новую землю *джихада*.

В отличие от арабов, которые прибыли в Афганистан, чтобы вести там партизанскую войну против советских войск, эти мусульмане из Европы изучают террористическую тактику с момента своего прибытия в Ирак. Когда арабские *моджахеды* вернулись из Афганистана к себе домой, на Ближний Восток, они пытались свергнуть режимы «фальшивых мусульманских» правителей и «коррупцированных мусульман» и заменить их исламскими государствами. Когда европейские мусульмане вернутся домой в Европу из Ирака, они будут осуществлять террористические действия против Запада. Точно так же, как Афганистан, Босния и Чечня произвели на свет последнее поколение *моджахедов*, Ирак породит следующее поколение террористов и экстремистов. Линия поведения Запада в отношении земель *джихада* определит будущие тенденции развития и модели исламистского терроризма и экстремизма.

Прогноз

Угроза исламистского терроризма в обозримом будущем не уменьшится. До тех пор, пока руководители и чиновники западных правительств не станут глубже понимать радикальный ислам, угроза терроризма и экстремизма будет расти. Обращение к тактическим аспектам – т.е. чисто технический подход к проблеме – лишь приведет к эскалации угрозы. Наряду с борьбой против оперативных и поддерживающих инфраструктур террористов и их ликвидацией, правительства должны пытаться уничтожить и концептуальные инфраструктуры. Наряду с нейтрализацией террористических ячеек, которые планируют, подготавливают и обеспечивают операции, необходимо сделать объектами нападения экстремистские идеологии и идеологов экстремизма. В центре борьбы с терроризмом должны быть усилия по противодействию экстремизму, враждебным идеологиям, которые предоставляют финансирование, рекрутов и – что более важно – оправдывают насилие. Кроме контрпропаганды, международное сообщество должно стремиться к изменению реальности, которая способствует росту террористических движений. Конфликты в Палестине, Кашмире, Чечне, Минданао, Афганистане и в настоящее время в Ираке дают экстремизму и терроризму идеологические обоснования и подпитывают их.

Ключевым звеном в борьбе с современной волной терроризма является разработка целостного подхода, в котором приоритет должен отдаваться прочным и

постоянным невоенным политическим, экономическим и информационным стратегиям. Более того, какие бы ни предпринимались военные меры, они должны быть скоординированы с невоенными. Причина неудачи США в Ираке состоит в том, что только незначительная горстка генералов Вооруженных сил США была в состоянии представить себе борьбу с особым противником, сражающимся особым образом. В противоположность Ираку, возглавляемая США коалиция в Афганистане добилась реального преимущества в умонастроениях людей в силу повсеместно распространенной жестокости «Талибана» и вследствие наличия жизнестойкой альтернативы – Северного альянса. Ирак продемонстрировал миру то, что, если не завоевать умы и сердца, победа в боях и сражениях не будет означать реальной победы.

Наряду с ведением борьбы против физического противника, особую важность представляет и работа с умонастроениями противника, а также с имеющейся у него в настоящее время и с возможной в будущем базой поддержки. Многие ли сотрудники американского персонала тюрьмы «Абу-Грейб» в Багдаде осознали, что каждый ираец, которого подвергали пыткам, а затем освободили из заключения, станет врагом, который побудит бесчисленное множество других людей присоединиться к общему делу? Миллиарды долларов инвестиций в военную сферу, при пренебрежении к социальным, культурным и религиозным реалиям или их игнорировании, не дают шансов на победу. Без завоевания доброй воли иракского народа Ирак станет для западной коалиции проигранным делом. Миру необходимо извлечь важный урок из Ирака, смысл которого в том, что только лишь одно ведение сражений не позволит армии выполнить свою миссию.

Непреднамеренные последствия вторжения США в Ирак создали опасную ситуацию, с которой миру придется жить в предстоящие годы. Демократия не может навязываться извне народу, который не готов ее усвоить. Лучшее, на что Запад мог бы надеяться, это способствовать развитию Ближнего Востока в экономическом плане и предоставить мусульманам возможность самим бороться за более высокий уровень политического представительства и участия. При возрастающей социальной мобильности люди, проживающие в данном регионе, будут поддерживать лидеров, достойно представляющих их идеи и ценности. Более вероятно то, что инвестиции, вложенные в образование и рыночную экономику, скорее дадут ростки, чем навязывание системы западного правления. Более того, установление демократии, вероятно, предоставит возможность исламистским политическим партиям захватить политическую власть. Точно так же, как давление американцев на шаха Ирана в проведении реформ подвигло начало Иранской революции, проект Америки по демократизации Ближнего Востока и Центральной Азии, вероятно, придаст храбрости исламистским группам, которые будут угрожать самим исламским режимам и правителям с прозападной ориентацией.

Пересмотр политики США на Ближнем Востоке имеет существенное значение для уменьшения уровня нестабильности и насилия в регионе. Благие намерения Америки в попытках создать свободный Ирак привели к возникновению – в самом сердце Ближнего Востока, а не на его периферии – новой земли *джихада*.

Точно так же, как уход советских войск из Афганистана породил условия для возникновения поколения террористов, оставление Ирака дестабилизирует регион, а также и весь мир, как минимум, на десятилетие. Подобно тому, как афганские питомцы ездят за рубеж, чтобы разрушать канонические символы Америки, питомцы Ирака в предстоящие месяцы и годы будут стремиться нанести вред Соединенным Штатам, их союзникам и друзьям. Поддерживаемый на плаву возрастающим приливом ярости, страданий и негодования в мусульманском мире, расцветет пышным цветом исламизм, точно так же, как коммунизм в прошлом столетии.

Угроза терроризма может уменьшиться, только если прилагать усилия по изменению реальной ситуации региональных конфликтов, в которых страдают мусульмане. Тем временем, идеологи и пропагандисты терроризма будут продолжать бесчестить имя Аллаха и его великую религию. Большинство умеренных мусульман вряд ли горит желанием бросить вызов идеологам и пропагандистам терроризма, которые неправильно трактуют и извращают ислам, поскольку умеренные мусульмане боятся возмездия со стороны экстремистов и террористов. Более того, умеренным мусульманам будет брошен вызов со стороны экстремистов – и даже со стороны мусульман строгого толка, которые не разделяют экстремистских убеждений, – в отношении того, почему умеренные мусульмане молчали, когда страдали палестинцы, кашмирцы, чеченцы и другие мусульмане. Благодаря тому, что в либеральных западных демократиях лелеют такие ценности как свобода слова, идеологи исламизма будут продолжать предлагать искаженную версию религиозных мусульманских текстов, включая Коран, для политизации, радикализма и мобилизации мусульман против Запада. Поэтому противостояние Западу и мусульманскому миру со стороны исламских террористов и их идеологов, труднопреодолимо и устойчиво. При данной динамике ситуации существенным для победы в этой борьбе являются более глубокое понимание противника, сути проблем и непрерывные инвестиции в обучение и образование.

Будущие исследования

Чтобы контртеррористические инициативы были действенными, они должны опираться на информации. Основой исследований является информация. Изучение состояния терроризма за последнее десятилетие быстро менялись. Традиционно, большинство аналитиков терроризма концентрируют внимание на международном терроризме, противопоставленном внутреннему или национальному терроризму. Более того, сферой интересов аналитиков были европейские и ближневосточные группировки, а также идеологии левого толка и этнонационалистические идеологии. Очень немногие специалисты занимались Азией. Новый Скотланд-Ярд не придавал значения группировкам из Южной Азии, включая пакистанские организации. Политологи, специализировавшиеся на конкретных географических регионах, не обращали внимания на «Аль-Каиду». Специалисты по Ближнему Востоку концентрировали свое внимание лишь на группировках, действовавших на Ближнем Востоке.

Ни политологи, ни теологи не обращали должного внимания на религиозно мотивированное насилие. До второй половины 1990-х годов аналитики терроризма проводили свои исследования на основе обзора литературы о террористах и правительственных отчетов. Только небольшая горстка исследователей проводила беседы с действующими или задержанными террористами, членами их семей и их друзьями, пособниками и теми, кто симпатизировал им, или с экстремистскими идеологами. До событий 11 сентября было всего лишь три базы данных, в которые заносились случаи внутреннего терроризма по всему миру. Поскольку проявлений международного терроризма в 1990-е годы становилось все меньше, правительства полагали, что угроза терроризма также уменьшилась.

До событий 11 сентября многие ученые в своих странах вообще были против употребления слова «*терроризм*». Только очень немногие понимали, что терроризм был концепцией, подобно концепции *демократии*. В последние годы резко возросло количество правительственных и научных учреждений, занимающихся исследованиями в области терроризма. Хотя количество центров по исследованию проблем терроризма увеличилось после сентября 2001 года, большинство этих центров расположено на Западе, и их научные интересы в основном связаны с анализом угрозы Западу. Можно выделить два исключения: это Международный политический институт по изучению вопросов противодействия терроризму в междисциплинарном центре в Херцлия, в Израиле, который был создан на Ближнем Востоке; и Международный центр по исследованию проблем политического насилия и терроризма Института военных и стратегических исследований в Сингапуре, в Тихоокеанском регионе.

После событий 11 сентября, наряду с ростом исследовательских центров, в несколько раз выросло и количество ученых, занимающихся вопросами политического насилия. Однако очень немногие из них действительно специализировались на исследовании терроризма. На время взрывов бомб на Бали, в Австралии было только два высококвалифицированных специалиста по вопросам терроризма, и оба они работали в правительстве. Вместо того чтобы продолжать заниматься статистическим анализом тенденций развития инцидентов, многие ученые начали проводить функциональный и региональный анализ. Одни исследователи рассматривали терроризм смертников и функциональные вопросы, другие – начали изучать Северную Африку и иные регионы, пострадавшие от терроризма. Больше, чем когда бы то ни было, исследовательские центры по изучению вопросов контртерроризма разрабатывают основные структурные элементы исследований по терроризму: террористические группировки, персоналии и конфигурацию нападений. Вследствие действия законов о защите информации институты Северной Америки, Европы, Австралии и Новой Зеландии испытывали трудности в сборе и анализе данных, относящихся к отдельным террористам до момента вынесения им приговора. Точно также Запад испытывал трудности в разработке программ и исследовании облика экстремистских групп и их лидеров – то есть групп, которые проповедовали насилие, но напрямую не участвовали в нем.

До 11 сентября большинство ученых, работавших над вопросами политического насилия, занималось умозрительными исследованиями, выстраивая «башни из слоновой кости», – исследованиями ради исследований, с ограниченным применением в политике. В наши дни правительства сотрудничают с частными исследовательскими учреждениями. Например, Исследовательский проект Стива Эмерсона и Институт исследования международных террористических организаций (SITE), возглавляемый Ритой Катц, провели исследования для американского, а также швейцарского правительств. Ограниченные строгими временными рамками, правительственные аналитики в основном работают над тактическими результатами. Для аналитиков по терроризму из научных и политических кругов обязательна совместная работа, поскольку у правительственных аналитиков отсутствуют ресурсы для работы над стратегическими результатами. Ни мозговые центры элитных сил, включая американские силы «Дельта» или британскую специальную авиадесантную службу, ни западные разведывательные службы не анализировали на систематической основе учебные пособия террористов, изъятые в Афганистане и других местах, в отношении технологий, тактики и методов работы террористов. Учебные пособия давали сжатую информацию того, что террорист знает и на что он способен; они также давали некоторое представление о том, чего терроризм не может делать, и об ограничениях его действий.

Обучение военнослужащих специальных сил, разведывательно-диверсионных отрядов, воздушно-десантных войск особенностям террористического устройства и методов работы террористов, является наиболее оптимальным в деле подготовки правительственных войск, определенных для проведения операций на передовой линии, прежде чем они будут вынуждены столкнуться с этим в боевых условиях. На всех уровнях основательное обучение и образование – как официальное, так и неофициальное, – важно для обеспечения принятия здравых решений и политических курсов, будь то на уровне главы государства или солдата, проводящего рейд. В той же мере, насколько решающее значение имеет руководство, исследования и образование существенны для вооруженных сил, правоохранительных органов и разведывательных служб в деле вынесения наиболее оптимальных и информированных решений на уровнях политики, стратегии, операций и тактики.

Между минимальной силой и максимальным насилием: борьба с движениями политического насилия с применением вариантов третьей силы

*Дорон Циммерманн **

Введение: сбалансированность контртеррористических средств и методов

В большинстве либерально-демократических государств борьба с «внутренними» источниками угрозы, включая терроризм, относится к сфере деятельности полицейских сил, поскольку в таких государствах терроризм неизменно определяется как преступное действие, а не проявление мятежного политического насилия. В результате, зачастую правоохранные органы перегружены и испытывают недостаток ресурсов. В связи с этим прозвучали призывы общественности, а также законодательных и исполнительных ветвей власти, расширить как законные, так и оперативные средства, имеющиеся в распоряжении для борьбы с терроризмом, а также повысить функциональную мощь гражданских органов в целях противостояния терроризму пропорционально воспринимаемой угрозе. Ухудшение ситуации в Ольстере, в Северной Ирландии в период между 1968 - 1972 гг. и позднее может служить подходящим примером.¹

Несмотря на то, что были случаи удачного и удивительного преобразования полицейских сил в формирования, аналогичные военным, тем не менее, использование государством вооруженных сил в борьбе против терроризма, как способа политического насилия, и в поддержании внутренней безопасности пока остается наиболее эффективной. Поскольку настоятельной необходимостью является предотвращение угрозы крушения государственной сплоченности в результате создания избыточных сил внутренней гражданской безопасности, развертывание всех видов вооруженных сил против террористической угрозы имеет свои подводные камни. Пол Уилкинсон изложил некоторые проблемы, связанные с использованием контртеррористических военных оперативных групп. Одной из них является следующая:

[a] реагирование исключительно средствами военного характера означает полную приостановку действия гражданского законодательства и его замену воен-

* Дорон Циммерманн является старшим научным сотрудником Центра по изучению вопросов безопасности Швейцарского федерального института технологий, в котором он возглавляет разрабатываемый институтом исследовательский проект по внутреннему и международному терроризму. Дорон Циммерманн также занимается прикладными исследованиями в области политики.

¹ Основательный обзор событий с точки зрения ирландских националистов/республиканцев, содержится в работе: J. Bowyer Bell, *The Secret Army: The IRA* (New Brunswick, NJ: Transaction Publications, 1997).

ным правом, дисциплинарными взысканиями, установлением комендантского часа, военной цензурой и всесторонними ограничениями обычных гражданских свобод во имя требований войны. ... Правительство считает, что оно снимает всякие ограничения юридической ответственности и минимальной силы, предоставляя военачальникам возможность развернуть в широком масштабе смертоносную и разрушительную огневую мощь во имя подавления терроризма.²

Возможно, наиболее наглядным представлением ситуации, выходящей из-под контроля по причине того, что разрешить проблему терроризма были призваны военные, является кинофильм Эдварда Цвика «Осада», созданный в 1998 году.³ Если сделать скидку на художественные вольности, фильм «Осада» обнаруживает глубокое понимание особенностей темы; аллегорический смысл фильма состоит в том, что, если требуется хирургическое вмешательство, то меч является не совсем подходящим инструментом для проведения операции. В конце концов, остается вопрос, что делать. Если первый, демократически, законный вариант (например, полиция) по ряду причин не в состоянии противостоять проблеме, а второй вариант—решительный—*ultima ratio* (военные) вполне может уничтожить ее, используя максимум силы, соответствующей своей природе, нам следует искать третий вариант. Третий вариант предполагает также третью силу.

Военизированные формирования в историческом контексте

Полемика в отношении того, что должно стать третьей силой, продолжается, однако она приобрела особую остроту в результате недавних событий на международной арене. На протяжении ряда лет предложения колебались в диапазоне от милитаризации полиции до придания вооруженным силам функций полиции. Еще более важно то, что на определенном этапе этого обсуждения, побуждаемое логикой, которую можно сформулировать как стремление обеих сторон к лучшему, возникла идея *военизированных формирований* – групп, обладающих свойствами полиции и военных,⁴ – как жизнеспособное решение проблемы. Если суммировать длинную дискуссию по этимологии (если не по определениям), то термин *военизированные формирования* вошел в употребление около шестидесяти лет назад, когда английские журналисты использовали его «для обозначения финансируемых нацистами групп охраны, которые обеспечивали безопасность сборищ этого движения и срывали собрания противников».⁵ По общему призна-

² Paul Wilkinson, *Terrorism Versus Democracy. The Liberal State Response* (London: Frank Cass, 2002), 103.

³ Edward Zwick, реж., *The Siege* (Los Angeles: 20th Century Fox, 1998). Более подробную информацию по фильму «Осада» можно найти в интернетовской базе данных кинокартин (IMDb) на сайте: <http://www.imdb.com/title/tt0133952/>, последний вход 26 мая 2004.

⁴ Краткую дискуссию о характере военизированных формирований см. на сайте: <http://en.wikipedia.org/wiki/Paramilitary>, вход 5 мая 2004.

⁵ Andrew Scobell и Brad Hammitt, “Goons, Gunmen, and Gendarmerie: Toward a Reconceptualization of Paramilitary Formations,” *Journal of Political and Military Sociology* 26:2 (зима 1998): 213–27; на с. 219.

нию, военизированные формирования сочетают в себе как слабые, так и сильные черты, присущие и полиции, и вооруженным силам. Однако именно поэтому военизированные формирования представляют собой не только группу риска в ситуации соответствующей реакции на терроризм; они также создают самый большой потенциал для формирования давно искомого, в необходимом объеме, противодействия терроризму, когда требования либерального демократического государства смогут выполняться наилучшим образом. Возможно, они останутся наилучшим вариантом в эффективной борьбе с терроризмом, который существует в настоящее время.

Однако, кроме непосредственного выбора средств, решающей—но не единственной—является задача поиска надлежащего и сбалансированного решения из области политизированных гражданско-военных отношений, соответствующего степени угрозы. Более того, все дело в том, как сделать способы реагирования одновременно надлежащими и демократически управляемыми (и, следовательно, политически жизнеспособными). Чтобы лучше понять тему, каким должно быть наилучшее реагирование на политическое насилие и терроризм в действии, нам следует выборочно исследовать исторические корни третьей силы — военизированных формирований, с тем, чтобы прийти к органическому пониманию темы. Это следует сделать для оценки необходимости военизированных формирований в роли одного из контртеррористических вариантов применения третьей силы.

Во времена античности и раннего периода новой истории

То, что прошлое определенным образом формирует настоящее, является общеизвестной истиной, которая актуальна и в борьбе с политическим насилием. В поисках средства эффективной борьбы с политическим насилием и терроризмом, которое было бы как действенным, так и, в меньшей степени, политически жизнеспособным, на протяжении веков были испробованы разнообразные пути. Фактом является то, что предшественников сегодняшних правительственных военизированных формирований следует искать в эпоху античности, а не в период после 1945 года, когда такие формирования стали общеизвестными. Тогда, как и теперь, восстания и подрывная деятельность были обычно направлены или на непопулярные местные правительства, или против оккупационных властей после покорения земель. В том случае, когда власти в прошлом не желали приносить в жертву гражданское население наряду с повстанцами, должны были быть найдены иные средства, нежели массовое уничтожение или принудительное переселение. Одним из способов достижения определенного уровня эффективности в искоренении движений политического насилия было применение союзных местных сил; обычно им отводилась вспомогательная, поддерживающая роль в войне с применением обычных видов оружия, а также в операциях против мятежей, в проведении которых они фигурировали более активно.

Начиная с Римской республики, *ауксилиарии* (иностранцы наемные или союзные войска), обороняли границы, а главная их роль заключалась в поддержке

«регулярных» римских войск во время проведения кампаний и после, и набирались они из числа покоренных народов в пределах территории, подвластной Риму.⁶ Использование нерегулярных войск в роли вспомогательных или специализированных сил и их интеграция в организацию регулярной армии создали прецедент, которому позже, через несколько веков, последовали другие империи. В ходе подавления восстания якобитов в 1745–46 годах в Шотландии были созданы нерегулярные шотландские части Лорда Лоудона для очистки районов от якобитов после Каллоденской битвы (16 апреля 1746 года), а также для противодействия партизанским атакам клана якобитов, последовавших за окончанием военных операций осенью 1746 года. Эти части применяли обычные виды оружия.⁷ Британская империя извлекла уроки, полученные в ходе долгожданного подавления неустрашимых якобитских кланов Северо-Шотландского нагорья, что имело огромные последствия во время Семилетней войны (1756–1763 гг.), в ходе которой нерегулярные войска сражались по обе стороны конфликта.⁸ Несмотря на риск допустить явный анахронизм, можно утверждать, что восемнадцатый век был свидетелем широко распространенного использования, даже институционализации в регулярных армиях нерегулярных частей, имевших определенные признаки военизированных формирований,⁹ по крайней мере, в том смысле, в котором мы понимаем этот термин сегодня.

Военизированные формирования в период Второй мировой и «холодной» войн

Использование таких нерегулярных военизированных формирований становилось активнее и затухало после Французской революции, однако потребность в нерегулярных, в большей степени специализированных группах не исчезала. Точнее, как раз наоборот. В ходе Второй мировой войны так называемые «командос» вооруженных сил Великобритании – обычно это были военнослужащие регулярной армии, откомандированные в особые подразделения, дислоцированные далеко за оборонительным рубежом противника, – оказали определенное влияние на военные успехи союзников. Уже в ноябре 1941 года один американский офицер посетил Великобританию, с тем, чтобы оценить британских «ком-

⁶ Дальнейшие упоминания об ауксилиариях см. на сайте: <http://library.thinkquest.org/22866/English/Leger.html?tqskip1=1>, вход 26 мая 2004.

⁷ Doron Zimmermann, *The Jacobite Movement in Scotland and in Exile, 1746–1759* (Basingstoke: Macmillan/Palgrave, 2003); в особенности см. главу, озаглавленную “Suppression and Resistance: Hanoverians and Jacobites in 1746–1747” («Подавление и сопротивление: ганноверцы и якобиты в 1746–1747 г.г.»), 21–47.

⁸ Более детальную информацию по использованию нерегулярных войск у себя дома и за рубежом см. в работе: Peter E. Russell, “Redcoats in the Wilderness: British Officers and Irregular Warfare in Europe and America, 1740 to 1760,” *William and Mary Quarterly*, Third Series, 35:4 (1978): 629–52.

⁹ Ian F. W. Beckett, *Modern Insurgencies and Counter-Insurgencies. Guerrillas and their Opponents since 1750* (London: Routledge, 2001), 2–5.

мандос». В свое время Управление стратегических служб (УСС), предшественник ЦРУ, с большим успехом использовало аналогичные подразделения во Франции, где они помогали поддерживать французских партизан (*маки*) в борьбе против нацистской оккупации, а также в Норвегии, где небольшие союзнические военизированные подразделения сеяли разрушение на немецких железнодорожных подводных линиях. Интересно то, как воплотилась идея специализированных войск в США. Высококвалифицированных профессионалов из регулярных воинских подразделений использовали в качестве бойцов, которые *не* входили в состав вооруженных сил вместо того, чтобы просто использовать личный состав регулярных войск в военных действиях с применением необычных методов и средств. Оперативный состав таких военизированных подразделений обучался различным навыкам, необходимым для классических, независимых долгосрочных разведывательных миссий, таких как воздушное и морское десантирование, нанесение разрушений, рукопашный бой, диверсия и обеспечение материально-технического снабжения местных движений сопротивления.¹⁰

В контексте Второй мировой войны, однако, военизированные формирования также фигурировали в одной из самых темных глав конфликта. Так называемые державы оси, особенно нацистский режим, придерживались идеологии «чистоты крови и места рождения», неистовствовали в культе радикалистской чистоты и вымышленной мужественности фашистского толка. Без сомнения, самым мрачным воплощением этого умонастроения были военизированные подразделения, известные под названием *Штутцитаффель* (отряды СС, охранные отряды), под руководством Генриха Гиммлера, которые действовали как отдельная, квазинезависимая организация в соответствии со своими собственными правилами в нацистском государстве. Изначальной целью СС было контролирование всех других нацистских правительственных структур, включая другие военизированные формирования (например, *Штурм Абтайлунг*, или СА) и регулярные вооруженные силы (*Вермахт*). «Будучи разновидностью партийной полиции, как по принципу, так и по функции, СС видела *«raison d'être»* (смысл своего существования) в преданности фюреру».¹¹

В отличие от Союзных военизированных формирований и «коммандос», СС, особенно *Ваффен-СС*, имели больше общего с первоначальной концепцией *ауксилиариев* (иностранцев наемных или союзных сил) в том смысле, что они часто были интегрированы в войска регулярной армии и служили больше в качестве сил поддержки безопасности в боевых операциях на линии фронта сражения, нежели за оборонительным рубежом противника. Кроме того, преторианская функция действий как «оплота против низвержения ... при помощи армии» или

¹⁰ Major D.H. Berger, "The Use of Covert Paramilitary Activity as a Policy Tool: An Analysis of Operations Conducted by the United States Central Intelligence Agency, 1949–1951," (1995), 7–8; работа доступна на сайте: www.globalsecurity.org/intell/library/reports/1995/BDH.htm, вход 1 апреля 2004.

¹¹ Gerhard Rempel, "Nazi Paramilitary Groups: SA and SS," 3; доступно на: mars.acnet.edu/~grempe/courses/germany/lectures/26paramilitary.html, вход 19 мая 2004.

какой-либо другой конкурирующей государственной организации является той функцией, которая впоследствии многократно копировалась, при этом военизированные организации зачастую наделялись в достижении этой цели ключевую ролью.¹² Более недавним, но не менее печально известным примером этого типа преторианского военизированного формирования, используемого для контроля и запугивания соперничающих правительственных организаций, так же как и гражданского общества, является формирование пресловутой гаитянской организации «Тонтон Макут».

После того, как прежние союзники во Второй мировой войне отделились друг от друга, в соответствии с разделением Восток-Запад в 1947 году, правительства США и Великобритании быстро осознали потенциал военизированных формирований в деле сохранения внутренней безопасности, – как в целях подавления восстаний – перед лицом низвержения коммунизма, так и в специальных операциях по ту сторону опускающегося «железного занавеса». Широко распространенное одобрение использования военизированных формирований на службе внешней политики во время «холодной войны» помогает объяснить более позднее проникновение военизированных формирований в другие, производные сферы искусства управления государством и политики, такие как борьба с терроризмом.

Доктрина Трумэна, которую президент Трумэн провозгласил в Конгрессе США в марте 1947 года, обещала осажденным государствам поддержку против коммунистического вторжения. Во избежание усиливающейся прямой конфронтации между возникающими сверхдержавами, эта доктрина также быстро и настойчиво вводила военизированные формирования на разнообразные поля сражений «холодной войны».¹³ Непосредственная необходимость поддержки внутренней безопасности, как было провозглашено Трумэном, была перенесена на следующий этап «холодной войны», когда 21 декабря 1954 года президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр отдал распоряжение об эпохальном предприятии, известном как документ Совета национальной безопасности за номером NSC 1290-d. Конкретная цель, изложенная в документе NSC 1290-d, состояла в том, чтобы систематически «организовывать, обучать и снаряжать местную полицию и другие силы внутренней безопасности для борьбы с коммунистической подрывной деятельностью в слаборазвитых странах».¹⁴ Столкнувшись с аналогичными проблемами, Франция и Великобритания также направили свои усилия против подрывных сил в государствах третьего мира, особенно в Юго-Восточной Азии, режимы которых были в дружественных отношениях с Западом,¹⁵ Ис-

¹² Scobell and Hammitt, “Goons, Gunmen, and Gendarmerie,” 214.

¹³ Andreas Wenger и Doron Zimmermann, *International Relations. From the Cold War to the Globalized World* (Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003), 19.

¹⁴ William Rosenau, “The Eisenhower Administration, U.S. Foreign Internal Security Assistance, and the Struggle for the Developing World, 1954–1961,” *Low Intensity Conflict & Law Enforcement* 10:3 (осень 2001): 1–32; цитируемый отрывок на с. 12.

¹⁵ Там же, 15.

пользование военизированных сил в ответственной роли поддержания внутренней безопасности было опять же одобрено в Директиве действий Совета национальной безопасности № 162. В ней шла речь о «развитии полиции США и местной полиции, военизированных и военных ресурсов».¹⁶

Военизированная программа ЦРУ была введена в действие даже до того, как программа по поддержки внутренней безопасности правительства США стала известной в 1950-е годы. На протяжении «холодной войны» и после нее инвестиции ЦРУ в использование военизированных формирований в операциях за линией фронта были существенными и охватывали пространство от Албании до Польши и до Гватемалы. Планы правительства США по использованию военизированных формирований в особых операциях стали реальностью в 1948 году. Учитывая советскую военную угрозу, Совет национальной безопасности США уполномочил ЦРУ «расширить масштабы секретной деятельности. Это предполагало проведение политических, экономических и военизированных операций», где было также закреплено основное преимущество использования военизированных формирований в операциях за линией обороны, т.е. на применении концепции возможности аргументированного отрицания совершенного действия.¹⁷ Последний момент следует также принимать во внимание при рассмотрении контртеррористических операций при неблагоприятных условиях или на территории неприятеля. Как бы то ни было, список стран, ставших свидетелями действий военизированных формирований ЦРУ, является длинным, и продолжает расти; примером недавнего времени служит Афганистан.

Двигаясь в одном направлении с курсом США на военизированные усилия, армия Великобритании также создала подобные невоенные силы. В отличие от программы ЦРУ, однако, британский опыт военизированных формирований был недолговечным. Одной из причин сокращения перспективного эксперимента с британскими военизированными формированиями было то, что

неофициальные или независимые инициативы [например, в Палестине и в Малайе] подняли вопрос о контроле, невольно усиливая военную критику. Это, вероятно, оказало влияние, по крайней мере, частично, на решение сосредоточить выполнение специальных операций в рамках официально установленных частей регулярной армии.¹⁸

И все же другое значительное отличие между военизированными программами США и Великобритании заключалось в том, что, если первая программа

¹⁶ Директива действий Совета национальной безопасности № 162 доступна на сайте: www.mtholyoke.edu/acad/intrel/pentagon2/doc116.htm, вход 17 мая 2004.

¹⁷ Berger, "Use of Covert Paramilitary Activity," 23–24.

¹⁸ David A. Charters, "From Palestine to Northern Ireland: British Adaptation to Low-Intensity Operations," в *Armies in Low-Intensity Conflict. A Comparative Analysis*, под ред. David Charters и Maurice Tugwell (London: Brassey's Defence Publishers Ltd., 1989), 209. Прекрасное описание действий САС в Малайе содержится в работе: Peter Dickens, *SAS. Secret War in South-East Asia. 22 Special Air Service Regiment in the Borneo Campaign, 1963–1966* (London: Greenhill Books, 2003; первое изд-е 1983).

была создана для противопоставления внешней поддержки подрывной деятельности в контексте программы по поддержанию внутренней безопасности и подразумевала нанесение удара по врагу на его территории, не предполагая ответственности за истолкование другой стороной таковых действий как военные, – британская военизированная программа была основана на давно установившейся военной традиции борьбы против местных восстаний в Британской империи, и была, следовательно, в высшей степени специализированной. Поэтому британские парашютно-десантные части особого назначения (САС), основанные в 1950 году, проявили себя в эпоху деколонизации как чрезвычайно эффективный инструмент борьбы против восстаний. В результате, проведение контртеррористических операций до сегодняшнего дня отводятся британскому контрреволюционному флангу полка САС, и, следовательно, проводятся военными, а не полицией. Британский вариант военного реагирования на терроризм, следовательно, является в такой же степени продуктом исторического развития (включая относительно гармоничные военно-гражданские отношения после 1689 года), в какой отказ большинства европейских государств рассматривать военные варианты, является результатом их собственного опыта.

Варианты применения военизированных формирований в качестве третьей силы против терроризма: четыре европейских примера

Франция, Италия, Испания и позднее Германия – все эти страны пришли к решению о применении военизированных контртеррористических методов, каждая учитывая свой исторический опыт, в течении которого перед их профессиональными армиями время от времени ставились полицейские задачи. Тогда-то и обнаруживалась их недееспособность в решении этих задач, и, начиная с восемнадцатого века, остро ощущалась необходимость в мощных, полицейских силах, эквивалентных военным, для борьбы с бандитизмом и пресечения восстания в корне.

Итальянский вариант: карабинеры

Вероятно, самым известным примером военизированного формирования на службе европейского государства начала нового времени является итальянский корпус карабинеров. Также известные как *La Benemerita* (заслуженные), карабинеры имеют образцовый послужной список и богатую историю, их происхождение восходит к добровольческим силам *Dragoni di Sardegna*, впервые сформированным в 1726 году.¹⁹ С функциональной точки зрения, карабинеры являются неотъемлемой частью Министерства обороны Италии; с административной точки зрения, корпус подчиняется Министерству внутренних дел Италии.²⁰ Как мы увидим далее, такое двойное членство итальянских военизированных сил, как в гра-

¹⁹ См. <http://en.wikipedia.org/wiki/Carabinieri>, вход 1 апреля 2004.

²⁰ См. www.carabinieri.it/Multilingua/ENG_P24-24_Governing_Bodies.htm, вход 13 мая 2004.

жданских, так и военных правительственных организациях является моделью, которая повторилась во французском и испанском вариантах (но не в немецком).

Карабинеры являются организацией, полицейские обязанности которой отличаются от обычной полиции (*Polizia di Prevenzione*), и они совсем недавно официально вошли в состав итальянских вооруженных сил, так же как и сухопутные войска, военно-воздушные войска и военно-морские силы. Борьба с терроризмом подпадает под юрисдикцию и регулярной полиции, и карабинеров, но именно карабинеры (до 1998 года) возглавляли антитеррористические расследования: в настоящее время они выполняют больше координирующую роль в ходе расследований, хотя и сохраняют исключительно важную роль в реальных боевых операциях. На оперативном уровне карабинеры в декабре 1990 года создали особую группу для развертывания в контртеррористических операциях, *Raggruppamento Operativo Speciale* (РОС).²¹ Группа РОС признана высококвалифицированным военизированным формированием для выполнения особых операций. Примечательно, что преимуществом, которое ставит группу РОС над ее эквивалентом в регулярной полиции, *Nucleo Operativo Centrale di Sicurezza*, является то, что она в достаточной степени оперативно совместима с подразделениями вооруженных сил; благодаря этой способности, как утверждается, у этой группы есть потенциальный доступ к вспомогательным ресурсам, которые в иных случаях имеются только у определенных видов вооруженных сил, таким, как стратегическая воздушная поддержка при проведении операций в быстро меняющихся условиях.

Испанский вариант: гражданская гвардия

Вслед за смертью генерала Франциско Франко в конце 1975 года, едва оперившуюся испанскую демократию осаждал ряд тяжелых проблем, оставшихся с эпохи фашистского государства, и не самой последней была проблема сепаратистского и идеологически мотивированного политического насилия. Другим наследием эпохи Франко было существование двух милитаризованных организаций внутренней безопасности: *Policia Nacional* (Национальной полиции) и *Guardia Civil* (Гражданской гвардии). Фактически, до 1981 года подразделения регулярной армии патрулировали Баскскую провинцию – общеизвестный очаг сепаратистского насилия в Испании, – когда их заменили части Гражданской гвардии.²² Созданная в 1844 году, Гражданская гвардия первоначально моделировалась по образцу французской жандармерии, что, по крайней мере, отчасти объясняет ее военизированный характер. Она была воссоздана заново в 1940 году, из этого времени она и унаследовала свой современный профиль.²³ Во всех

²¹ Giuseppe de Lutiis, "Terrorism in Italy: Receding and Emerging Issues," в *Confronting Terrorism. European Experiences, Threat Perceptions and Policies*, под ред. Marianne van Leeuwen (The Hague: Kluwer Law International, 2003), 102–103.

²² Fernando Reinares, "Democratization and State Responses to Protracted Terrorism in Spain," в *Confronting Terrorism*, под ред. van Leeuwen, 66.

²³ Thorsten Stodiek, *Internationale Polizei. Ein empirisch fundiertes Konzept der zivilen Konfliktbearbeitung* (Baden-Baden: Nomos, 2004), 69.

отношениях Гражданская гвардия сохраняет свой военный характер на протяжении процесса демократизации, который идет в Испании с 1982 года. Как и в случае военизированных сил жандармерии, в обязанности Гражданской гвардии входит полицейская охрана сельских районов и поддержание мира в городах с числом жителей не менее 20 000 человек; она также отвечает за патрулирование автомагистралей и охрану важнейших государственных объектов в столице.²⁴

В результате резких изменений в испанской политике после общих выборов 1982 года, когда в обстановке политической нестабильности к власти пришли социалисты, роль армии в сохранении внутренней безопасности была ограничена еще больше. Новое Министерство внутренних дел Испании приняло решение официально демилитаризовать органы государства по борьбе с движениями политического насилия, и, следовательно, использовать Гражданскую гвардию в качестве главного инструмента в затяжной борьбе против неослабевающего, скорее даже усиливающегося движения внутреннего терроризма.²⁵ Основными причинами такого сдвига в сторону Гражданской гвардии было то, что она, с одной стороны, «с административной точки зрения, является частью армии, однако, находится в рамках порядка соподчиненности министерства внутренних дел для особых целей», и, с другой стороны, то, что «внутри этого органа уже существует отличная дисциплина».²⁶ Подобно другим европейским военизированным объединениям, Гражданская гвардия должна была создать особое подразделение, чтобы соответствующим образом реагировать на угрозу терроризма; квинтэссенция оперативной контртеррористической компетенции Гражданской гвардии передана ее крылу специального назначения «*Grupos Anti-terroristas Rural*» (ГАР). Таким образом, испанцы, как и итальянцы, выбрали решение, которое является формально гражданским и фактически военным в смысле обучения, организации, снаряжения и мировоззренческих позиций.

Французский вариант: жандармы

Исторически французы занимают, можно сказать, высокое положение среди военизированных формирований Европы: жандармы, буквально «вооруженные люди», или, по их более точному названию, «вооруженные сержанты полиции», служили в качестве исполнительной ветви французской средневековой системы правосудия под руководством сенешаля королевства.²⁷ Они были организованы в бригады – то есть должным образом сформированы как официальное военное подразделение – уже в 1720 году. Так же как и итальянские и испанские военизированные формирования, различные роли жандармерии, такие как полицейское патрулирование сельской местности и районов небольших городов, выте-

²⁴ Fernando Jimenez, “Spain: The Terrorist Challenge and the Government’s Response,” в *Western Responses to Terrorism*, под ред. Alex P. Schmid и Ronald D. Crelinsten (London: Frank Cass, 1993), 126.

²⁵ Там же, 126.

²⁶ Там же, с. 125; Reinares, “Democratization and State Responses,” 66.

²⁷ См. <http://www.defense.gouv.fr/Gendarmerie/index.html>, вход 1 июня 2004.

кали из исторического предназначения, например, охрана покоя короля на французских дорогах на протяжении столетий. После революции Наполеон Бонапарт писал о жандармерии: «*C'est la manière la plus efficace de maintenir la tranquillité ... une surveillance moitié civile, moitié militaire, répandue sur toute la surface du pays qui donne les rapports les plus précis...*».²⁸

В недавние времена французские военизированные формирования также играли решающую роль в постепенном отмирании империи до и во время деколонизации, когда члены этих формирований служили в Индокитае и Алжире. Подобно соответствующим европейским военизированным организациям жандармерия – с ее сильным *esprit de corps* (духом войскового товарищества), военной культурой и институциональным опытом в борьбе с угрозой внутренней безопасности (то есть, включая Индокитай и Алжир) – была естественным выбором при выдвигании ее на передовую линию фронта в борьбе против терроризма. Задача французских военизированных формирований впечатляет также широтой размаха: уголовные расследования, сдерживание толпы, защита важнейших инфраструктур, а также расследования в отношении военных сил как внутри, так и за пределами Франции, и, в особенности, в отношении иностранных вмешательств. Как и итальянские карабинеры и испанская Гражданская гвардия, жандармерия, с административной точки зрения, является частью вооруженных сил, но фактически управляется министерством внутренних дел.

Но в отличие от двух других организаций жандармерия в структурном отношении аналогична другим родам вооруженных сил в том, что она имеет свои собственные военно-воздушные и военно-морские и другие специализированные подразделения. Кроме того, современная сеть жандармерии в масштабах страны и квалифицированный личный состав дают возможность обеспечить необходимую материально-техническое снабжение, обеспечить разведывательную деятельность и оперативную безопасность, а также проводить учения в полевых условиях потенциала оперативного воспрещения.²⁹ Уже в 1974 году жандармерия в ответ на террористические атаки на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году создала собственную группу по проведению специальных операций – *Groupe de sécurité et d'intervention de la gendarmerie nationale* (Группа безопасности и интервенции национальной жандармерии). Подразделению «Группа интервенции национальной жандармерии» (*Groupe d'intervention de la gendarmerie nationale – GIGN*), входящей в состав *Groupe de sécurité* было поручено особое задание по нейтрализации террористических атак и ликвидации ситуаций, возникающих в связи с захватом заложников. Группа GIGN проявила себя в инциденте с автобусом в Джибути (февраль 1976 года), накачав заложников наркотиками, чтобы они не мешали стрелкам вести огонь специальными орудиями с удобных позиций.³⁰ С этого момента было неопровержимо доказано, что интересы Франции

²⁸ Там же.

²⁹ Nathalie Cettina, “The French Approach: Vigour and Vigilance,” в *Confronting Terrorism*, под ред. van Leeuwen, 81.

³⁰ См. <http://www.specwar.net.com/europe/gign.htm>, вход 1 июня 2004.

как внутри страны, так и за рубежом, нуждаются в защите хорошо обученного и в достаточной мере вооруженного специализированного контртеррористического рода войск.³¹

Немецкий вариант: Федеральная пограничная охрана

Последний их четырех примеров, рассматриваемых здесь, является, вероятно, наиболее поучительным в отношении того, что касается развития военизированных формирований как третьего вида войск в борьбе против терроризма. Столкнувшись с фактом убийства одиннадцати израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году и очевидной неспособностью обычной полиции противостоять агрессивным террористическим действиям, Федеративная Республика Германия оказалась перед проблемой создания органа для борьбы с подобными проблемами в будущем. По иронии судьбы, самым большим препятствием на пути к оптимальному оперативному контртеррористическому решению в то время было конституционно обусловленное строгое разделение между немецкими вооруженными силами и полицией, известное как *Trennungsgebot* (*предписание о разделении*). Оно возникло как следствие широко распространенного объединения полиции и военных в гитлеровском рейхе, практики, поощряемой нацистским режимом.³²

Драматические события, которые произошли в Олимпийской деревне перед работающими камерами, а впоследствии в аэропорту Фюрстенфельдбрюк под Мюнхеном, создали настоятельную необходимость активных действий для исключения террористических атак в будущем. Обстоятельства также помогли ослабить историческую послевоенную сдержанность в отношении жестких политических курсов и действий правительства, которые могли быть интерпретированы как милитаристские. Отдавая отчет в полной недееспособности полиции и не имея возможности применить военную силу по политическим причинам, Ганс-Дитрих Геншер, тогдашний министр внутренних дел, отдал распоряжение офицеру связи взаимодействия Федеральной пограничной охраны в его министерстве, полковнику Ульриху Вегенеру, о создании контртеррористических сил – причем таких, которые не входили бы ни в состав полиции, ни в состав вооруженных сил.³³

Вегенер быстро оценил возможность, которую давало сочетание гражданских институциональных и военизированных преимуществ в Федеральной погранич-

³¹ Jeremy Shapiro и Bénédicte Suzan, “The French Experience of Counter-terrorism,” *Survival* 45:1 (весна 2003): 67–98.

³² Ссылки на затрудняющее работу контртеррористической деятельности в наши дни “Trennungsgebot” содержатся в работе: Sylvia-Yvonne Kaufmann, “Ein Orwellscher Ueberwachungsstaat darf in Europa nicht entstehen,” пресс-релиз Партии Демократического Социализма от 18 марта 2004, доступно на сайте: www.linuxnet.de/aktuell/19-03-04_sicherheit-eu.htm, вход 3 июня 2004.

³³ Сравни <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/Ulrich%20K%20Wegener>, вход 1 июня 2004.

ной охране. Основанная в 1951 году, Федеральная пограничная охрана, по существу, является подразделением Федеральной немецкой полиции. Первоначально ее основной задачей была охрана 1300-километровой общей границы с территорией, оккупированной Советским Союзом во время «холодной войны». После 1972 года мандат Федеральной пограничной охраны был расширен и включал обеспечение резервов безопасности и вмешательства для полицейских сил западногерманских федеральных земель *Bundesländer*. То, что Федеральная пограничная охрана взяла на себя функцию выполнения особых операций, выходило за рамки этого мандата.³⁴

Что касается дискуссии о вариантах применения третьей силы, Федеральная пограничная охрана представляет особый интерес с точки зрения своего характера и развития: на раннем этапе становления Федеративной Республики Германии это подразделение, предшествовавшее регулярным вооруженным силам ФРГ, рассматривалось как первый шаг в сторону перевооружения послевоенного западногерманского государства. С самого начала характер, вооружения и техника Федеральной пограничной охраны (в противоположность ее правовой роли и формальному построению) были типичны для военизированного формирования.³⁵ В частности, Федеральная пограничная охрана была оснащена гораздо более тяжелым оружием, чем полиция, имея возможность применить бронированные машины, а также ей разрешалось развертывать легкую артиллерию, носить тяжелое стрелковое оружие и использовать ручные гранаты. До 1994 года члены Федеральной пограничной охраны даже соответствовали правовому статусу военнослужащего строевых частей. Не являясь ни полицейскими силами в традиционном смысле, ни формально военным подразделением, Федеральная пограничная охрана – поскольку она была *по определению* гражданской единицей – предоставляла Вегенеру политически приемлемый инструмент для борьбы с терроризмом, как на немецкой территории, так и за рубежом, который мог бы также удовлетворять большинству современных требований сосредоточения сил в невоенной ситуации.

В то время Вегенер приложил очень много усилий, чтобы ознакомиться с лучшими в мире военными силами особого назначения – британскими парашютно-десантными частями особого назначения и израильскими «Сайерет Маткал» – и использовать их опыт в создание отечественной контртеррористической группы, входящей в структуру Федеральной пограничной охраны. Группа пограничной охраны 9 (GSG-9) была основана 17 апреля 1973 года, и с тех пор она полностью оправдывала себя с точки зрения оперативной эффективности, а также удовлетворяла с точки зрения политического статуса, несмотря на ее военизированный характер.³⁶ Создание GSG-9, обладающего многими уникальными и сильными сторонами, которые были в других обстоятельствах исключительной прерогативой военных организаций, преодолело затруднение, связанное с пред-

³⁴ Stodiek, *Internationale Polizei*, 64–65.

³⁵ Там же, 66.

³⁶ См. <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/GSG-9>, вход 1 июня 2004.

писанием *Trennungsgebot*, а также проблемы доверия, которые мешали первому варианту, в то время как второй был неприемлем в контексте контртеррористического мандата, были преодолены путем создания третьего гражданского варианта, содержащего многие уникальные сильные стороны, которые в других обстоятельствах были исключительно прерогативой военных организаций. Однако особая ценность истории GSG-9 заключается в том, что она создала прецедент приемлемых с демократической точки зрения (то есть невоенных), и подотчетных внутренних и внешних сил вмешательства, которые с тех пор служат моделью для других государств и могут убедить еще большее количество стран в своей применимости.

Обзор вооруженных сил, полиции и военизированных формирований как варианта третьей силы

История военизированных формирований, рассмотренных ранее, и четыре варианта, изученные выше, наводят на мысль, что военизированные формирования по причине своего характера, а не вопреки ему, имеют большие преимущества как орудия контртеррористического вмешательства. В этом разделе мы сосредоточимся на некоторых типичных проблемах, с которыми столкнулись полиция и военные в ходе службы, особенно в отношении контртеррористических задач, и попытаемся показать, как военизированные варианты третьей силы могут помочь преодолеть некоторые трудности, используя то лучшее, что имеют и полиция, и армия.

Придание военным функций полиции или милитаризации полиции

С конца «холодной войны» военные организации Запада и других стран находились в поиске новых горизонтов и сфер ответственности. Внезапный вакуум, возникший в отсутствие двухполюсного глобального конфликта, привел к вопросу о личном составе и вооружении, как цели поддержания учреждений вооруженных сил на уровне времен «холодной войны». С этого момента появились некоторые ответы в длительной дискуссии о надлежащем использовании вооруженных сил, в диапазоне от интенсивных операций по поддержанию мира (ОПМ), до операций по стабилизации и гуманитарного вмешательства. Какие бы задачи ни обозначались этими ярлыками, факт остается фактом, что военные организации, как на Востоке, так и на Западе с 1990 года столкнулись с множеством новых проблем, некоторые из которых довели до предела их возможности (и даже превзошли их). Среди этих недавно возникших сложных ситуаций есть такие, которые требуют, чтобы регулярные войска приняли на себя полицейские обязанности, зачастую требующие напряженных усилий. Процесс придания военным полицейских функций вызвал важные изменения в организации, созданной для ведения войны. А ведение войны – по Клаузевицу – предполагает достижение победы, основанном на максимальном насилии, что не соответствует основному требованию полицейских – использование минимальной силы.

По существу, как убедительно показал Карл Халтинер, суждение, выдвинутое Моррисом Яновитцем в его конструктивной работе «*Профессиональный солдат*», о том, что задачей вооруженных сил является «минимальное использование силы и ... жизнеспособные международные отношения, а не победа», было понято совершенно превратно.³⁷ Это случилось потому, что, как верно отметил Халтинер, замечание Яновитца было направлено не на новый тип военной организации, а описывало этику военной профессии, новаторски примененную.³⁸ Учитывая историю, строение и организационный состав современных военных организаций, а также принимая во внимание их традиционное стремление использовать доминирующую силу в выполнении своего долга, перевоспитание представителей вооруженных сил в соответствии с такой этикой является колоссальной задачей, которая не пошла бы ни в какое сравнение с выполнением Женевских соглашений. Такое коренное изменение не может произойти внезапно и не может быть решено иначе, чем проведением глубоких реформ, нацеленных на преобразование армий в нечто совершенно новое, что в результате, возможно, также станет причиной воздействия на структуру и организацию вооруженных сил.

Как иерархическая, построенная по нисходящей организация, армия должна поддерживать принципы, которые являются анафемой для нее, чтобы дать возможность рядовым бойцам действовать индивидуально в соответствии с полицейской/строгой миротворческой этикой, такой как горизонтальная иерархия и передача полномочий принятия решений младшим офицерам и сержантам, если не рядовым.³⁹ Придание военным силам полицейских функций на краткий срок, особенно если рассматривать это в свете трудностей, возникших в результате недавнего развертывания вооруженных сил в Боснии и Косово, представляется поэтому непрактичным.⁴⁰ По причинам конституционной правомерности, а также на основании заботы о сохранении гражданских свобод, это замечание даже более уместно в отношении внутренних полицейских задач военных в государствах либеральной демократии, особенно, если эти военные свои собственные.

Подкрепляя мысль о неосуществимости модели Яновитца, Уордлоу утверждает, что «у полиции и армии различные роли, функции и философия, и это

³⁷ Цитируется по: Karl W. Haltiner, "Polizisten oder Soldaten? Organisatorische Dilemmata bei der Konstabularisierung des Militärs," *Österreichische Militärische Zeitschrift* 3 (2001): 291–98; на с. 292.

³⁸ Там же, 292.

³⁹ Там же, 292–93.

⁴⁰ То, что военные силы выполняли наполовину полицейские функции в Косово, произошло не в последнюю очередь в результате отсутствия должной подготовки у полицейских кадров в этой провинции. Есть основания полагать, что придание военным силам полицейских функций под давлением ситуации, созданной из-за отсутствия профессиональной полиции, – рецепт для провала дела. См. Linda D. Kozaryn, "NATO Chief Says More Police Vital in Kosovo," *American Forces Information Service*, 8 февраля 2000, доступно на сайте: www.dod.mil/news/Feb2000/n02082000_20002083.html, вход 8 июня 2004.

дает им возможность действовать в разных сферах. Предполагается, что это разделение является функциональным, и что возникнет дисфункция, если произойдет *неконтролируемое* наложение функций двух организаций». ⁴¹ Эта возможность дисфункции, однако, также относится к полиции, и, следовательно, противоположной стороной проблемы, рассматриваемой выше, является милитаризация полиции. Исторически военизированные силы полиции использовались в сомнительных случаях еще более сомнительными диктаторами, например, в случае Китайской народной вооруженной полиции (КНВП), которая несет ответственность за подавление движения сторонников демократии на площади Тяньаньмэнь (4 июня 1989 года). ⁴² Доводов, говорящих против развертывания чрезмерно мощной и тяжеловооруженной полиции для выполнения задач по внутренней безопасности очень много, и не в последнюю очередь потому, что они служат напоминанием и подтверждением возможной перспективы полицейского государства. В этом смысле, с точки зрения гражданских свобод, милитаризация полиции является, по крайней мере, настолько же проблематичной, насколько развертывание военных для выполнения задач по внутренней безопасности спорным. Однако, пользуясь терминологией Уилкинсона, будет ли то же самое верным в отношении *тщательно* выверенного, обеспеченного в выполнении и политически проверенного сочетания полиции и военных для особой цели действенной борьбы против терроризма? (Мы можем вспомнить, что создание GSG-9 соответствовало бы этим параметрам).

Среди типичных проблем, стоящих перед военными и полицией в ходе необходимости выполнения задач, для которых они не подходят организационно, существует другая опасная проблема: обе организации (а особенно военные) склонны обращаться за помощью к контрактным силам поддержки безопасности. ⁴³ Недавний скандал в иракской тюрьме «Абу-Грейб», где гражданские служащие по контракту военизированного характера наряду с военнослужащими обычных войск подвергали узников жестокому обращению, подтверждает это. По этой причине, а также для наших целей, является неприемлемым, чтобы контртеррористическое военизированное формирование было создано, содержалось и управлялось иным органом, нежели суверенным правительством.

Основное доказательство, выдвигаемое от лица полиции, заключается в том, что если вооруженные силы являются неподходящим инструментом для задач внутренней безопасности, полицейские силы идеально оснащены для выполнения обязанностей по поддержанию внутренней безопасности. Предполагается, что полицейские силы, в противоположность своим военным союзникам, также лучше подходят для поддержания мира и внутреннего порядка, так как они яв-

⁴¹ Wardlaw, *Political Terrorism*, 90; курсив мой.

⁴² Scobell и Hammit, "Goons, Gunmen, and Gendarmerie," 218.

⁴³ Ariana Eunjung Cha и Renae Merle, "Line Increasingly Blurred Between Soldiers and Civilian Contractors," *Washington Post*, 13 мая 2004; доступно на сайте www.washingtonpost.com/ac2/wp-dyn/A22547-2004May12?language=printer, вход 13 мая 2003.

ляются организацией, построенной по принципу снизу вверх.⁴⁴ Полиция обладает такими ценными качествами, как законность, близость к обществу вследствие организационной децентрализации и традиционное уважение к полномочиям полицейских (не в последнюю очередь полномочиям в отношении расследования и ареста), а также значительным институциональным опытом, который обогащает контекст дела внутренней безопасности, традиционно являющейся ее прерогативой.

Обычные условия – это когда полиция выполняет свои обязанности в невоенной ситуации – стало доказанной банальностью. В то же время, истинно сильные стороны полицейских, о которых говорилось выше, являются основной, главной их слабостью, – когда они сталкиваются с крупномасштабными контртеррористическими операциями. Торе Ниамар описал некоторые трудности, вытекающие из характера полицейских организаций при столкновении с серьезными террористическими проблемами в норвежской ситуации:

Начальник полиции ближайшего округа в районе не имеет квалификации для проведения того, что является военной операцией... От военных, возможно, потребуется проведение чрезвычайно опасной и сложной операции под руководством человека, не имеющего нужной квалификации... Начальник полиции будет ответственным за исход ситуации, даже если руководство неизбежно перейдет к военным, тем самым будет создан разрыв между полномочиями и ответственностью.⁴⁵

Замечание Ниамара может также относиться, помимо Норвегии, ко многим либерально-демократическим государствам, которые имеют сходные военно-гражданские структуры и отношения. Кроме того, по утверждению Ниамара, «царит бездействие, поскольку полиция не хочет передавать права военным, а военные не хотят участвовать в ситуации, в которых они, вероятно, должны будут играть подчиненную по отношению к полиции роль».⁴⁶ В конце концов, трудный вопрос, какая организация должна взять на себя оперативное руководство (не говоря уж об общем руководстве) в борьбе против терроризма, неразрывно связан с дискуссией за и против либо полицейской, либо военной организации, насколько они подходят для выполнения контртеррористической деятельности. Вопрос также теряет смысл в связи с озабоченностью в либерально-демократическом государстве в отношении гражданских свобод и политической приемлемости, а также озабоченности по поводу обороны государства, что касается ее надлежащего характера, принципов доктрины/оперативных принципов, а также этики или перспектив. Ни один вариант не удовлетворяет всем требова-

⁴⁴ Haltiner, “Polizisten oder Soldaten?” 292–93.

⁴⁵ Tore Nyhamar, “Norwegian Counter-Terrorism Policy in a Changing International Security Environment,” неопубликованный вариант статьи, представленный по случаю *Первой международной конференции экспертов по национальной контртеррористической политике*, 24-26 марта 2004, Центр по изучению вопросов безопасности, Швейцарский федеральный институт технологий, 18. Цитируется с любезного согласия автора.

⁴⁶ Там же, 20.

ниям; у обоих имеются неприемлемые или неоднозначные свойства, в то время как каждый из них также обладает и ценными, необходимыми качествами. В подобной тупиковой ситуации один комментатор отметил, что «высказывается к тому же предложение о том, что мы должны рассматривать создание так называемой «третьей силы» – военизированной организации, которая занимает среднее положение между полицией и армией».⁴⁷

Вариант применения третьей силы как жизнеспособной альтернативы полиции и военным, в связи с их несостоятельностью в борьбе с серьезным террористическим насилием

Не стоит удивляться, что прагматизм, выраженный в предложении варианта третьей силы, был реализован в стране, на которую удары сыпались буквально со всех сторон. Опыт продолжающегося пять десятилетий конфликта низкой интенсивности, затяжные террористические атаки со стороны движений политического насилия и, в отсутствие жизнеспособного политического решения в обозримом будущем, продолжающийся процесс нахождения наилучших способов борьбы с дестабилизацией – все это заставило государство Израиль прибегнуть к нововведениям. Независимо от знаменитого британского САС, израильские подразделения «Сайерет Маткал» стяжали славу одних из самых доблестных, потому, что делали просто невозможное. Самый известный пример израильской контртеррористической операции, о котором было написано слишком много и слишком многими авторами: рейд на Энтеббе 27 июня 1976 года.

Наоборот, то, о чем не говорилось громко, и понятно почему, так это о неудачно проведенных израильских контртеррористических операциях. Остановимся в нашей работе на одном случае: бойне в Махалоте. 15 мая 1974 года три вооруженных до зубов человека захватили школу на севере Израиля, удерживая в здании несколько десятков учителей и учеников. «Сайерет Маткал» и «Сайерет Голани» – два пехотных подразделения по особым операциям Израильских сил обороны, специализирующиеся на заданиях по разведке дальнего действия, получили задачу разрешения ситуации с заложниками. Причиной, почему в этом случае были привлечены два подразделения «Сайерет», являлось то, что у них просто был самый высокий в Израиле уровень оперативного контртеррористического опыта. В ходе событий был допущен ряд ошибок, которые, возможно, можно отнести за счет сути военного обучения и неуместности ее применения в условиях кризисной ситуации с заложниками. Потери убитыми были велики: двадцать один ребенок и четверо взрослых, по крайней мере, двое из них были убиты своими.⁴⁸ Это не означает, что военную подготовку нельзя надлежащим образом использовать в ситуации с заложниками или при другом сценарии гражданского типа, но, скорее, это означает, что любой контртеррористический потенциал, применяемый в таком контексте, должен обязательно соответствовать требованиям ситуации. В данном случае, необходимый потенциал должен был

⁴⁷ Wardlaw, *Political Terrorism*, 91.

⁴⁸ См. http://www.us-israel.org/jsource/Society_&_Culture/special.html, вход 8 июня 2004.

быть представлен набором высокоточных оперативных и тактических навыков, присущим «чисто» контртеррористическим подразделениям, таким как GSG-9 или подразделению по контрреволюционным действиям Британских парашютно-десантных частей особого назначения (SAS-CRW).

Между максимумом насилия и минимумом силы: рождение подразделения «ЯМАМ»

После разгрома в Махалоте правительство сформировало Комиссию Хорева (названную так по имени генерала Амоса Хорева) для расследования неудач и упущений сил специального назначения. В отчете комиссии указано, что был обнаружен ряд серьезных недостатков, начиная с обучения, не отвечавшего требованиям, и, что еще хуже, была отмечена недостаточная координация действий между подразделениями из-за кланового характера *esprit de corps* (духа войскового товарищества), царившего в задействованных подразделениях и пронизавшего личный состав этих подразделений. Именно этот дух кастовости и вызывал значительное соперничество между двумя подразделениями.⁴⁹ Среди структурных рекомендаций, сделанных Комиссией Хорева, было выдвинуто предложение, чтобы ответственность за внутренний контртерроризм была выведена из-под компетенции Израильских сил обороны и передана полиции и пограничной охране (МАГАВ).⁵⁰ 26 января 1975 года правительство приняло свою Резолюцию 411, согласно которой ответственность за внутренний контртерроризм передавалась из рук военных в ведение гражданской ветви. По словам одного комментатора, основная причина решения правительства поручить пограничной охране МАГАВ ведущую роль в деятельности по внутреннему контртерроризму, состояла в том, что МАГАВ – «это военизированная, гибридная организация».⁵¹ Кроме того, в этом подразделении «личный состав набирается и поставляется Израильскими силами обороны, но приказы и инстанции командования идут через полицию. Поскольку будущее подразделение должно было быть внутренним гражданским подразделением, при этом с сильным военным акцентом в своей деятельности..., то им стал МАГАВ».⁵²

Высокий уровень, на котором проводилось обучение подразделения «ЯМАМ», особой контртеррористической группы войск пограничной охраны МАГАВ, не спасло это подразделение от участия, хотя и пассивного, в самом крупном для Израиля за всю историю провале при спасении заложников. Речь идет о так называемом инциденте «Пляжная дорога», в ходе которого тридцать пять гражданских лиц были убиты и два террориста были взяты живыми. В этом инциденте, как и в более поздних инцидентах, обстоятельства вмешательства

⁴⁹ Базовая страница Израильских специальных сил, «Подразделение ЯМАМ», 4; доступно на сайте: www.isayeret.com/units/civi/yamam/article.htm, вход 6 мая 2004.

⁵⁰ Информацию по пограничной охране «МАГАВ» см. на сайте: www.fact-index.com/ma/ma/ma/ma.html, вход 8 июня 2004.

⁵¹ «Подразделение ЯМАМ», 5.

⁵² Там же, 5.

групп «Сайерет» Израильских сил обороны во внутреннюю ситуацию захвата террористами заложников после резни в Махалоте были чрезвычайно противоречивыми, и вновь ситуация осложнялась ярко выраженными отношениями соперничества между службами аппарата безопасности Израиля. Подразделение «ЯМАМ», однако, полностью оправдало оказанное ему доверие со стороны защитников варианта применения третьей силы. В марте 1988 года вооруженные люди захватили автобус недалеко от Димоны, места, где находится главный ядерный научно-исследовательский объект Израиля; этот пригородный автобус вез в основном жен и детей. Инцидент с «материнским автобусом», как его потом называли, стал эталоном для контртеррористических миссий по спасению заложников. «Балансовым отчетом» операции стали трое убитых террористов против троих убитых заложников в результате *неприятельского* огня.

Заключение: формирование контртеррористического механизма

Каким образом стало возможным такое резкое улучшение результатов? Объяснение довольно простое. Кадровый состав группы «ЯМАМ» набирался непосредственно из элитных военных и гражданских организаций, таких как «Сайерет Голани» (элитные особые пехотные силы), «Сайерет Дувдеван» (особое контртеррористическое подразделение Израильских сил обороны) и, реже, из представителей кадрового состава полиции. Как было сказано ранее, и это было осознано в ходе Второй мировой войны, варианты третьей силы выгодно отличались в политическом плане тем, что в их подразделения набирались специалисты из всех существовавших на то время организаций безопасности, а также гражданские лица путем перевода из *гражданских* организаций.⁵³ Хотя «ЯМАМ» пока что, как кажется, не вызывает особенной симпатии у элитного состава Израильских сил обороны, политика приема в это подразделение основывалась и продолжает основываться на личных заслугах и уровне подготовки кандидатов; задача командиров здесь действительно состоит в том, чтобы у военных и гражданских бойцов против терроризма была выработана совместимая философия, и чтобы они могли взаимодействовать в оперативном и техническом плане для использования своих соответствующих активов в полной мере. Кроме того, оперативный профиль группы «ЯМАМ» связан с высокоточными операциями в преимущественно статическом окружении (например, взятие под свой контроль автобуса, вход в дом и захват), которые можно сравнить с классическими полицейскими операциями и которые резко отличаются от сложных, динамически проходящих специальных операций в самом логове противника (например, независимых противоповстанческих миссий при ограниченном пополнении запасов материальных средств или при отсутствии такого пополнения).⁵⁴

Санкционированный профиль «ЯМАМа» с самого начала давал возможность этому подразделению оттачивать свои умения и навыки до совершенства для

⁵³ См. Scobell и Hammitt, “Goons, Gunmen, and Gendarmerie.”

⁵⁴ «Подразделение ЯМАМ», 11.

применения их в отношении внутреннего контртерроризма; по некоторым утверждениям, в пределах своей сферы действий личный состав «ЯМАМ» практически не имеет себе равных. В то же самое время, подразделение «ЯМАМ» – это не прославленное полицейское формирование особых видов оружия и тактики, поскольку его члены в большей степени являются опытными бойцами военных сил специального назначения, а их боевая техника, как и в случае GSG-9, – это зачастую техника военного класса и, следовательно, значительно более тяжелая, чем техника, применяемая полицией. Тем не менее, структура личного состава и множество собственных приемов и технологий также дают подразделению «ЯМАМ» возможность действовать в более динамичных, подобных военным, ситуациях, таких как контртеррористические миссии пограничной безопасности, например, в борьбе против нарушителей границы.

Практическим результатом является то, что, имея такую возможность, израильское правительство осознало недостаточность чисто военного решения в случае инцидентов, требующих высокого уровня точности и особой осмотрительности вследствие, как правило, высокой вероятности причинения дополнительного ущерба. С самого начала подразделение «ЯМАМ» представляло собой эксперимент, в котором соединялись в корне отличные силы, причем функциональное командование в боевой обстановке «ЯМАМом» осуществлялось военными чинами, но при этом данное подразделение полностью подпадало под инстанцию гражданского командования. Достижение полной интеграции военных и гражданских боевых потенциалов и оптимальное слияние командных военных и полицейских структур особого назначения имело свои проблемы, но данная интеграция оказалась стоящим делом. Несмотря на глубоко укоренившуюся традицию использования Израильских сил обороны в качестве главной силы в случаях опасного террористического насилия, израильские власти осознали, что, кроме этого, было необходимо что-то новое для надлежащего реагирования на проблему террористических актов внутри страны. Даже за пределами государственных границ остро отточенным навыкам и высокой точности гражданского военизированного варианта третьей силы отдавалось предпочтение, когда этого требовала действительность, перед более мощным ударом или превосходящей силой действия классического военного потенциала сил особого назначения.

Все эти важные задачи могут быть выполнены при оптимальном сочетании гражданского и военного развития специальных операций, сводя воедино различные базы знаний и, не в последнюю очередь, исподволь внушая необходимость использования соответствующего – даже минимального – количества силы, но всегда имея в распоряжении *ultima ratio* – последний и решительный аргумент – вариант массивированной эскалации силы. Вероятность того, что террористическое насилие в будущем будет оставаться на среднем уровне (например, с применением тяжелого стрелкового оружия и взрывчатых веществ), которое предполагает массивированное применение нечто среднего между военными силами и силами полиции, приводит к рассмотрению варианта применения третьей силы, имеющей гражданский мандат и знания специалистов, а также являющейся наилучшей оперативной (и наиболее политически жизнеспособной)

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

моделью для демократически контролируемых, подотчетных и приемлемых контртеррористических средств и методов.

Является ли терроризм культурным явлением?

*Ана Серафим **

Введение

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать современный терроризм с точки зрения культуры. Я проанализирую не внутренний терроризм, а, скорее, ту форму терроризма, с которой мы сталкиваемся сегодня: терроризм глобального охвата, терроризм без границ или каких-либо концептуальных ограничений, терроризм, в котором смерть и разрушения определяются им как достижения.

На мой взгляд, идеологический терроризм (такой как, например, терроризм «Красной бригады» или банды «Баадер-Майнхоф»), который держал в напряжении многие западные страны в 1970-х-1980-х г.г., националистическое и этническое недовольство, которое было и продолжает оставаться величайшей вдохновляющей идеей для террористов, и религиозно мотивированные формы терроризма – все это имеет культурный аспект. Все же я не буду детально останавливаться на каком-либо из этих типов терроризма, а, скорее, попытаюсь выяснить, какие культурные отличительные признаки сегодняшней разновидности глобального терроризма и какие решения, если они вообще существуют, мы можем найти в сфере культуры, что поможет нам в борьбе с терроризмом. Это я делаю не потому, что недооцениваю многочисленные и различные по характеру проявления терроризма, а потому, что в большей степени интересуюсь сегодняшним и будущим днем, чем днем прошедшим. Меня также в особенности интересует этот новый тип терроризма, поскольку я думаю, что современные формы терроризма более чем когда бы то ни было, связаны с культурой по своему происхождению и характеру.

Анализ культуры как категории достаточно труден, так как он выходит за рамки строго научного исследования. Что люди думают, как они думают, как они реагируют на те или иные события – все это оказывает воздействие на культуру. И даже террористы являются продуктами культуры. Таким образом, что касается определения культуры, большинство читателей, возможно, смогут согласиться со мной только по факту, что существует много разночтений в отношении значения «культуры», разночтений, как в значениях слова, так и в концепции. Я трактую культуру в обычном социально-научном смысле убеждений, ценностей и образа жизни, сформировавшихся на мировой сцене, при этом уделяя специальное внимание религии как центральному компоненту. Очевидно, культура касается не только религии, но также справедливо и то, что наиболее заметное культурное измерение терроризма двадцать первого столетия может быть обнаружено в религии. В частности, события 11 сентября глубоко коренятся в религиозной и

* Ана Серафим является старшим советником Министерства национальной обороны Румынии. Г-жа Серафим также является членом рабочей группы Консорциума ПРМ «Противодействие терроризму».

культурной напряженности, обостренной окончанием «холодной войны». Поэтому в данной статье особый акцент будет сделан на религии, поскольку я думаю, что происходящие по всему миру изменения в сфере религии также способствуют усилению культурных различий между обществами, а различия между культурами способствуют (на мой взгляд) подъему и развитию терроризма.

В западном обществе, являющемся политически ориентированным, наметилась тенденция, предполагающая, что в террористических актах заложена какая-то рациональная прагматическая причина, а также существуют соответственные убеждения, что, если с конкретными проявлениями политического недовольства обращаться должным образом, то это явление постепенно исчезнет. Однако, когда корни какого-либо террористического движения не являются политическими (или экономическими), наивно ожидать, что политические жесты изменят умонастроения радикалов. Попытки рассмотрения террористической угрозой, отдельно от ее интеллектуальных, культурных и религиозных источников, обречены на поражение.¹ Вкратце говоря, я не буду утверждать, что терроризм – это чисто культурное явление, но я принимаю в качестве теоремы то положение, что современный терроризм имеет существенные культурные аспекты в своих целях, причинах, методах и последствиях.

Все читатели согласятся с наблюдением Марты Креншоу о том, что терроризм не оправдывается самоидентификацией или определенной принадлежностью какой-либо группы: моральной, культурной, религиозной или этнической.² Все же очевидно, что культура служит подспорьем для хода мыслей и действий террористов и влияет на их мысли и действия, поэтому кажется логичным, что терроризм *воспринимается* по-разному и *используется* по-разному в различных культурах.

В своей статье я сосредоточусь в первую очередь на двух основных культурах – исламской и западной иудейско-христианской, поскольку я думаю, что в границах соприкосновения этих двух культур и расцветает так называемый «новый терроризм». Я не буду выдвигать здесь аргументы в пользу ислама или христианства или же против них как конкурирующих культур или набора ценностей в отношении к терроризму, но я попытаюсь предложить объективный подход, чтобы лучше понять и, в конце концов, ликвидировать разрыв между этими двумя культурами, разрыв, который, на мой взгляд, может увеличиться из-за явления современного терроризма.

Восприятие терроризма в различных культурах

После событий 11 сентября сформированное исторически культурное различие между Западом и мусульманским миром вновь проявилось как одно из главных

¹ Shmuel Bar, “The Religious Sources of Islamic Terrorism,” *Policy Review* 125 (июнь-июль 2004), доступно на сайте: <http://www.policyreview.org/jun04/bar.html>.

² Martha Crenshaw, “The Psychology of Terrorism: An Agenda for the 21st Century,” *Political Psychology* 21:2 (июнь 2000).

предельных уровней культурной подозрительности. Хотя терроризм – даже в форме нападений террористов-смертников – не является по определению исламским явлением, нельзя игнорировать то, что львиная доля террористических актов, особенно наиболее разрушительных, в последние годы совершается от имени ислама. Этот факт вызвал фундаментальные дебаты, как на Западе, так и в самом мусульманском мире в отношении связи между этими актами и доктриной ислама.

Восприятие терроризма в исламской культуре

Большинство западных аналитиков не решаются связывать воедино террористические акты с центральными доктринами одной из величайших мировых религий, предпочитая рассматривать их вместо этого как извращение религии, которая по существу миролюбива и терпима. Более того, трактовка, которая взваливает вину за терроризм на религиозные и культурные особенности, рискует оставить впечатление как нетерпимая и характеризующаяся исламофобией.³

Мусульмане часто обвиняют западных аналитиков в неправильной трактовке ислама и незнании его реальной сути. *Но, если эти критики не желают видеть свою религию, ассоциирующуюся с современным терроризмом, тогда им нужно напомнить, что это не «другие» первоначально неправильно истолковали ислам и составили неправильное суждение о нем, а сами террористы.* Террористы послали ученых со всего света искать повсюду – включая их собственную религию – объяснения действиям террористов. Это не говорит о том, что ислам сам по себе опасен, но на нас лежит обязанность исследовать любой возможный источник вдохновения и мотивации террористов, для того, чтобы попытаться нейтрализовать источники угрозы, с которыми мы в настоящее время сталкиваемся. Таким образом, объектом моего исследования станет то, что Дэниел Пайпс называет «террористической версией ислама».

Террористическая версия ислама

Мартин Крамер, профессор Университета г. Тель-Авива, занимающийся научно-исследовательской работой по вопросам Ближнего Востока, пишет, что «исламизм» – это ислам, переформулированный как современная идеология. В то время как ислам традиционно сравнивался с иудаизмом и христианством, исламизм – это реакция на идеологии, которые появились в современном западном обществе, например, коммунизм, социализм или капитализм. У исламизма есть политическая программа: это попытка найти в исламе такое значение, которое может применяться к проблемам современного правления, общества и политики. Поэтому мы можем задать вопрос о том, есть ли исторические параллели бен Ладену и ему подобным, с одной стороны, и Мартину Лютеру и Реформацией, с другой. В своих глазах, бен Ладен может видеть себя глубоким реформатором ислама, каким был Лютер в истории христианства, но большинство ученых ис-

³ Bar, “Religious Sources of Islamic Terrorism.”

лама описывают взгляды бен Ладена как сильно извращенные и как являющиеся ретроградной версией вероисповедания ислама.

По мнению Дэниела Пайпса, воинствующий исламизм вытекает из ислама, но он является человеконенавистнической, женоненавистнической, триумфалистской, хилястической, антисовременной, антихристианской, антисемитской, террористической, джихадистской и суицидальной версией его.⁴ Все же то, что я надеюсь проанализировать, это не политическое измерение ислама, а его культурные элементы. Для исламистов жить по *шариату* (религиозному праву) – ключ как к добродетельной жизни, так и духовному возрождению мусульманской веры. При акценте на этом одном элементе идеологии исламизма придается согласованность.⁵

Основная мысль, выражаемая современными исламистскими террористами, также присутствует в «Мусульманском братстве» – политическом движении, которое зародилось в Египте в 1928 году, поставив перед собой цель восстановления исламских законов и ценностей перед лицом растущего западного влияния. Почти в то же самое время другая группа радикальной братии оформилась в Саудовской Аравии, проповедуя пуританскую трактовку ислама, известную как *ваххабизм*. И «Мусульманское братство» в Египте, и ваххабитские радикалы в Саудовской Аравии выросли из религиозного исламского движения, называемого «*Салафийя*», которое считало, что на практике ислам стал коррумпированным, а также, что исламу требовалось проведение реформ для точного отражения своей первоначальной формы, восходящей к седьмому веку и установленной в то время пророком Мухаммедом. Эта экстремистская трактовка ислама могла повлиять на новое поколение насильственных радикальных мусульманских групп, включая «Талибан», «Аль-Каиду» и «Египетский исламский джихад». Хотя все эти тенденции и религиозные движения существуют уже в течение века, они, казалось, никогда не достигали такого уровня экстремизма и глобального охвата, который можно найти в языке сегодняшних террористов. Это новое качество возникло из-за того, что террористические рассуждения эволюционировали и использовали в своих интересах религиозные концепции, чтобы выдвинуть свои политические и культурные программы.

Проповедь террористических организаций не имеет отношения к Корану, она еретическая. В моем подходе заслуживают внимания четыре основные концепции.

- «*Дар-аль-Ислам*»/«*Дар-аль-Харб*». Элемент, лежащий в основе радикального исламистского мировоззрения, неисторичен и дихотомичен: совершенство заложено в действиях Пророка и в событиях его времени; поэтому религиозные нововведения, философский релятивизм и интеллектуальный или политический плюрализм – это проклятие. При таком мировоззрении

⁴ Daniel Pipes, “Aim the War on Terror at Militant Islam,” *Los Angeles Times* (6 января 2002).

⁵ Martin Kramer, “Is Islamism a Threat? A Debate,” *Middle East Quarterly* (сентябрь 1999).

могут существовать только два лагеря – «Дар-аль-Ислам» («мир ислама», т.е. мусульманские страны) и «Дар-аль-Харб» («мир войны», т.е. страны, управляемые отличными от ислама режимами), которые сражаются друг с другом до полной победы ислама. Радикальные исламисты привносят эти концепции в свои экстремистские заключения.⁶

- *Умма*. Это древнее арабское понятие, которое означает совокупное число всех мусульман в мире в любой определенный отрезок времени; в этом смысле данное понятие включает в себя намного больше, чем обычно охватывает религия нашего мира.⁷ В исламских понятиях *умма* означает то, что светские дипломаты называют международным сообществом. Эти два понятия соотносимы по внутреннему разнообразию, географической разбросанности и потенциально глобальным амбициям.
- *Великий халифат* призывает к замещению всего светского руководства религиозными руководителями в любой стране, где мусульмане представляют большинство. Сюда можно отнести Египет, Турцию, Пакистан, Индонезию, все Эмираты, Судан, Тунис, Ливию, Алжир, Марокко, Йемен, Ирак, Сирию, Ливан и Иорданию и, наконец, то, что мусульмане называют «оккупированной территорией» Израиль.
- *Джихад* является настолько важной концепцией для ислама, что он рассматривался почти как шестая опора. Джихад также наиболее неправильно понимаем из всех аспектов ислама. Большинство исламских ученых трактуют *джихад* как ненасильственный поиск справедливости: скорее, священную борьбу, а не священную войну. Слово «*джихад*», как они утверждают, в действительности означает «борьбу» в духовном смысле. Это означает, что реальная каждодневная борьба мусульман должна стать чистой по духу и противостоять греху и злу. Все главы Корана за исключением одной начинаются с фразы «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного». Поэтому, если ислам настолько милосердная и терпимая религия, почему тогда воинствующие/экстремистские исламисты продолжают обращаться к применению насилия?⁸ Милосердие и терпимость, в конце концов, не являются частью общего западного восприятия *джихада*, по крайней мере, так, как он используется террористами. Они трактуют *джихад* как священную войну, при этом, не упоминая, что мусульманская обязанность – поддерживать борьбу против духовных врагов ислама.

Сегодняшние *джихадисты* называют свою войну «Третьим великим джихадом» и соотносят свою деятельность с рамками временного отрезка, восходящего к самому созданию ислама в седьмом столетии. Часть их усилий направ-

⁶ Bar, "Religious Sources of Islamic Terrorism."

⁷ Jack Miles, "Theology and the Clash of Civilizations," *Cross Currents* 51:4 (зима 2002).

⁸ Ivar Hellberg, "Notes on Islam," доклад на курсе по военной дипломатии MDD-12, июль 2004, Крэнфилдский университет, Великобритания.

лена на воссоздание той динамики, которая определяла подъем религии в первые двести лет существования ислама. *Джихад* дает шанс преодоления бесславия в длительном пути заката ислама, пути от славы и превосходства над Западом до распада и упадка, представленного современными арабскими правительствами.

Все эти концепции в моей дискуссии являются иллюстративными, и я их привожу просто для того, чтобы показать, насколько изменилось положение дел. Если сначала *джихад* рассматривался лишь священной войной в «Мире ислама», то затем он стал мобилизационной концепцией, оправдывающей политическую деятельность, и, наконец, возник как эффективная террористическая деятельность, правом ведения которой джихад сам себя наделил. Из-за этих новых трактовок учения ислама сегодня мы пришли к тому, что получили совершенно ошибочное (с точки зрения мусульман) восприятие исламской культуры. Многие мусульманские ученые говорят, что Усама бен Ладен и другие исламские фундаменталисты не представляют настоящий ислам. Если это так, тогда каким образом можно провести различия между настоящим исламом и извращением его сути?

Кто представляет настоящий ислам: «Где же он?»⁹

Ислам представляет собой этическое, идеологическое, мыслительное и культурное явление. Он является как системой убеждений, так и кодексом поведения, основанным на иерархии ценностей, норм, стандартов, законов и учреждений; он представляет собой образ жизни, мировую систему и социальное движение для исторических изменений.¹⁰ *И все же существует тенденция не судить об исламе по его книгам, а по тому, что делается от его имени.* Проблема состоит в том, что исламизм в некоторых отношениях становится более заметным, чем настоящий ислам.

Почему так происходит, что исламистская проповедь, как это выглядит, призывает к единству, в то время как восприятие ислама различно, даже среди самих мусульман? Внутри ислама, объединяющее влияние веры (в той мере, в какой можно говорить о единстве суннитов и шиитов) перевешивается другими социальными различиями. Даже внутри арабского мира, где более или менее общий язык (в целом), общая культура и исторический опыт добавляются к коллективно разделяемой религии, не существует непосредственной вероятности единства. Кроме того, большая часть мусульманского насилия направлена против тех, кто разделяет ту же веру. То, что мусульмане не едины, факт, который некоторые наблюдатели приписывают учениям самого ислама, утверждая, что эти учения делают ислам конфронтационным. Каким образом мусульманский мир воспринимает терроризм? Видит ли и чувствует ли его мусульманское сообщество так же, как мы? Саддам Хуссейн был единственным государственным лидером, который с одобрением отнесся к атакам 11 сентября. Многие страны, в которых

⁹ Miles, "Theology and the Clash of Civilizations."

¹⁰ См. "Islam and Terrorism: What does humanity need; Confrontation or Cooperation?", доступно на сайте: <http://www.jamaat.org/iat/humanity1101.html>.

мусульманское население представляет большинство, являются членами возглавляемой США коалиции по борьбе с терроризмом. Более того, «Аль-Каида» избирает объектами нападения мусульманские правительства, как, например, в Египте и Саудовской Аравии, которые она рассматривает как нечестивые. И все же, действительно ли народ этих государств поддерживает коалицию против бен Ладена и его государств-членов? В беседах с людьми из мусульманских общин, поделившимися со мной своими взглядами на этот конкретный вопрос, выясняется следующее: возможно, политические лидеры ратуют за поддержку американцев в войне с терроризмом по политическим и стратегическим причинам, но простой народ выступает против этого. Более того, есть мусульмане, которые морально поддерживают террористов и думают, что их война – это правое дело. Единственная сбивающая с толку проблема состоит в том, что такую тенденцию можно обнаружить даже среди пятнадцатимиллионного мусульманского населения Европы. Приведу следующий пример: недавно проведенный опрос в Великобритании показал, что 13 процентов опрошенных британских мусульман «склонны считать дальнейшие атаки «Аль-Каиды» или подобных ей организаций на США оправданными». Мы также можем вспомнить, что атаки 11 сентября были восприняты с ликованием на арабских улицах, где их встречали стихийными празднованиями и, как известно, было популярно давать новорожденным мальчикам имя Усама.

В какой степени исламский мир является объектом нападения терроризма? Некоторые исследователи говорят, что война, проводимая бен Ладеном и его приспешниками, в той же степени направлена против ислама, как и против Запада. «Аль-Каида» и ее союзники извращают ислам и ведут кампанию по изменению самого ислама.¹¹ Этот анализ подкрепляется террористическими актами в Центральной Азии, Марокко, Саудовской Аравии, Алжире – и в какой-то мере в Ираке, – которые направлены против собратьев-мусульман, отошедших от того, что экстремисты называют «настоящим исламом». Все же основными объектами нападений сегодняшних террористов остаются современность, христианство, Америка и Запад, которые, с точки зрения исламистов, составляют единый нечестивый хаос.

Сейчас мы перейдем к другой стороне уравнения. Почему мусульманский мир воспринял западную культуру подобным образом? Насколько «чужда» западная культура культуре исламской?

Восприятие терроризма в иудейско-христианской культуре

Запад больше не просто географическое понятие, он также измеряется с точки зрения культуры и цивилизации. Он очевидным образом отличается от других цивилизаций тем, что он оказывает подавляющее воздействие на все другие ци-

¹¹ David F. Forte, “Religion is Not the Enemy,” *National Review Online* (19 октября 2001), доступно на сайте: <http://www.nationalreview.com/comment/comment-forte101901.shtml>.

визации в мире, которые существуют с 1500 года.¹² Западная поп-культура глобальна по своему охвату, но во многих частях мира к ней относятся с подозрением, и она встречает различное по степени сопротивление. В исламском мире сложился стереотип Запада как воплощения высокомерия, эксплуатации и безответственного индивидуализма.¹³

Первое различие между исламом и христианством проявляется в том, что касается места и роли религии в обществе. Многие культурные особенности западных обществ являются результатом «приватизации религии» в христианском мире. Современная форма правления – демократия – выстроена вокруг приватизации, и поэтому все в западных обществах, включая религию, стало частным вопросом. Действительно, религия в западных обществах в своей основе ограничена частной сферой. Она достаточно независима от правительства, и ее роль сведена до частной жизни отдельного человека.

Ислам, с другой стороны, – религия, проникнувшая во все сферы жизнедеятельности. Ислам регулирует каждый аспект человеческой жизни. Западная культура в корне отлична от этого. Для нее первым приоритетом является отдельный человек. Общества, которые выстраивают свою деятельность вокруг преследования религиозных целей, могут казаться нелогичными для наших обществ, будучи сами основаны на индивидуальных правах и свободе. Но ценности, которые важны для этих сообществ, полностью различаются. Один мусульманский обозреватель сказал мне однажды: «Моя страна – больше, чем я, и это больше, чем моя семья. Моя страна – это моя религия». Мусульмане мало думают об индивидуальной свободе – их больше волнуют их собратья-мусульмане и их страны. Жители Запада не могут понять, как «рациональные» люди могут «с радостью» лишать себя жизни и жизни неповинных граждан в Америке и Израиле, и в любом другом уголке земного шара. Мы не можем представить себе культуру, которая поощряет молодых людей убивать себя во имя воображаемых благ загробной жизни. Эти концепции абсолютно чужды западному мировоззрению.

С другой стороны, такие западные ценности, как индивидуализм, либерализм, права человека, равноправие, свобода, демократия, свободные рынки и отделение церкви от государства, зачастую не находят никакого резонанса в мусульманской культуре или же очень мало волнуют ее. Усилия Запада по распространению этих ценностей наоборот вызывают реакцию против «империализма прав человека» и желание вновь подтвердить собственные ценности.

Является ли христианство как таковое объектом нападений терроризма? Современный терроризм является религиозным только в средствах, а не в его

¹² Josh Burek, “The Clash of Civilizations: A Reading Guide,” он-лайн-ресурсы и комментарии специалистов по работе Сэмьюэла Хантингтона (цит. Vincent Ferraro); доступно на сайте: http://www.csmonitor.com/specials/sept11/flash_civClash.html.

¹³ Simon Murden, “Cultural Conflict in International Relations: The West and Islam,” в *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*, под ред. John Baylis и Steve Smith (Oxford: Oxford University Press, 1997), 377.

объектах нападений. Мы являемся свидетелями того, что террористы скорее избирают объектами нападения ценности, а не религию. Террористы не воюют против христианства как религии, но скорее против продуктов христианской культуры, составляющих западные ценности.

Если это так, тогда, возможно, возникнет прямой вопрос о том, чем западная культура не устраивает исламистских террористов. Этот вопрос приводит меня к следующему пункту моего анализа, где я надеюсь пролить свет на то, что является культурной составляющей современного терроризма, а также с какой точки зрения мы можем определять терроризм как культурное явление. Как я уже сказала во введении, я рассматриваю терроризм двадцать первого века как имеющий культурные цели, причины, средства и последствия.

Каковы культурные аспекты современного терроризма?

Прежде всего, я считаю, что террористическая повестка дня временами является социальной и культурной, а не политической. Среди культурных целей, которые стоят на повестке дня террористов, я бы особо отметила следующие:

1. *Отрицание и разрушение западной культуры.* Сегодняшние террористы стремятся к исключению западной доктрины отделения церкви от государства и западных ценностей, а также тех, кто поддерживает их.¹⁴ В глазах исламских фундаменталистов открытость западной культуры и ее ценностей является отталкивающей. Существуют многочисленные книги и статьи, которые указывают на эту антипатию к западному миру, либо по причине глубокой культурной несовместимости, либо по причине конкретного конфликта между западным стимулированием потребительского интереса и религиозным фундаментализмом.¹⁵ Западные ценности рассматриваются как разлагающие ислам, и поэтому существует воспринимаемая культурная обязанность бороться против такого влияния. Террористы не хотят допустить проникновения «коррупции» Запада в их общества.
2. *Сражение с глобализацией.* Процесс глобализации связан с понятием западных ценностей. Глобализация – это то, что в особенности не нравится террористам, и это происходит потому, что глобализация касается не только экспорта и импорта процветания, но и ценностей. Папа Иоанн Павел II в своем обращении в начале этого года говорил о том, какими могут быть эти ценности. В своем обращении он охарактеризовал глобализацию не только как экономический факт, но и как «культурное явление»: «Те, кто ей подвержен, часто видят в глобализации разрушительный поток, угрожающий

¹⁴ Stephane Lefebvre, “Perspectives on Ethno-nationalist/separatist Terrorism,” в ежемесячном журнале *Conflict Studies Research Centre Monthly*, выпуск M29 (май 2003).

¹⁵ Хорошо известными примерами таких статей являются работы Сэмюэла Хантингтона: Samuel Huntington, “The Clash of Civilizations?” *Foreign Affairs* 72:3 (лето 1993); и Бенджамина Р. Барбера: Benjamin R. Barber, “Jihad vs. McWorld: Terrorism’s Challenge to Democracy,” *Atlantic Monthly* (март 1992).

общественным нормам, которые защищали их, и культурным отправным точкам, которые давали им жизненные ориентиры. Глобализация движется слишком быстро, и культура не поспевает за ней». ¹⁶ Страх и ярость перед тем, что угрожает установившимся убеждениям и налаженной жизни – а угрожает, прежде всего, американская либеральная, потребительская культура – являются большей частью динамикой развития исламистского неистовства сегодня.

3. *Борьба с неверными, объединение уммы.* Эта новая форма терроризма в большей степени направлена на наказание воспринимаемого зла, разрушение существующего порядка, поиски в стремлении создания исламских государств, функционирующих по *шариатским* законам. Сегодняшняя воинственная форма ислама старается отгородить Ближний Восток от любого западного влияния и сформировать исламское государство. Фундаменталисты полагают, что насилие, включая убийство гражданских лиц, оправдывается в качестве средства восстановления *шариата* и сохранения исламской культурной самоидентификации. Исламисты хотят не только сохранить свою самоидентификацию, но также либо обратить в свою веру неверующих, либо наказать их.

4. *Общество – мишень террористов.* То, что, по-видимому, возникает сегодня – это желаемая цель опустошить целое общество, а не просто воздействовать на публику политическими средствами. Если традиционно цель политического насилия террористов состояла в оказании влияния на правительственные структуры или государства, то новая форма терроризма ориентирована на общество, которое они хотят изменить: общество само по себе становится главным объектом нападения.

Также существуют культурные побудительные мотивы, стоящие за современным терроризмом. Война террористов – это и следствие их религиозных заповедей. События 11 сентября имели место из-за религиозной заповеди ведения *джихада* и работы по созданию *шариата*. Терроризм поэтому стал культурой, которая предоставила обездоленным и лишенным надежды основу для осознания собственного достоинства: борьбу за свою веру.

Исламские террористы также сражаются из чувства культурной неудовлетворенности. Культурное недовольство Западом имеет четко выраженный характер и явно используется как побудительный мотив в террористических актах. Ненависть террористов не ограничена временем и пространством. Однажды, когда одного террориста спросили, что джихадисты будут делать, если американцы полностью выведут свои войска из Ирака, он ответил: «Мы будем преследовать их в США». ¹⁷ Уровень недовольства джихадистов высок, поскольку они

¹⁶ Russel Shaw, “The Catholic Response to Terrorism” (30 сентября 2001), доступно на сайте: <http://www.osv.com/whatthechurchteaches/whenevilstrikes/shaw.asp>.

¹⁷ Michael Ware, “Meeting the Jihad,” *Time*, 5 июля 2004.

обращаются к прошлому. Как заметил Френсис Фукуяма, дни исламских культурных завоеваний уже в прошлом, а фундаменталисты не могут принять этого.¹⁸

Террористы также эксплуатируют тему глобализации для оправдания своей деятельности. Кашима говорит об изменении роли глобализации в современном терроризме от насильственного вторжения, которое провоцирует террористическую оппозицию, к нейтральному способу, который террористы используют для продвижения своих насильственных программ. Кашима заявляет, что глобализация предоставляет террористам возможность предать гласности свои политические планы, переместить их в русло «совместной общей позиции людей, занятых исследованием политических вопросов», связанных с повестками дня террористов. Как пишет Карл Ратнер, «на фоне глобализации терроризм привлекает некоторых как политическая стратегия».¹⁹

Терроризм является также культурным явлением в своих подходах и средствах; и первым таким средством, которое приходит в голову, является собственно религия ислама. Поэтому возникает вопрос: «Является ли религия оружием террористов?». Ряд аналитиков согласен с тем, что, хотя некоторые террористические организации, возможно, и имеют религиозный и политический облик, свою силу они видят в террористической тактике, которая не имеет ничего общего с религией.

Я не согласна с такой точкой зрения. Я думаю, что верующие – человеческий капитал террористических организаций – являются главным оружием террористов, и поэтому я бы сказала, что религия становится организующим принципом, мобиливающим фактором и поэтому может рассматриваться как оружие террористов. Апеллируя к глубинным пластам религиозного сознания, радикальные лидеры с успехом вербуют исламистских террористов, создают атмосферу общественной поддержки, которая одобряет эти действия, и религиозной обстановки, которая оказывает моральную и правовую поддержку таким действиям.

Террористы также используют религиозно-идеологические центры для воспитания экстремизма, и встает вопрос, что же на самом деле представляют собой все эти *медресе*: центры образования или же питомники терроризма. Хорошо известно, что религиозная обработка является предпосылкой для формирования хороших бойцов. Можно с легкостью предположить, что великое множество мусульман в мире не испытывает никакого желания присоединиться к джихаду и не хочет, чтобы религия была политизированной. Однако также верно и то, что, насколько это касается религиозных учреждений на большей части Арабского полуострова, в Иране и на значительных территориях Египта и Северной Африки, идеология радикальных исламистов не представляет крайнее или экстремистское искажение ислама, а скорее истинную или все более становящуюся основной

¹⁸ Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York: Free Press, 1992), 45–46.

¹⁹ Carl Ratner, “A Cultural Critique of Psychological Explanations of Terrorism,” *Cross-Cultural Psychology Bulletin* 38:1-2 (2004), 18–24.

идеологию. Многие религиозные школы в этих странах дают лишь религиозное образование (наряду с минимальным уровнем общего образования, что в свою очередь ведет к выпуску полуграмотных религиозных ученых).

Сегодня мы также можем видеть и глобальные средства новых форм терроризма. Благодаря глобализации у террористов появился доступ к более мощным технологиям, у них больше объектов для нападения, больше территорий, больше средств вербовки, больше финансовых ресурсов, больше легко эксплуатируемых источников ярости, чем когда бы то ни было. Этот новый терроризм использует глобальные и современные средства для достижения своих целей. Экстремистская идеология распространяется через веб-сайты и видеокассеты, и использование таких информационных технологий, как Интернет, мобильные телефоны и мгновенная передача сообщений, расширяют глобальный охват многих террористических групп.²⁰

Наряду с материальными результатами террористических актов мы в настоящее время также сталкиваемся с культурными последствиями терроризма, такими как:

1. *Отрицательное воздействие на западное общество.* Хотя терроризму обычно не удается достигнуть своих политических целей, он зачастую преуспевает на тактическом и стратегическом уровнях, порождая панику и воздействуя на общество путем причинения колоссальных физических разрушений и серьезных телесных повреждений. Возникает интересная ситуация: современные террористы избрали объектом своего нападения целое общество, поскольку в демократиях и индивидуум, и общество играют очень важную роль как в государстве, так и на международной арене. Перестало быть эффективным просто похищать людей или убивать политических представителей. Когда объектом нападения является общество в целом, эффективность террористической деятельности возрастает во много раз. Поэтому воздействие терроризма на западное общество становится очень серьезным. Какая-либо террористическая атака, подобно той, которая произошла 11 сентября, возможно, будет иметь глубокие политические, социальные и экономические последствия для общества, подвергшегося нападению. Это может ввергнуть общество в состояние повсеместно распространенного беспокойства, а также вылиться в недовольство правительством за неспособность выполнения своей первичной функции – обеспечения безопасности, и в требование народа к принятию драконовских мер, которые могут сотрясти политическую систему и фундаментально изменить образ жизни общества.²¹

²⁰ Audrey Kurth Cronin, “Behind the Curve: Globalization and International Terrorism,” в *Defeating Terrorism—Shaping the New Security Environment*, ред. Russell D. Howard и Reid L. Sawyer (New York: McGraw-Hill/Dushkin, 2004), 39.

²¹ Brian Michael Jenkins, “Countering Al-Qaeda,” в *Defeating Terrorism*, ред. Howard и Sawyer, 134.

2. *Терроризм как «интеллектуальная мода»*. Сегодня мы также наблюдаем то, что в современной интеллектуальной моде наряду с экстремистскими политическими курсами на поверхность выходят субкультурные элементы. Террористы становятся популярными, и они популярны не только среди малограмотного населения. Сегодня мы являемся свидетелями «интеллектуальной притягательности» терроризма, использования интеллектуальных средств пропаганды и поэтому определенного уровня внимания, уделяемого «интеллектуальной природе» новых террористов. Это опасная тенденция, так как в долгосрочной перспективе популяризация экстремистских взглядов не может служить хорошим предзнаменованием для безопасности какого-либо государства или общества. Подобного рода «интеллектуальный терроризм» может иметь даже худшие последствия, чем физический терроризм.
3. *Пример для подражания со стороны других типов терроризма*. Все типы терроризма испытывают на себе глубокое воздействие той формы терроризма, с которой мы сталкиваемся в настоящее время. Например, растет влияние «Аль-Каиды» на мусульманские сепаратистские группы, действующие в своих странах. Это тревожная тенденция, поскольку каждая атака «Аль-Каиды» становится вербовочным плакатом для терроризма в целом, вне зависимости от его конкретного типа.
4. *Столкновение идеологий/ культур/ цивилизаций*. Одним из главных последствий современного терроризма является вызывающее споры «столкновение цивилизаций», понятие которого в 1993 году ввел Сэмюэл Хантингтон. Суть этого положения состоит в том, что в будущем огромные разногласия среди человечества и доминирующие источники конфликта будут носить культурный характер. Религия по-разному воспринимается у разных народов, и основная линия разлома в мире возникает там, где Запад соприкасается с исламом. Были ли нападения 11 сентября, с точки зрения Хантингтона, частью столкновения исламской и западной цивилизаций? Бен Ладен и его террористическая сеть рассматривает это именно таким образом. «Аль-Каида» считает свою террористическую кампанию против Соединенных Штатов частью войны между *уммой* и иудейско-христианским Западом. Для «Аль-Каиды» это борьба против западной цивилизации в целом. Исламские ученые говорят, что это борьба между подавляющим большинством прогрессивных мусульман и очень незначительным процентом радикальных мусульман. По мнению Розна Гунаратны, это не столкновение цивилизаций, а столкновение между цивилизациями, борьба, которая должна по существу вестись в мусульманском мире.²²

²² Rohan Gunaratna, "Defeating Al Qaeda – The Pioneering Vanguard of the Islamic Movements," в *Defeating Terrorism*, ред. Howard и Sawyer, 20.

Многие эксперты говорят, что новая форма терроризма не может быть низведена к уровню столкновения цивилизаций. Однако мы видим растущий и далее разрыв между исламской и западной цивилизацией. Антизападные настроения, открыто демонстрируемые в мусульманском мире, способствуют росту враждебности Запада к исламу в целом. Западные общества, являющиеся главными жертвами современного терроризма, подвержены опасности дальнейшего роста ненавистного отношения к мусульманским общинам. Если вы выйдете на улицы городов западных стран и спросите самых простых людей, что они думают о мусульманах, они проведут – даже если и не умышленно – параллель между нынешней угрозой их безопасности и мусульманским миром. Чем больше будет происходить террористических нападений, тем сильнее будет антимусульманское негодование со стороны населения народов, подвергающихся нападению.

Учитывая все эти культурные аспекты терроризма, логично рассмотреть то, каким образом с терроризмом можно бороться культурными средствами. Какова роль культуры в борьбе с терроризмом?

Культурные подходы к борьбе с терроризмом

Предполагается, что понимание терроризма решающим образом воздействует на способы реагирования против него. Поэтому, для того, чтобы осознать побудительные мотивы таких действий и выработать эффективную стратегию в войне с терроризмом, необходимо понять религиозно-идеологические факторы, лежащие в их основе и глубоко проникшие в ислам. Следовательно, контртерроризм начинается на религиозно-идеологическом уровне и должен принять на вооружение соответствующие методы. Необходимо обратиться к культурным и религиозным источникам радикальной идеологии ислама, для того чтобы разработать долгосрочную стратегию по борьбе с террористической угрозой, порождаемой такими источниками.

Если исходить из этой цели, то, как я полагаю, назрела крайняя необходимость в более эффективном, многозначительном и разностороннем диалоге между мусульманским и западным миром, чтобы прийти к лучшему пониманию интересов и чаяний друг друга. Поэтому мусульманский мир должен следовать курсом открытой учебы у Запада и ограничения роли религии частной сферой. Требуется реформистское движение в исламе, такая трактовка ислама, которая сочетает должное уважение к мусульманским традициям с желанием и готовностью воспользоваться возможностями и принять на себя обязательства по развитию, которое соответствует современному миру.

Потребностью для исламского реформирования является разрешение на проведение модернизации; как заметил Розн Гунаратна, это скорее битва внутри самого ислама, а не между исламом и Западом. Я думаю, что в этом направлении уже достигнут определенный успех, так как предмет ислама вынесен на общественное обсуждение в самом исламском мире.

Другим эффективным подходом могло бы стать привлечение самого ислама, и поэтому теология должна стать темой международной дипломатии – не как во-

прос безопасности, а как инструмент для лучшего понимания друг друга. Благодаря отделению церкви от государства на Западе, когда западные правительства работают над каким-либо вопросом друг с другом, им не требуется вовлекать в работу религиозных руководителей своих стран. В мусульманском мире дело обстоит по-другому, там религиозные лидеры обычно имеют большее влияние на общество, чем гражданские руководители.²³ Поэтому теология должна вызвать интерес у людей, формирующих политические и дипломатические курсы.

Продвижение умеренного ислама должно стать другим подходом, принятым на вооружение Западом. Оптимальным способом в противодействии фундаменталистской опасности могло бы стать проведение серьезного диалога с умеренными исламскими группами, которые смогут в далеком будущем благоприятствовать если не демократизации их режимов, то, по крайней мере, выпадению радикальных элементов из их обществ. Те, кто придерживается умеренных взглядов в исламе, должны выиграть борьбу внутри ислама. Нужно действовать особенно осторожно, чтобы не вызвать антагонизм умеренных элементов в мусульманском сообществе, и поэтому важно знать, сила или слабость делает мусульман умеренными, и действовать соответственно.

Также важна интеграция ислама в западное сообщество. Герт Вайсскирхен, спикер по внешней политике Социал-демократической партии Германии, говорил о потребности европеизации ислама.²⁴ Но возможен ли для Европы европеизированный ислам или же для Америки – американизированный ислам?

Некоторые полагают, что в последующие годы должен быть слышен голос мусульманских общин Запада, а не бен Ладена. Мусульманские общины Запада могут изменить ситуацию благодаря своим связям с исламской культурой и лучшим ее пониманию. Эти общины могут служить соединительным звеном между исламским и западным миром. Все же видно и то, что многие террористы принадлежат этим общинам. Общины эмигрантов и беженцев остаются уязвимыми для идеологического проникновения и вербовки, и они все еще идентифицируют себя с борьбой в своих родных странах. Только после того, как правительства принимающих стран направят свои силы на более глубокое культурное понимание угрозы и целевой террористической пропаганды – как ее инициаторов, так и их инструментов, – только тогда угроза изнутри потеряет актуальность.²⁵

Решающим элементом культурного фронта в борьбе с терроризмом является реформирование образовательной системы в мусульманском мире. В основном экстремисты являются выходцами из обществ, где высок уровень экстремистских учений. Нужно поощрять и поддерживать социальные изменения, делая при этом особый акцент на образовании. Вызывают серьезные проблемы религиозные школы. Террористы используют эти школы для распространения идеологий, которые противоположны учению ислама. Там обучают не религии, а политике: политике ненависти.

²³ Miles, "Theology and the Clash of Civilizations."

²⁴ *Time*, 29 марта 2004, 28.

²⁵ Gunaratna, "Defeating Al Qaeda," 5.

Когда министра обороны США Дональда Рамсфелда спросили о том, как наиболее оптимально можно измерить, выигрываем ли мы или проигрываем войну с терроризмом, он ответил, что лучший способ измерения – это «посмотреть, является ли количество тех, кого мы убиваем или пресекаем их действия, больше, чем количество, которое выпускают медресе и вербует «Аль-Каида». И здесь проявляется разница между двумя подходами: военно-силовыми методами, или военной мощью, используемыми западными странами для нанесения поражения терроризму, и несиловыми методами влияния, или культурной мощью, используемыми террористами для обеспечения победы. Эта ситуация должна измениться. Подобно тому, как террористы сейчас все более используют военно-силовые методы, те, кто воюет против них, должны сосредотачиваться на несиловых методах воздействия. Джозеф Най, один из ведущих американских ученых в области внешней политики, выступает за применение несиловых методов воздействия для улучшения имиджа Америки на Ближнем Востоке. Он утверждает, что распространение информации и американской массовой культуры обычно увеличивает информированность о том, что происходит в мире, и делает доступными американские идеи и ценности.

Несиловые методы влияния применялись к коммунистическим странам Европы в силу общей истории, общего религиозного наследия и родственных культурных структур. Но на Ближнем Востоке по всем этим вопросам существуют огромные несоответствия. Могут ли усилия, основанные на несиловых методах влияния, пустить корни в мусульманских обществах? Намного сложнее применять несиловые методы влияния при глубоких культурных различиях. Например, почти нереально думать, что западные ценности могут распространиться среди радикальных исламистов, которые питают отвращение к демократии и полагают, что права человека и терпимость – изобретения империалистов, и не приемлют никаких западных ценностей, отличные от тех, которые существуют в Коране, и как они сами их трактуют. Но целью несиловых методов влияния должны, повторюсь, быть пока еще не подвергшиеся радикализации крупные мусульманские общины и необразованные массы. В этом отношении, неграмотность – другой важный аспект, с которым нужно будет иметь дело. Нуждающиеся или неграмотные молодые люди, на мой взгляд, самые легкие объекты вербовки со стороны террористических организаций, поскольку ими легче всего манипулировать.

Заключение

В заключение, отмечу, что культурный подход к терроризму, возможно, не предложит какого-либо конкретного решения по этой проблеме, но он определенно может дать нам намного более проницательную и эффективную стратегию в понимании конкретных культурных вопросов, связанных с терроризмом. Понимание как условий, которые провоцируют терроризм, так и идеологических и культурных целей, которые движут реакцией террористов на эти условия, сделает нас более подготовленными к пониманию причин терроризма и борьбы против него.

Поскольку кажется, что нет чисто политического или военного решения проблемы терроризма, логично попытаться подойти к этой проблеме с другой стороны. Никто не хочет вызывать антагонизм у мусульманского сообщества. Соединенные Штаты избегают изображать свою кампанию против «Аль-Каиды» и «Талибана» как крестовый поход против ислама, и в мои намерения также не входит превращать ислам в вопрос безопасности. Но я согласна с теми аналитиками, которые описывают в качестве противника идеологию, набор отношений, систему верований, организованную в вербовочную сеть, которая будет продолжать замещать потери террористов, если только ей не нанести поражение политически, экономически и культурно. Поэтому, если у государств не выработаны политические курсы в отношении религий, они реагируют на идеологии, следовательно, важно разрабатывать решения по военно-силовым методам в отношении к исламу, в то время как решения по несилowym методам влияния – к исламу. Военно-силовые методы нужны для нейтрализации исламистской угрозы, в то время как несилowe методы влияния нужны для привлечения тех, кто придерживается умеренных взглядов, для проведения политики умиротворения воинствующих исламистов и для помощи в нахождении действительной альтернативы бен Ладену в том мире, откуда он происходит.

Исламский фундаментализм является угрозой для западной культуры точно так же, как и западная культура воспринимается угрозой для исламского мира. Это всегда связано с неправильным восприятием, неправильным пониманием и незнанием друг друга. Но, когда представители одной культуры воспринимают представителей другой культуры не просто как чужаков, но и как источник угрозы, вероятность серьезного конфликта высока.²⁶

Я не знаю, действительно ли существует столкновение цивилизаций, свидетелями которого мы являемся сегодня, но я знаю, что существует разрыв между мусульманским и западным миром, и я думаю, что терроризм этот разрыв увеличивает. Эта пропасть должна быть сужена, и культурные средства могут внести свой вклад в эти усилия. Чтобы не бороться вслепую с опасностью воинствующего фундаментализма, мы должны быть информированы о моральном различии между разрозненными религиозными сектами, подобными ваххабитам, и террористическими группами, такими как «Аль-Каида» и исламский джихад.

Продолжая поддерживать эту моральную разграничительную линию между терроризмом и исламом, мы помогаем узаконить все разнообразные и мирные традиции ислама, *включая такие, которые противостоят фундаментализму*. Это позволит нам аккуратно изолировать и уничтожить террористов при одновременной работе над многоаспектной программой по ослаблению и уменьшению воинствующего фундаментализма внутри ислама.²⁷ Понимание разнообразия ислама станет для тех из нас, кто не является мусульманином, ценным ору-

²⁶ Murden, "Cultural Conflict in International Relations," 375.

²⁷ Forte, "Religion Is Not the Enemy."

дием, облегчающим нашу работу с мусульманами, а это является исключительно важным моментом, чтобы его проигнорировать.²⁸

В заключение, отмечу, что рассмотрение терроризма в качестве чисто культурного явления было бы крайностью. Действительно, современный терроризм имеет культурные особенности и может быть принят как культурное явление, но суть состоит в том, что до сих пор терроризм двадцать первого века – это проявление лишь какой-то изолированной части культуры, а не культуры в целом. Поэтому автоматическое сочетание этих двух терминов, представляется мне неадекватным. Невозможно, на мой взгляд, объединять слово с положительной окраской со словоформой, имеющей стопроцентно отрицательную окраску. Но все же, как мы видели, такие слова кое-где встречаются. Поэтому я могу утверждать, что та форма терроризма, с которой мы сталкиваемся сегодня, является скорее *некультурным*, *субкультурным* или *акультурным* явлением. И, действительно, данное субкультурное явление может быть хорошей питательной средой для «столкновения цивилизаций».

²⁸ Llewellyn D. Howell, “Act of War: Terrorism in the Clash of Civilizations,” *USA Today Magazine* (июль 2002), доступно на сайте: www.findarticles.com/p/articles/mi_m1272/is_2686_131/ai_90683547.

Терроризм и безопасность гражданской авиации: проблемы и тенденции

*Джангир Араслы **

Общие тенденции в современном терроризме

Атаки террористов 11 сентября 2001 года ознаменовали начало нового периода в современной истории. Этот период характеризуется нестабильностью, непредсказуемостью и изменением сложных систем, включая как традиционные, так и новые проблемы, и источники опасности. Особую важность во второй и наиболее опасной категории, вне всякого сомнения, представляет собой появление терроризма как глобальной угрозы в полном смысле слова.

Необходимо иметь в виду, что терроризм как независимое и самовоспроизводящееся социально-политическое явление насилия можно встретить на протяжении истории человеческой цивилизации. Однако в двадцать первом веке терроризм стал значительным геополитическим фактором, который может привести к системному кризису во всемирном масштабе. Некоторые отличительные (хотя и не единственные в своем роде) особенности современного терроризма – называемого также «международным терроризмом», «новой волной терроризма», «мегатерроризмом», «терроризмом четвертого поколения», – можно сформулировать следующим образом¹:

- качественное изменение содержания;
- сдвиг в сторону стратегического подхода и особых методов ведения войны;
- постоянное воспроизведение и наращивание;
- трансформация в массовые движения;
- постоянная динамика;
- подвижный, переменчивый характер – конвергенция;
- возрастание значения негосударственных действующих субъектов;
- растущая профессионализация;
- эскалация технического совершенствования;
- оружие массового поражения, технотерроризм;
- все большее использование информационных технологий и сетей;
- кибертерроризм, психотерроризм.

* Джангир Араслы является советником по международным вопросам министра обороны Азербайджана, а также членом рабочей группы «Противодействие терроризму» Консорциума «Партнерство ради мира».

¹ Джангир Араслы, Доклад, представленный на совещании рабочей группы «Противодействие терроризму» Консорциума ПРМ, Сараево, февраль 2004 г.

Вышеупомянутые составные части позволяют определить общий масштаб современного всемирного процесса, который некоторые политики и эксперты по терроризму называют «четвертой мировой войной».² Среди основных участников этого процесса – наряду с национальными государствами – негосударственные действующие субъекты, включая террористические структуры, сети и движения.

Необходимо отметить, что конфликт, обозначенный выше, тесно связан с другим, не менее важным и всеобъемлющим явлением – процессом глобализации. Ее наиболее значительный аспект – даже более важный, чем революция в информационных технологиях, – это распространение «транспортной революции» по всему миру, прокладывающей путь к быстрому и свободному передвижению людей, товаров и услуг в глобальном масштабе. Признав это, мы видим, что гражданская авиация является тем аспектом этой революции, который претерпел наибольшие изменения. В настоящее время авиатранспорт может доставлять людей и грузы, откуда угодно в самые дальние уголки планеты в течение времени, немногим более суток. Необходимо отметить, что авиация на сегодняшний день является сферой перевозок, которая развивается наиболее быстро и динамично. Убедительным свидетельством важности этой сферы и темпов ее развития являются следующие количественные показатели: в настоящее время в мире транспортными перевозками занимается приблизительно 10000 авиакомпаний, при этом используется более 15500 пассажирских авиалайнеров (не считая грузовых самолетов и авиации малой грузоподъемности), осуществляющих посадки более чем в 5000 аэропортах.

К сожалению, эта положительная тенденция имеет также и негативную сторону. В силу своей функциональной важности и уязвимости гражданская авиация все чаще и чаще становится объектом (в большей степени, чем оружием) оперативной деятельности различных террористических структур. Это, в свою очередь, приводит к необходимости принятия практических мер по ужесточению уровня безопасности в сфере гражданской авиации.

Происхождение и оперативная хронология терроризма в транспортной авиации

Следует отметить, что появление терроризма практически совпало с подъемом авиации как вида транспорта. Первый зафиксированный случай авиационного терроризма относится к 1930 году, когда перуанские повстанцы захватили самолет для разбрасывания пропагандистских листовок.³ Однако такая практика не вошла в обычай на протяжении последующих четырех десятилетий, главным образом в результате влияния глобальных факторов (Вторая мировая война и т.д.).

² Д. Арас, *Четвертая мировая война. Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам* (Баку: Изд-во Сада, 2002), с. 6.

³ О. Губарев, *Секреты воздушного терроризма* (Москва: Вече, 2002 г.), с. 11.

Датой начала современного авиационного терроризма, как мы сегодня его понимаем, стало 22 июля 1968 года, когда трое вооруженных бандитов из Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) совершили угон пассажирского авиалайнера израильской авиакомпании «Эль Аль», совершавшего перелет из Рима в Тель-Авив, и потребовали обмена заложников на своих соратников, находящихся в тюрьме в Израиле.⁴ Хотя эта операция и была двенадцатым по счету случаем захвата гражданского самолета в 1968 году, она качественным образом отличалась по содержанию и конечной цели. Впервые был совершен угон самолета не из уголовных побуждений или по личным причинам, но преследовалась особая цель *политического давления* на противника и использования инцидента как *пропагандистского послания* для привлечения внимания мировой общественности к политическому делу. Именно сознательное создание кризисной ситуации и непосредственная угроза жизни заложников способствовали формированию благоприятного политического и психологического контекста для принуждения противника пойти на прямые переговоры (что *де-факто* является формой признания) и на выполнение требований. Это не просто случайное совпадение, что конец 1960-х годов и начало 1970-х годов были отмечены резким увеличением количества террористических актов, нацеленных на воздушный транспорт, большая часть которых проводилась по типичной схеме: вооруженный захват авиалайнера; угон в безопасный аэропорт; и выставление требований политического характера под угрозой казни заложников.

Позже, в 1980-х годах, опасная тенденция дальнейшего распространения авиационного терроризма как орудия политического давления и пропаганды закончилась. Этому способствовали различные факторы, включая следующие:

- использование и быстрое усовершенствование технических средств безопасности в аэропортах, в результате чего для террористов осложнился тайный пронос оружия и боеприпасов на борт авиалайнеров;
- создание и эффективное использование особых антитеррористических групп (типа тех, которые были развернуты для спасения заложников в Могадишо, Энтеббе и др.);
- принятие некоторыми государствами контрмер, направленных против лидеров террористических структур, в качестве возмездия и репрессалий за уже совершенные акты авиационного терроризма;
- изменения в общественном сознании, а именно, однозначное понимание воздушного пиратства как террористического акта, а не «акта борьбы за свободу».

Хотя общий курс на авиационный терроризм был приостановлен, тенденция, направленная на политически мотивированный угон самолетов, не исчезла. Начиная с середины 1980-х годов, возникла качественно иная форма терроризма в

⁴ Б. Хоффман, *Терроризм – взгляд изнутри* (Москва, 2003), с.77.

сфере авиации. Это новое явление формировалось и поддерживалось средствами массовой информации, что увеличило его значение.

Угон авиалайнера «Боинг-727» авиакомпании «ТВА» в июне 1985 года, совершенный ливанскими террористами из «Хезболлы», за которым последовала двухнедельная драма с заложниками, перемещение захваченного самолета между различными аэропортами Ближнего Востока, убийство одного из пассажиров, а также интервью с освобожденными заложниками, – все это непрерывно транслировалось главными телевизионными сетями в Соединенных Штатах. Прямым результатом транслирования этого происшествия стал тот факт, что свыше 850 тысяч американцев отказались ехать за границу, опасаясь террористического акта; другие 200 тысяч человек решили провести свой отпуск у себя на родине. В результате волнового эффекта 50 процентов ранее забронированных американских туров в Италию и 30 процентов туров в Грецию были аннулированы, что нанесло значительный ущерб также и экономикам этих стран.⁵ Этот пример показателен для изменений в динамике авиационного терроризма, поскольку он выходит за рамки нападения на отдельный вид транспорта и приобретает два новых аспекта: экономической и психологической войны.

Современная динамика авиационного терроризма

Учитывая примеры, рассмотренные выше, становится ясно, что совершение крупнейших атак террористов, которые когда-либо видел мир, – атак 11 сентября на Нью-Йорк и Вашингтон – путем угона гражданских самолетов, не является простой случайностью. Впервые самолеты управлялись пилотами-смертниками. Вместо использования в качестве рычага воздействия на переговорах или платформы для выдвижения требований, самолеты использовались как *оружие* (в сущности, как пилотируемые крылатые ракеты), предназначенные для поражения конкретных целей. Замена не имеющегося в наличии типа оружия другим имеющимся средством является одним из фундаментальных принципов *асимметричных приемов ведения войны*. Между тем, отказ от переговоров или выработки требований за кулисами боевых действий является красноречивым итогом состояния *тотальной войны*. Это обстоятельство дало многим экспертам основание рассматривать 11 сентября 2001 года как дату начала четвертой мировой войны.

Современный терроризм, если рассматривать его как особый тип войны, во все большей степени принимает новые формы, которые можно отнести за счет военных, экономических, финансовых и культурно-цивилизационных асимметрий, возникающих тогда, когда постиндустриальные и традиционные общества участвуют в глобальном конфликте. Именно практическая неспособность выдержать прямую конфронтацию с регулярными вооруженными силами развитых стран толкает негосударственные действующие субъекты на действия, направ-

⁵ Хоффман, *Терроризм*, 182.

ленные на осуществление нетрадиционных (т.е. террористических) оперативных подходов.

Можно привести следующий пример. Две террористические атаки в октябре 2002 года – взрывы в двух ночных клубах на Бали, в Индонезии, и попытка сбить израильский пассажирский самолет в Кении при помощи переносной зенитной управляемой ракеты (ЗУР) класса «поверхность-воздух» – привели к тому, что значительно сократилось количество западных туристов, которые традиционно проводили свои отпуска в теплых краях этой части мира. Примечательно, что эти синхронные операции, предпринятые с интервалом в две недели, нанесли ущерб не только в области туризма и развлечений (на которые приходится не менее 10 процентов расходов населения в экономиках стран Запада). Первым сектором, которому был причинен наибольший вред, как оказалось, стал сектор авиакомпаний, которые работали в качестве транспортных операторов для туристических агентств. Атака, предпринятая в том же месяце против французского супертанкера у берегов Йемена, привела к резкому скачку цен на нефть на мировых рынках, что также ударило по авиалиниям, поскольку они должны были закупать топливо для самолетов по более высоким ценам.⁶ Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что терроризм является чрезвычайно эффективным инструментом ведения экономической войны.

Следует отметить, что сектор авиаперевозок является передовой линией фронта в войне против террора. Свидетельством этого является крупномасштабный системный кризис, который поразил ведущие авиалинии мира вслед за 11 сентября, последствия которого еще не устранены. Ряд известных компаний («Сабена», «Свиссэйр» и др.) не сумели выжить в *форс-мажорных* условиях, в то время как другим компаниям для того, чтобы остаться на плаву, пришлось приложить невероятные усилия. Например, некоторые крупные пассажирские перевозчики в Соединенных Штатах начали судебный процесс по защите от банкротства, а по другую сторону Атлантики, согласно особому решению правительства, компания «Бритиш Эйрвейс» была освобождена от уплаты основных налогов. Без предоставления этой льготы деятельность ведущей национальной авиакомпании Великобритании была бы неприбыльной и, следовательно, бессмысленной с экономической точки зрения. Согласно прогнозам на 2004 год, в этом году «Бритиш Эйрвейс» потеряет предположительно еще 900 миллионов долларов США, а также нужно будет сократить 13 тысяч рабочих мест (из общего числа 45 тысяч).

Красноречивым свидетельством масштаба террористической угрозы для функционирования мировой системы воздушных перевозок стали события, которые произошли между 24 декабря 2003 года и 5 января 2004 года (рождественские и новогодние каникулы, когда объем потока пассажиров резко возрастает). Отправным пунктом кризиса стала «достоверная» информация от «неназванных»

⁶ Д. Арас, интервью газете «Эхо», 15 июля 2003 г.; доступно на сайте: <http://www2.echo-az.com/archive2/623/foreign.shtml>.

источников в разведывательных службах по поводу высокого уровня опасности в связи с возможностью угона пассажирских самолетов боевиками «Аль-Каиды». В результате этого были отменены многочисленные рейсы различных авиакомпаний; некоторые аэропорты закрыты; боевая готовность в вооруженных силах была повышена (реактивные истребители совершали частые вылеты для сопровождения подозрительных самолетов); повышенный уровень готовности к террористическим актам – оранжевый код – был введен на всей территории Соединенных Штатов.⁷ В частности, рейсы из США в Лондон, Мехико и Париж были отменены или задержаны. Было также отменено не меньше шести рейсов из Парижа в Лос-Анджелес. Другая волна угроз, согласно неидентифицированным каналам информации, была зарегистрирована всего спустя месяц, в начале февраля. Вследствие этого рейсы «Бритиш Эйрвейс» в Вашингтон и рейсы «Эр Франс» в Лос-Анджелес были снова отложены.⁸

Прямым следствием этого кризиса в гражданской авиации стало усложнение порядка регистрации и досмотра пассажиров, а также введение вооруженной воздушной полиции для сопровождения коммерческих рейсов (эта мера привела в результате к политической напряженности между США и некоторыми другими государствами).⁹ Прямой ущерб, нанесенный срывом графика полетов и усилением мер безопасности, составил несколько десятков миллионов долларов США; вторичные последствия (психологическое давление и паника среди потенциальных пассажиров) не поддаются материальному исчислению. Анализируя этот инцидент, многие эксперты по противодействию терроризму предположили, что этот кризис в перевозках воздушным транспортом был спровоцирован не реальными факторами, а, скорее, сознательной дезинформацией, распространенной террористическими структурами путем обмена ложными оперативными планами по электронной почте, имитирующими действительную угрозу.

Дальнейшим свидетельством силы воздействия слухов на подрыв мировой авиационной системы стал ряд периодически повторяющихся ложных угроз, которые имели место в сентябре – октябре 2004 года. Вслед за анонимными телефонными звонками о том, что на борту якобы находятся взрывчатые вещества, семь рейсов, осуществляемых компаниями «Олимпик Эйрвейс», «Сингапур Эйрвейс», «Эль Аль» и «Люфтганза», были либо задержаны, либо отменены. Истребители военно-воздушных сил были снова подняты по тревоге, были мобилизованы антитеррористические группы, полиция, спасательные службы и медперсонал, и в результате был нанесен ущерб, составивший миллионы долларов США. Таким образом, вовсе необязательно подрывать систему авиации непосредственными действиями; скорее, простая угроза совершения действий из разряда международного терроризма устанавливает эффективную формулу, сочетающую прямое экономическое и психологическое давление на противника.

⁷ *Arab News*, 3 января 2004 г. [периодическая ежедневная газета, Лондон]

⁸ *Fox News*; описание эпизода доступно на сайте: <http://www.foxnews.com/story/0,2933,110006,00.html>.

⁹ *Arab News*, 7 января 2004 г.

Классификация угроз

Анализ современной динамики и тенденций международного терроризма в целом и его многочисленных отдельных аспектов дает возможность выделить следующие категории существующей системы угроз в отношении гражданской авиации:

- захват самолета в целях удержания заложников/обмена заложниками;
- захват самолета в целях передвижения/перевозки;
- захват самолета в целях уничтожения/разрушения;
- прямые действия против самолета извне;
- прямые действия против наземной инфраструктуры гражданской авиации;
- периферийные категории действий.

Угон в целях удержания. Основным объектом этой категории действий являются пассажиры, находящиеся на борту самолета. Здесь целью террористов является достижение политического, пропагандистского и психологического эффекта (демонстрация силы и присутствия; давление на государственные структу-

Категория действий	Объект действий	Цель действий
Угон в целях удержания	Пассажиры	Достижение политических, пропагандистских и психологических результатов; цель не связана с причинением прямого ущерба
Угон в целях передвижения	Самолет	Доставка террористов из одного географического пункта в другой
Угон в целях уничтожения	Самолет + пассажиры	Причинение материального, политического и психологического вреда
Прямые действия против самолета	Самолет + пассажиры	Причинение материального, политического и психологического вреда
Прямые действия против наземной инфраструктуры	Наземная инфраструктура (и, реже, самолет или пассажиры)	Причинение материального, политического и психологического вреда
Периферийные категории	Самолет (и, реже, пассажиры, экипаж, наземная инфраструктура)	Разнообразные цели

ры и общественное мнение; привлечение максимального внимания; согласие с их условиями и требованиями). Классический террористический акт в виде насильственного захвата заложников на борту самолета и демонстративной угрозы их жизням ставит практически неразрешимую политическую и морально-психологическую дилемму перед государством, которое сталкивается с необходимостью решения диаметрально противоположных задач подавления терроризма и спасения жизней заложников. В качестве эффективного средства давления эта форма терроризма предоставляет террористам удобный момент, так называемое «окно возможностей», пользуясь которым они смогут достигнуть своих целей.¹⁰ Имеются десятки случаев, когда захват пассажирских самолетов осуществлялся по вышеуказанным причинам. В качестве примера приведем один такой случай, который произошел в ноябре 1991 года, когда группировка под руководством Шамиля Басаева захватила самолет Аэрофлота Ту-154 в аэропорту города Минеральные Воды и угнала его в Турцию, выдвинув в качестве условия освобождения заложников отмену чрезвычайного положения, которое было введено правительством России в Чечено-Ингушской автономной республике.

Угон в целях передвижения. Самолет как средство транспортировки является основной целью этой категории действий, при этом пассажиры выступают дополнительным фактором, служащим усилению гарантий безопасности для террористов. Здесь целью является обеспечение передвижения террористов с одной территории, где их нахождение по каким-то причинам ограничено или запрещено, в другую географическую точку. По этой категории только в 1990 году в СССР было совершено семь актов захвата пассажирских самолетов с целью покинуть страну по причинам личной, политической или экономической мотивации. В некоторых странах эта категория террористических актов остается крайним методом миграции отдельных лиц, действующих в одиночку, так и в составе небольших групп лиц с одинаковыми идеями. В частности, в Китае с 1993 по 1998 годы было зарегистрировано тринадцать случаев угона пассажирских самолетов в Тайвань.¹¹ В марте-апреле 2003 года был осуществлен угон двух пассажирских самолетов Ан-24 с Кубы во Флориду. В некоторых случаях террористические акты такого вида заканчиваются трагическими последствиями, которые не были предусмотрены организаторами. В частности, захват и угон группой сепаратистов «Боинга-767» «Эфиопских авиалиний» в ноябре 1996 года вследствие недостаточной подготовки террористов закончился вынужденной аварийной посадкой и падением самолета в воды Индийского океана у побережья Коморских островов, в результате чего погибли 125 пассажиров и членов экипажа.

Угон с целью уничтожения/разрушения. Использование самого самолета в качестве оружия для поражения заранее выбранной цели является основной задачей этой категории действий; пассажиры являются фактором, обеспечиваю-

¹⁰ Д. Арас, *Терроризм: вчера, сегодня и навсегда* (Баку: изд-во Сада, 2003), 108–109.

¹¹ Арас, *Четвертая мировая война*, 585.

щим дополнительный уровень нанесения общего ущерба, причиняемого, в конечном счете, в результате атаки. Здесь целью террористов является причинение прямого материального ущерба противнику в сочетании с дополнительным политическим и психологическим ущербом. Эта категория действий напрямую относится к параметрам асимметричных способов ведения войны. Первый прецедент подобной операции произошел в декабре 1994 года, когда вооруженные бандиты из алжирской террористической организации «Вооруженная исламская группа» (ВИГ) захватила аэробус А-300 авиакомпании «Эр Франс», в котором находилось 240 человек, с целью взорвать его над Парижем. В пункте промежуточной посадки в Марселе была проведена спасательная операция, организованная группой специальных операций, с применением специальной тактики и оружия, которая помогла избежать потенциально тяжелые последствия.¹²

В октябре 2002 года террористы пытались угнать аэробус А-320 «Саудовских авиалиний» с целью обрушить его на военно-воздушную базу США в Аль-Удеид в Катаре. Кульминационным пунктом крупномасштабной террористической атаки этой категории стал захват четырех пассажирских авиалайнеров 11 сентября 2001 года и их последующее использование в качестве крылатых ракет против объектов нападений в Вашингтоне и Нью-Йорке. Следует отметить, что, несмотря на усиленные меры безопасности в аэропортах и введение соответствующих технологий, угроза такого широкомасштабного авиационного терроризма не уменьшается, а, скорее, увеличивается. Ярким свидетельством этого факта стало получение информации о том, что боевики «Аль-Каиды» проводят испытания инновационных методик захвата и угона самолетов, направленных на реализацию на практике модели камикадзе (самолет как средство доставки, пилот-смертник как руководящий элемент).¹³ Поэтому неудивительно, что по всему миру в столицах от Вашингтона до Коломбо расположены огневые установки ЗУР класса «поверхность-воздух» и радиолокационные установки, чтобы таким образом защитить ключевые государственные объекты от «незваных гостей».

Прямые действия против самолета. Как авиалайнеры, так и пассажиры/экипаж на борту являются мишенью в этой категории атаки, цель которой состоит в разрушении самолета в воздухе и уничтожении людей, чтобы нанести материальный, политический и психологический ущерб. На практике террористы предпочитают использовать самодельные взрывные устройства (СВУ) и переносные ракетно-зенитные комплексы (ПЗРК), такие как реактивные гранатометы, снабженные плечевым упором (РГ), противотанковые управляемые ракеты (ПТУР), тяжелые и легкие пулеметы, снайперские винтовки против технических и материальных средств противника на средних и больших дальностях и автоматы.

¹² Е. Кожушко, *Современный терроризм: анализ современных тенденций* (Москва: Урожай, 2000), 330.

¹³ Rohan Gunaratna, "Al-Qaeda Adapts to Disruption," *Jane's Intelligence Review* (февраль 2004 г.).

Самодельные взрывные устройства с часовыми механизмами или барометрическими механизмами детонации стали эффективным средством разрушения авиалайнеров в 1980-х годах. Однако, необходимым условием было помещение взрывчатых веществ внутри цели до вылета, обычно путем помещения их в никем не сопровождаемый багаж путем передачи их третьим лицам без их ведома. В частности, в результате использования таких взрывчатых веществ террористам удалось уничтожить авиалайнеры и пассажиров/экипажи рейса 103 авиакомпании «Пан Американ» (Локерби, Шотландия, декабрь 1988 – 271 погибший) и рейса 722 французской авиакомпании «ЮТА» (Нигер, июль 1989 – 170 погибших). Была также предпринята попытка этого типа террористического акта на борту израильского «Боинга-747» (Лондон, 1986 год), когда террорист Низар аль-Хиндауи намеренно поместил взрывчатку в багаже своей невесты, не уведомив ее об этом. В результате усовершенствования технических и административных мер контроля багажа и пассажиров угроза таких террористических актов в начале 1990-х годов уменьшилась, хотя и не была устранена полностью, главным образом потому, что противник стремился найти новые, нетрадиционные способы транспортировки и помещения самодельных взрывных устройств в самолетах. В частности, нововведением такого типа стала попытка со стороны террориста Джона Рейда, который поместил пластиковую взрывчатку в каблуках своих собственных ботинок, взорвать самолет «Американских авиалиний», следовавший из Парижа в Майами в ноябре 2001 года.

В настоящее время в обход сложности помещения средств уничтожения непосредственно на борту самолета вследствие усиления технических средств безопасности появился совершенно новый фактор в виде такого оружия, как переносные системы ПВО. Используемые чаще снаружи самолета, чем внутри, ПЗРК представляют собой в настоящее время одну из наиболее серьезных опасностей для гражданской авиации. Этому способствуют следующие особенности этого типа оружия:

- *Практичность*: ПЗРК конструктивно сочетает функции запуска ракеты и управления в одном устройстве.
- *Небольшой размер*: Это оружие легко можно тайно переносить и хранить. Изготовленные в СССР ЗУР «Стрела-2» (вес 13,6 кг, длина 1,5 м) могут легко поместиться в сумке для игры в гольф. Для транспортировки и приведения в боевую готовность большинства ПЗРК требуется команда из двух человек.
- *Простота*: В среднем на хорошо организованное обучение работе с ПЗРК требуется пять недель (включая практические запуски; если имеется тренажер, срок обучения составляет три недели).
- *Время срабатывания*: Чтобы привести оборудование в боевую готовность с последующим применением против воздушных целей, требуется всего несколько минут.

- *Технические условия:* системы наведения ПЗРК (оптическая, инфракрасная/термическая, радарная) предназначены для обеспечения высокой вероятности поражения цели на высоте приблизительно до 3000 метров. Удар по двигателю самолета при помощи ракеты SA-18 «Игла» (вес боеголовки составляет 1,18 кг) во время взлета или посадки дает 100 процентов гарантии того, что самолет будет выведен из строя, в результате чего произойдет крушение.¹⁴
- *Тактические условия:* Дает возможность применять оружие с использованием защитных особенностей местности в зоне атаки. Запуск может быть произведен из лесного участка, крыш зданий и окон, движущихся машин и т.д.
- *Невысокая стоимость:* Относительно невысокая цена и широкое распространение ПЗРК гарантируют, что их может приобрести на международном черном рынке любой заинтересованный участник. В зависимости от условий рынка цены на это оружие колеблются от 5 тысяч долларов США за установку «Стрела-2» до 20 тысяч долларов США за произведенный в США «Стингер».

Согласно оценкам Пентагона, в настоящее время в мире имеется 750 тысяч ракет и тысячи огневых установок, значительная часть которых проданная на черном рынке, развернута в зонах вооруженного конфликта и находится под контролем негосударственных действующих субъектов, включая повстанческие и террористические группы. В частности, местонахождение и состояние более тысячи ЗУР «Стингер», поставленных по каналам ЦРУ *моджахедам* Афганистана в 1980-х годах для борьбы против советских войск, остается неизвестным. Согласно косвенной информации не менее 200 вышеупомянутых ПЗРК находятся в данное время в распоряжении различных группировок негосударственных сил, в диапазоне от «Аль-Каиды» до Рабочей партии Курдистана. Часть оружия в размере двухсот единиц огневых установок и двух тысяч ракет «Стрела-2М» и ракет «Игла», оставленных после крушения марксистского режима в Никарагуа, находится в распоряжении наркотеррористической повстанческой организации «Революционные вооруженные силы Колумбии» (РВСК). Следует также отметить, более 1000 из 5000 ракет указанного оружия, развернутого в Боснии и Герцеговине во время вооруженного конфликта 1992-1995 годов, используется, изъято, выкуплено или уничтожено; состояние остальных единиц остается неизвестным. В целом, не менее двадцати семи террористических групп имеют в настоящее время произведенные в США «стингеры», советские/российские «стрелы» и «иглы» различных модификаций, британские «бло-

¹⁴ А. Карпенко, *Российские ракеты: 1943–1993* (Санкт-Петербург: 1993), 85.

упайпы», французские «мистрали», шведские «РБС-70», китайские «ХН-5» или пакистанские «анзы», и т.д.¹⁵

Устойчивая тенденция в направлении применения или угрозы применения ПЗРК против гражданской авиации находит отражение в оперативной хронологии соответствующих инцидентов:

- 28 октября 2002 года две ракеты (предположительно «Стрела-2») были выпущены из машины по израильскому самолету «Боинг-757-300» авиакомпании «Эль Аль» во время его взлета из аэропорта Момбаса, Кения; в результате неисправности ракеты и преждевременного взрыва самолет практически не получил повреждений и продолжил полет.
- В августе 2003 служащими ФБР были задержаны три человека с Ближнего Востока при попытке везти в США зенитные управляемые ракеты «Игла-М» (кодовое название НАТО SA-18); предположительной целью ввоза была организация террористической атаки против гражданского самолета.
- 24 ноября 2003 года самолет «Боинг-767» авиакомпании «Эль Аль», следовавший из Тель-Авива в Лос-Анджелес, со 193 пассажирами на борту, был направлен на другой запасной аэропорт после получения срочной информации от разведывательных служб о готовящейся атаке против авиалайнера с применением переносной ракеты класса «поверхность-воздух», которая должна была быть запущена с ранее выбранной позиции в зоне посадки непосредственно в аэропорту Торонто.¹⁶

Четкой демонстрацией важности этого вопроса стало заявление командующего Транспортного командования США генерал-лейтенанта Джона Хэнди: «В ходе глобальной войны против терроризма угроза ПЗРК является самой большой угрозой, с которой мы когда-либо сталкивались».¹⁷

Необходимо добавить, что террористы постоянно стремятся к новым, инновационным с технической точки зрения и смертельным методам уничтожения самолета с земли. Убедительным подтверждением этого была попытка, предпринятая неизвестным (предположительно местным) террористом, который использовал лазерный луч в целях повреждения видимости пилота авиалайнера во время посадки в Солт-Лейк-Сити в сентябре 2004 года.

Прямые действия против наземной инфраструктуры. Объектом нападения этой категории террористических атак является наземная инфраструктура поддержки гражданской авиации. Здесь целью террористов является причинение материального, политического и психологического ущерба, а также подтверждение факта войны. Стационарная техническая инфраструктура (пассажиры и грузо-

¹⁵ Д. Арас, *Терроризм*, 119; Thomas B. Hanter, "The Proliferation of MANPADS," *Jane's Intelligence Review* (сентябрь 2001 г.).

¹⁶ *Известия*, 27 октября 2003 г.

¹⁷ USNI Military Databases; доступно на сайте www.periscope.com. Ссылка от 20 ноября 2003 г.

вые терминалы, ангары, топливные баки, радары движения воздушного транспорта и другие объекты), а также самолеты на земле остаются уязвимой мишенью для нападения с целью их захвата или уничтожения. Подобный элемент структуры террористической угрозы широко распространен. Подтверждение можно найти в двух отдельных оперативных случаях в контексте современных гражданских войн в Шри-Ланке и Колумбии.

24 июля 2001 года группа боевиков-смертников из повстанческой/ террористической организации «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ) предприняли неожиданную атаку под покровом темноты на международный аэропорт и прилегающий военный аэродром в столице Шри-Ланки городе Коломбо. В результате ожесточенного боя, продолжавшегося семь часов, три пассажирских самолета – аэробуса (2 А-330 и 1 А-340), принадлежавшие «Авиалиниям Шри-Ланки», а также шесть самолетов и два вертолета Военно-воздушных сил Шри-Ланки были уничтожены, а три других аэробуса были повреждены. Кроме того, было разрушено здание пассажирского терминала, а также были сожжены электростанция и два резервуара-хранилища с авиационным топливом. Стоимость одной только уничтоженной авиационной техники составила 400 миллионов долларов.¹⁸ Примечательно, что вся операция была проведена только в течение одного налет группой, количество участников которой составляло от двенадцати до пятнадцати человек, вооруженных автоматическим оружием, гранатометами и разрывными зарядами.

В феврале 2004 года силы безопасности Коломбо обнаружили и удалили четыре газовых баллона, заряженных взрывчатыми веществами, и устройство дистанционного управления, которые были тайно размещены подрывной группой повстанческой/ террористической организации «Революционные Вооруженные силы Колумбии» (РВСК) на дороге, идущей вдоль взлетно-посадочной полосы в аэропорту Вальдупар. Террористы планировали привести в действие свои устройства во время прибытия Альваро Урибе, президента Колумбии.

Нанесение ущерба гражданской авиации на земле является не единственным методом, имеющимся в распоряжении крупных вооруженных групп, и этот метод может быть применен не только к инфраструктуре, но и к пассажирам и персоналу. В частности, группы террористов – насчитывающие только по три боевика, – начиная от «Японской Красной армии» (ЯКА) и Армянской тайной армии освобождения Армении (АСАЛА), осуществили вооруженные атаки на пассажиров в аэропортах в Тель-Авиве и Париже в 1968 и 1983 годах. В первом инциденте погибли двадцать шесть человек, а во втором – пять человек соответственно. В июле 2002 года гражданин США, некто Хисхам Хидаят, действуя совершенно самостоятельно, на основании национальной вражды и религиозного фанатизма, совершил вооруженное нападение на пассажиров, зарегистрированных на стойке компании «Эль Аль» в международном аэропорту Лос-Анджелеса,

¹⁸ Jane's Information Group; см. www.janes.com/security/international_security/news/misc/janes010724.

убив двух пассажиров и ранив троих. Этот последний случай стал возможен по причине халатности службы безопасности аэропорта, несмотря на тот факт, что данная служба работала в состоянии повышенной боевой готовности, введенной в аэропортах США после 11 сентября.

Периферийные категории. Эта категория не относится к актам, которые являются террористическими по природе, однако, включает акты, которые по своим параметрам (криминальному характеру) или по своим непосредственным и долгосрочным последствиям совместимы с терроризмом. Объектами нападения этой категории действий являются в значительной степени самолет и, реже, пассажиры, экипаж и вспомогательная наземная инфраструктура гражданской авиации. Здесь цели действий, подпадающих под данную категорию, отличаются от создания прямой или косвенной угрозы на борту авиалайнера, они также иначе мотивированы. Они включают:

- использование гражданской авиации со стороны международного терроризма для транспортировки (то есть для косвенной поддержки террористической деятельности);
- использование гражданской авиации со стороны транснациональной организованной преступности как средства осуществления противозаконной деятельности;
- насильственные действия на борту самолетов, возникающие из-за отклоняющегося от нормы социального или психического поведения отдельных пассажиров или групп пассажиров.

Участники международного терроризма на всех уровнях часто используют гражданскую авиацию для намеченной ими цели: транспортировки. Гражданская авиация является самым быстрым и наиболее удобным средством для скрытых перевозок на основе законных или поддельных транспортных документов, особенно если нужно преодолеть значительные расстояния за короткое время. Следует заметить, что авиалайнеры и пассажиры не подвергаются опасности в этом случае; опасность реализуется на территориях стран назначения (или других стран), которые являются целями террористических операций. Существует также вероятность того, что гражданская авиация используется в качестве средства для транспортировки оперативных документов, средств пропаганды и – в меньшей степени – оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также радиоактивных и ядовитых веществ (хотя более вероятно, что перевозки последних осуществляются при помощи грузовой авиации). Другим, менее распространенным, но все же возможным аспектом, является использование гражданской авиации как средства перевозки террористов и заложников в определенный географический пункт после совершения террористического акта *вне сферы* гражданской авиации (пример: случай, когда в 1988 году ученики одной средней школы были взяты в заложники в Северо-Осетинской Автономной Республике России бандой, возглавляемой Павлом Якшиянцем).

Современное активное сближение международного терроризма и транснациональной организованной преступности является относительно новым фактором в сфере косвенных угроз авиационной безопасности. Следует отметить, что гражданская авиация объективно является сферой интересов криминальных структур, которые занимаются такими видами деятельности, как нелегальная миграция, торговля наркотиками, отмывание денег, а также контрабанда оружия, боеприпасов, произведений искусства и т.д. Некоторая часть операций и передвижений криминальных организаций осуществляется при использовании регулярных пассажирских рейсов в рамках обычного пассажирского и грузового потока под прикрытием как легальных, так и поддельных документов. Угрозу, исходящую от организованной преступности, можно считать косвенной, учитывая тот факт, что основной задачей структур организованной преступности является передвижение субъектов и предметов криминальной деятельности (людей, наркотиков, наличных денег и т.д.) между отдаленными географическими точками как можно более незаметно и быстро. Вследствие того, что транснациональные криминальные организации присоединяются к силам международного терроризма и являются частью их финансовой материальной базы, участие таких криминальных групп нельзя игнорировать в свете борьбы против терроризма.

Отклоняющееся от нормы социальное поведение некоторых категорий лиц или групп на борту авиалайнеров может при определенных обстоятельствах создать условия, которые могут вызвать авиационную катастрофу или создать угрозу жизни пассажиров. Это, главным образом, хулиганские действия, вызванные или усугубленные алкогольным, или наркотическим отравлением. Специфические категории пассажиров – фанаты футбольных команд или музыкальных групп, молодежные туристические группы, команды рыболовных судов и т.д. – представляют собой источник повышенной опасности. Сочетание седативного эффекта от алкоголя и чувства безнаказанности, которое часто присуще членам таких групп, нередко становится спусковым механизмом для повышенной агрессии. Подтверждением этому служат, например, фактические бесчинства, возникшие между туристами на борту рейса «Аэрофлота», следовавшего из Хургады (Египет) в Москву в 1996 году. Цифры подтверждают сказанное: сообщается о 300 случаях хулиганства на рейсах «Бритиш Эйрвейс» в 2003 году и 126 случаях – на рейсах «Аэрофлота».¹⁹ В то время как в 1994 году произошло 1 132 зафиксированных случая нарушения правил поведения на авиалиниях в мировом масштабе, эта цифра увеличилась до 5 416 к 1997 году (по сообщениям Международной ассоциации авиационного транспорта).

Действия на борту самолета, предпринимаемые пассажирами, которые страдают психическими расстройствами, представляет особую опасность для жизни пассажиров. В одном таком случае психически больной гражданин Италии Стефано Сабарини, провозгласив себя основателем новой религии, был задержан в марте 1999 года на аэробусе А-320 авиакомпании «Эр Франс», следовавшем в

¹⁹ *Известия*, 27 апреля 2004 г.

Париж из Марселя, и повторно в ноябре 2002 года на рейсе аэробуса А-320 авиакомпании «Алиталія», следовавшем в Париж из Болоньи.²⁰ Это является ярким примером неэффективной работы европейских служб безопасности в сфере гражданской авиации, так как они не смогли помешать человеку, который был опасен, и об этом было широко известно, произвести посадку на рейсы. В ноябре 2002 года психически больной гражданин Израиля Тауфик Аль-Фурка пытался осуществить угон самолета компании «Эль Аль», следовавшего из Тель-Авива в Стамбул, однако его попытка была пресечена агентами безопасности на борту самолета. В марте 2003 года Озгур Гекаслан из Турции произвел захват и угон самолета «Турецких авиалиний» в Афины. Расследование и медицинское обследование выявили в обоих случаях свидетельства психических расстройств, усугубленных множеством социальных и личных проблем. Учитывая особенно опасный характер вышеуказанных действий, которые несли в себе потенциально тяжелые последствия и для гражданской авиации, и в более широком масштабе, имеются все основания классифицировать эти периферийные угрозы как действия, которые подпадают под более широкое определение терроризма.

Трудности в сфере безопасности авиатранспорта в Азербайджане

Как следует из общих тенденций, обозначенных выше, существуют факторы угрозы в сфере авиатранспорта, которые имеют особое значение для Азербайджана вследствие единственного в своем роде положения страны в глобальной системе террористических угроз. Чрезвычайно важен тот факт, что Азербайджан расположен на пересечении некоторых нестабильных геополитических зон (Кавказ, Каспийский бассейн, бассейн Черного моря, Центральная Азия, Ближний Восток, Персидский залив). Кроме того, он располагает значительными энергетическими ресурсами (нефтью и природным газом) и является участником нескольких международных геоэкономических проектов.²¹ Такое сочетание факторов отражает, несомненно, растущую значимость страны в смысле намечающихся глобальных тенденций двадцать первого века в сферах экономики и безопасности. Вместе с тем, такое положение государства имеет свою оборотную сторону, в частности, возрастает угроза, что Азербайджан оказывается все ближе к центру оперативной деятельности различных террористических структур, особенно участников глобального конфликта, структурный формат которого был изменен после 11 сентября.

Это относится и к области безопасности гражданской авиации. Географическое положение Азербайджана в первую очередь объясняет его значение для международного потока перевозок, включая авиaperевозки. Такая динамика стала результатом длительных конфликтов в Афганистане и Ираке, а также разработки нефтяных месторождений в Каспийском море, что обусловило начальный им-

²⁰ Арас, *Четвертая мировая война*, 556.

²¹ Д. Араслы, презентация на совещании рабочей группы «Противодействие терроризму» Консорциума ПРМ, Вест-Пойнт, сентябрь 2003 г.

пульс для переориентации дополнительных пассажирских и грузовых авиамаршрутов через Азербайджан. С другой стороны, вышеупомянутые факторы также оказывают влияние на нестабильную военно-политическую обстановку в регионе в целом. Обстановку, кроме того, осложняет так и не урегулированный до конца конфликт между Арменией и Азербайджаном, а также ухудшение как региональных (Чечня, Абхазия, курдский вопрос), так и глобальных проблем (международный терроризм, транснациональная организованная преступность, миграция). Дело в том, что Азербайджан подвергается риску быть втянутым в политический и оперативный водоворот нескольких транснациональных и местных террористических групп, которые действуют на региональной сцене. Такими группами, представляющими наибольшую опасность, являются:

- скопление армянских террористических групп, действовавших прежде под знаменами «Армянской тайной армии освобождения Армении»;
- региональные структуры транснациональной сети «Аль-Каида»;
- структуры сепаратистской Рабочей партии Курдистана (РПК) и Конгресса демократии и свободы Курдистана (КДСК) и его местных подразделений;
- внутренние фракции иранской оппозиционной группы «Моджахидин-и-Хальк», которые в настоящее время действуют независимо от центральной группы;
- структуры иракской религиозно-политической группы «Ансар аль-Ислам»;
- различные структурные элементы чеченского сепаратистского движения.

В данной статье не ставится цель изучить оперативные параметры, идеологии или политические мотивировки этих организаций. Однако, следует отметить, что все они, как известно, использовали терроризм против гражданской авиации. Также нельзя игнорировать тот глобальный факт, что Азербайджан находится в регионе, ставшем оперативно-транзитной зоной транснациональной организованной преступности.

Заключение

Не претендуя на представление всестороннего и глубокого квалифицированного анализа, автор счел необходимым рассмотреть вопросы, связанные с борьбой против терроризма с точки зрения гражданской авиации, и дать некоторые рекомендации по действиям, которые должны быть предприняты. Далее приводятся функциональные категории, по которым можно распределить эти действия:

1. *Усовершенствование системы безопасности авиатранспорта.* Сюда нужно включить ужесточение процедур в отношении покупки авиабилетов и регистрации и проверки пассажиров и груза, чтобы исключить доступ на борт лиц и предметов, которые могли бы представлять даже малейшую угрозу безопасности пассажиров. Это должно также включать повышение технических стандартов контроля и безопасности, создание исключитель-

ных зон безопасности вокруг аэропортов и улучшение всестороннего обучения работников службы безопасности.

2. *Усовершенствование и введение мер технической защиты для самолетов.* Обеспечение использования электронных мер защиты против запуска ПЗРК.
3. *Введение превентивных мер, нацеленных на предотвращение террористических актов.* Здесь имеются в виду создание баз данных на потенциально опасных пассажиров; более строгая предварительная проверка для членов радикальных политических организаций, религиозных сект, криминальных групп; для тех, кто уже находится или, вероятно, будет в состоянии интоксикации; для тех, кто имеет навыки рукопашного боя, и т.д.; а также более тщательная проверка благонадежности экипажей самолетов и технического персонала, работающего в авиакомпаниях.
4. *Координация усилий и укрепление взаимодействия между органами гражданской авиации и государственными органами безопасности.* Это означает создание более тесных связей между авиакомпаниями и вооруженными силами, особыми и разведывательными службами, правоохранительными, иммиграционными и таможенными ведомствами в рамках борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью.
5. *Совершенствование международного правового механизма противодействия авиационному терроризму.* Современные договоренности недостаточны для того, чтобы должным образом координировать действия государств в борьбе против террористических угроз, нацеленных на гражданскую авиацию.
6. *Расширение и углубление взаимодействия между соответствующими профессиональными структурами на региональном и международном уровнях.* Это включает оказание организационной, финансовой и технической помощи отдельным государствам, которые находятся в зонах повышенного риска в отношении воздушного транспорта и осуществления перевозок.

Я осознаю, что реализация этих предложений сложна не только с организационной и финансовой точки зрения, но также и по политическим, моральным и этическим причинам. Снятие отпечатков пальцев и сканирование сетчатки глаза у авиапассажиров, а также использование вооруженных сопровождающих сил воздушной полиции на рейсах, – все это противоречит принципам демократии и свободы личности. Эти действия просто можно добавить к списку многочисленных негативных последствий феномена международного терроризма. Подводя итог, я должен, в конечном счете, прийти к пессимистическому выводу: терроризм будет существовать до тех пор, пока существует человечество. Что еще хуже, его траектория находится на подъеме. Следовательно, проблема безопасности воздушного транспорта является более насущной, чем когда-либо ранее.

Наркотерроризм в Юго-Восточной Европе

*Люсия Овидия Врежа **

Драматическая атака на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года, приведшая к трагическим потерям человеческих жизней и огромному материальному ущербу, поставила международное сообщество перед необходимостью осознания того, что международный терроризм принял широкие масштабы и новые формы. После событий 11 сентября гигантские усилия со стороны государственных и международных действующих субъектов были направлены на борьбу с этой глобальной опасностью. Однако, как нам кажется, один аспект борьбы против терроризма недооценивается: связь между терроризмом и организованной преступностью.

Значительность явления организованной преступности в Юго-Восточной Европе, наличие хорошо развитых сетей, а также огромные прибыли, получаемые в результате деятельности организованной преступности, особенно контрабанды наркотиков, которая является финансовой опорой большинства криминальных организаций, – все это делает организованную преступность и наркобизнес очень удобными для террористов и террористических групп. Если учитывать усилия международного сообщества после 11 сентября, направленные на блокирование денежных фондов и средств «Аль-Каиды» и связанных с ней террористических групп, высока вероятность того, что мы станем свидетелями активизации участия этих групп в деятельности организованной преступности для мобилизации новых средств. Однако, несмотря на то, что задача получения денег для организации новых атак или для сохранения своей инфраструктуры, вербовки и обучения новых членов и т.д. очень важна для террористов, но это не единственная причина участия террористических групп в организованной преступности. В равной степени важны хорошо организованные сети, которые уже используются криминальными группами и которые могут быть использованы отдельными террористами или организациями для расширения своей инфраструктуры, вербовки новых членов, незаметного перемещения людей, боевой техники и средств, а также создания новых баз обучения.

Юго-Восточная Европа характеризуется высоким уровнем организованной преступной деятельности, особенно контрабанды наркотиков, а также присутствием некоторых террористических групп, включая «Аль-Каиду» (в основном на Западных Балканах). В такой ситуации трудно поверить – и было бы ошибкой считать, – что террористические группы не будут использовать сети преступной деятельности, которые уже существуют в регионе. Таким образом, данное исследование будет посвящено краткой оценке масштабов контрабанды наркотиков в Юго-Восточной Европе и изучению вероятных связей между этой преступной

* Люсия Овидия Врежа является стипендиатом-исследователем Института политических исследований в области обороны и военной истории, Министерство обороны Румынии.

деятельностью и ее сетями и терроризмом, исходя из основной установки, что регион, главным образом Западные Балканы, не должен стать «надежным пристанищем» для террористов.

Определение проблемы

Транснациональная организованная преступность является главной проблемой Юго-Восточной Европы, причем она представляет собой очень сложное явление, «накладываемое на милитаризм и терроризм и связанное с ними», и это означает, что любая попытка эффективно решить какую-либо одну из проблем потребует «решения также других проблем – одновременно или последовательно, поскольку каждая из них подпитывает другую».¹ Организованная преступность принимает различные формы и включает большое многообразие видов преступной деятельности,² однако здесь я сосредоточу основное внимание на той форме криминального рынка, которая считается одной из основных угроз в большинстве европейских стран, – на контрабанде наркотиков.

Хотя организованная преступность – включая контрабанду наркотиков – и терроризм часто рассматриваются как отдельные явления и вызывают споры по поводу наилучших методов борьбы с ними, связь между ними несомненна. Действительно, террористы и торговцы наркотиками имеют различные цели в долгосрочной перспективе (например, политические цели для террористов и экономические – для торговцев наркотиками),³ однако они часто имеют некоторые общие краткосрочные цели; почти каждая террористическая группа получает некоторые деньги от торговли наркотиками. Данное исследование опирается на определение «наркотерроризма» – согласно Администрации США по контролю за наркотиками⁴ – как террористических актов, осуществляемых группами, которые прямо или косвенно участвуют в выращивании, производстве, перевозке или распространении запрещенных наркотиков. Таким образом, это понятие относится к группам, которые используют контрабанду наркотиков для финансиро-

¹ Dennis J.D. Sandole, “Combating Crime in Southeastern Europe: An Integrated, Coordinated, Multi-level Approach,” работа представлена на проходившем в Райхенау 4-ом семинаре рабочей группы «Региональная стабильность в Юго-Восточной Европе» Консорциума ПРМ по теме «Подавление преступности в Юго-Восточной Европе: борьба во внутреннем, региональном и европейском масштабах», Райхенау, Австрия, 16-19 мая 2003 года.

² *Summary of the Organized Crime Situation Report 2004. Focus on the Threat of Cybercrime*, Предварительный отчет, Совет Европы, Программа «Спрут», Страсбург (6 сентября 2004 года), 4.

³ *Terrorism: Q & A/ Narcoterrorism*, доступно на сайте: www.cfrterrorism.org/terrorism/narcoterrorism.html.

⁴ Asa Hutchinson, *Congressional Testimony before the Senate Judiciary Committee’s Subcommittee on Technology, Terrorism and Government Information about Narco-Terror: The World Connection Between Drugs and Terror*, 13 марта 2002; доступно на сайте: www.usdoj.gov/dea/pubs/cngrtest/ct031302.html.

вания террористической деятельности. Как правило, сотрудничество между группами или сетями террористов и сетями организованной преступности обеспечивает первым из них финансовую и материально-техническую поддержку. Кроме того, террористические группы и нелегальные сети преступности оказывают друг другу поддержку, поэтому можно утверждать, что не имеет смысла обсуждать терроризм отдельно от организованной преступности.

Поскольку торговля запрещенными наркотиками является чрезвычайно прибыльной, она «также связана с международными террористическими организациями, которым нужны деньги для финансирования своей деятельности. Путем установления выгодных отношений с наркодельцами или самостоятельного активного участия в торговле наркотиками, такие террористические группы, как «Хезболла» или «Аль-Каида», используют деньги от продажи наркотиков для продвижения своих политических программ».⁵

По мнению организаций, занимающихся этим вопросом, не подлежит сомнению, что организованная преступность, и особенно контрабанда наркотиков, представляет собой самый важный источник финансирования террористических групп, обеспечивая до 30-40 процентов их денежных средств.⁶ Признается даже, что основную угрозу национальной безопасности представляет уже не терроризм, финансируемый некоторыми государствами, а террористические акты, осуществляемые «нерегламентированными сетями», группами или отдельными лицами, которыми во все большей степени движут деньги, получаемые в результате деятельности организованной преступности, в основном от торговли запрещенными наркотиками.⁷ Виды участия террористических групп в торговле наркотиками варьируются от продажи наркотиков как таковой до взимания мзды с людей, которые выращивают или перерабатывают запрещенные наркотики на землях, контролируемых террористами, и до поддержки со стороны государств, финансируемых на средства от торговли наркотиками (таких как Афганистан, где бывшие правители «Талибана» получали предположительно 40–50 млн. долларов США в год от налогов на опиум, Албания в последние годы, Сирия или Ливан).⁸

Хотя террористам не требуется много денег, чтобы организовать нападение, им все же нужны большие деньги, чтобы поддерживать свою инфраструктуру и

⁵ Национальная молодежная кампания средств массовой информации против наркотиков, *Drugs and Terror: Just the Facts. The Links Between the Drug Trade, Drug Traffickers and Terrorists*, доступно на сайте: www.drugstory.net/pdfs/DandT_Fact_Sheet.pdf.

⁶ *Борьба с финансированием террористических организаций* (на румынском языке), Румынская разведывательная служба, доступно на сайте: www.sri.ro/biblioteca_art_cfort.html.

⁷ *Румыния и международные террористические группировки* (на румынском языке), Румынская разведывательная служба, доступно на сайте: www.sri.ro/biblioteca_art_rgti.html.

⁸ *Terrorism: Q & A/ Narcoterrorism*, доступно на сайте: www.cfrterrorism.org/terrorism/narcoterrorism.html.

расширять свои операции. Как пояснил Фил Уильямс из Университета Питтсбурга, прибыли являются только средством для террористов, а не «целью как таковой. Деньги добываются как для макроуровня (стратегического уровня), так и для микроуровня (оперативного уровня). Макроуровень является дорогим и включает террористическую инфраструктуру, обучение, а также попытки террористов приобрести ОМП и купить поддержку правительства. Микроуровень начинается там, где отдельные ячейки участвуют в контрабанде наркотиков, подделке кредитных карт и ограблениях с целью финансирования операций».⁹

Для террористов контрабанда наркотиков является довольно простым способом заработать значительные суммы денег, а также получить или распространить большое количество наличных денег, не будучи обнаруженными властями, в условиях наличия финансовых сетей торговли наркотиками, которые хорошо организованы, и их трудно обнаружить. Согласно данным ООН, величина годового оборота торговли запрещенными наркотиками составляет 400-500 млрд. долларов США, что равняется 8 процентам всей мировой торговли.¹⁰ Учитывая тот факт, что после 11 сентября были предприняты многочисленные шаги, чтобы заблокировать финансирование террористов и оказать давление на государственных спонсоров терроризма, можно сделать вывод, что уровень контрабанды наркотиков, связанный с финансированием террористических групп, увеличивается или, по крайней мере, может увеличиться.

Отношения между террористическими организациями и группами торговли наркотиками являются «обоюдно выгодными, дающими возможность обмена наркотиков на оружие, использования одних и тех же путей контрабанды, сходных методов сокрытия прибыли и получения средств». Кроме того, почти все террористические группы, «определяемые как участники торговли наркотиками, также, по сообщениям, имели контакты с «Аль-Каидой», которая, как известно, активно участвует в наркобизнесе».¹¹ В такой ситуации вопрос торговли наркотиками и ее сетей является очень серьезным и вызывает, в свою очередь, много вопросов относительно дальнейших шагов, которые можно предпринять в целях предотвращения этого явления.

Торговля наркотиками в Юго-Восточной Европе

По утверждениям экспертов, торговцы наркотиками и террористы в основном процветают в несостоявшихся государствах, где недееспособные правительства

⁹ Phil Williams, "Organized Crime and the State: A Framework for Analysis," работа представлена на конференции по теме «*Организованная преступность и коррупция государственных учреждений*», организованной Центром международных исследований и вопросов безопасности в Университете Мэриленда, Колледж-Парк (18 ноября 2002).

¹⁰ Peter Reuter and Victoria Greenfield, "Measuring Global Drug Markets," *World Economics*, том 2, № 4, октябрь-декабрь 2001, 160.

¹¹ Rex A. Hudson (руководитель проекта), "A Global Overview of Narcotics-funded Terrorist and Other Extremist Groups," отчет подготовлен Федеральным исследовательским отделом, май 2002, 1.

дестабилизированы войной и внутренними конфликтами.¹² Тем не менее, даже страны в состоянии переходного периода используются в качестве маршрутов перевозок для запрещенных наркотиков, и при появлении такие сети имеют тенденцию все более высокого уровня организации, при этом их становится все труднее обнаружить.

Юго-Восточная Европа является очень сложным регионом, переживающим конфликт и политическую нестабильность с начала 1990-х годов, что создало необходимые условия для формирования криминальных сетей, а также для развития преступной деятельности, включая контрабанду наркотиков. Хотя участие международного сообщества способствовало тому, чтобы регион был более тесно связан с остальной частью Европы и разрешил большинство своих этнических конфликтов, угрозы для региональной безопасности, исходящие из этой области, в настоящее время связаны в основном с организованной преступностью. Тем не менее, несмотря на тот факт, что страны Юго-Восточной Европы выразили в недавнем прошлом принципиальную готовность сотрудничать в деле стабилизации ситуации на этой территории, борьба против организованной преступности остается одной из главных задач, с которыми сталкиваются сегодня страны данного региона. Западные Балканы (включая Боснию и Герцеговину, Сербию и Черногорию, Албанию, а также, в определенной степени, и Бывшую Югославскую Республику Македонию) до сих пор считаются «воротами организованной преступности в Европу»,¹³ что связано с целым спектром возможностей террористической деятельности в регионе или исходящей из региона. Помимо масштаба организованной преступности, особенно торговли наркотиками, в Юго-Восточной Европе, большую озабоченность вызывает присутствие в Боснии, Косово, Македонии и Албании отдельных лиц и групп, связанных с террористическими сетями, включая «Аль-Каиду».¹⁴ Кроме того, деятельность организованной преступности во всем регионе, предположительно, направлена на поддержку террористических групп, главным образом, путем финансирования.

Очевидно, что наибольшую опасность, прямо или косвенно связанную с терроризмом в регионе, следует искать в организованной преступности, которая представляет собой не только источник финансирования терроризма, но и основу для вербовки новых людей и предоставления им средств к существованию. Стратегическое расположение региона между Западной Европой и Ближним Востоком придает особое значение связи с терроризмом.

¹² *Terrorism: Q & A/Narcoterrorism.*

¹³ “EUHR Javier Solana’s Intervention on Organized Crime in South-Eastern Europe,” Лондонская конференция по организованной преступности в Юго-Восточной Европе, Лондон, 25 ноября 2002.

¹⁴ Группа по изучению международных кризисов, *Bin Laden and the Balkans: The Politics of Anti-Terrorism*, Отчет ГМК по Балканам № 119 (9 ноября 2001); доступно на сайте: www.crisisweb.org.

Торговля наркотиками стала настолько важной в деле албанского сепаратизма, что некоторые города, населенные албанцами (такие как Велики Трновац и Бластица в Сербии, Вратница и Гостивар в Бывшей Югославской Республике Македонии, а также Шкодер и Дуррес в Албании), приобрели известность «нового Меделлина» на Балканах.¹⁵ Так называемая «албанская мафия», состоящая в основном из этнических албанцев из Косово, «в течение нескольких лет играла ведущую роль в криминальном мире ряда городов Европы и Северной Америки, приобретя особую известность в торговле запрещенными наркотиками».¹⁶ С середины 1990-х годов албанские националисты в Македонии и сербской провинции Косово, характеризующихся этнической напряженностью, создали обширную героиновую сеть. Эта сеть простиралась от полей опиума, расположенных в Пакистане, до торговцев оружием на черном рынке в Швейцарии и по ней в центр Европы обычно доставлялись наркотики стоимостью до 2 млрд. долларов США в год». В 1995 году более 500 косовских или македонских албанцев были приговорены к тюремному заключению в Швейцарии за преступления, связанные с торговлей наркотиками или оружием, и более 1000 других – находились под следствием.¹⁷

Вместе с тем, прибыли, полученные в результате нелегальной деятельности, зачастую используются для финансирования терроризма. Чаще всего деньги и на локальные конфликты, и на террористическую деятельность поступают от запрещенных видов деятельности, особенно от торговли наркотиками, являющихся основным источником финансирования. Например, согласно данным Центра по изучению вопросов достижения мира на Балканах, было установлено, что терроризм на Балканах финансировался главным образом в результате торговли наркотиками. Героин является наиболее прибыльным товаром на рынке Запада, поскольку килограмм героина, который стоит 1000 долларов США в Таиланде, продается в Канаде по оптовой цене 110 000 долларов США, имея розничную цену на улице 800 000 долларов США.¹⁸

Таким образом, Юго-Восточная Европа является мостом между производителями наркотиков Ближнего Востока и Центральной Азии и потребительским рынком наркотиков Западной Европы. По балканскому пути героин переправляется через Турцию, БЮРМ, Косово и Албанию на рынки Западной Европы. Албанские наркодельцы, например, отправляют героин из азиатского «золотого полумесяца», часто из Афганистана, который до сих пор поставляет огромное количество опиума, производя свыше 70 процентов мировых поставок героина и от 80 до 90 процентов героина, находящегося на рынках Западной и Восточной Ев-

¹⁵ *Balkan – Albania – Kosovo – Heroin – Jihad*, Центр по изучению вопросов достижения мира на Балканах, научное исследование, май 2000 г., доступно на сайте: www.balkanpeace.org/our/our3.shtml.

¹⁶ “The Kosovo Liberation Army: Does Clinton Policy Support Group with Terror, Drug Ties? From ‘Terrorists’ to ‘Partners’,” U.S. Senate Republican Policy Committee, 31 марта 1999.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Balkan – Albania – Kosovo – Heroin – Jihad*.

ропы.¹⁹ Оттуда героин переправляется через Иран в Турцию, где он очищается и затем перевозится балканскими/албанскими торговцами наркотиками. По данным Государственного департамента США, приблизительно от четырех до шести тонн героина проходят через Турцию каждый месяц.²⁰

Связи терроризма в Юго-Восточной Европе/Западных Балканах

После событий 11 сентября из-за большого числа мусульманского населения в Боснии, Косово, Македонии и Албании встал вопрос о потенциальных возможностях террористической деятельности на Балканах (или направленной извне). И такая потенциальная террористическая угроза может быть очень значительной.

Несмотря на то, что деятельность террористических групп на Балканах трудно обнаружить, а связи между этими группами и наркобаронами сложно доказать, нельзя игнорировать очевидное. Кроме того, наличие общих для всех балканских стран факторов, например, недееспособного правительства, слабого правопорядка, глубокой экономической отсталости, институциональной коррупции и организованной преступности являются катализаторами создания условий, при которых международные террористические сети могут легко скрывать людей и деньги.²¹

Однако после 11 сентября террористические атаки были также осуществлены или пресечены в Македонии и Боснии, означая, что «Аль-Каида» присутствует на Балканах.²² Кроме того, Албания, Босния и Косово, как считается, стали «европейскими рассадниками финансируемого Ираном исламского терроризма и, в особенности, «Аль-Каиды».²³ И это неудивительно, притом, что многочисленное мусульманское население живет в этих странах, а также, учитывая сегодняшнюю тенденцию террористов к «перемещению из исламских стран, где они были традиционно ассимилированы и имели работу, в другие страны со сложившимися исламскими диаспорами, где они могут сформировать сеть через религиозную и социальную систему».²⁴

Некоторые даже утверждают, что, «начиная с середины августа 2003 года, радикальные исламистские лидеры особо выделяли роль террористической ин-

¹⁹ Michel Chossudovsky, "The Spoils of War: Afghanistan's Multibillion Dollar Heroin Trade," 5 апреля 2004; Центр по исследованию вопросов глобализации, доступно на сайте: <http://www.globalresearch.ca/articles/CHO404A.html>.

²⁰ *Balkan – Albania – Kosovo – Heroin – Jihad*.

²¹ Группа по изучению международных кризисов, "Bin Laden and the Balkans: The Politics of Anti-terrorism," Отчет ГМК по Балканам №119 (9 ноября 2001), 2.

²² Brian Michael Jenkins, "Countering Al Qaeda," в *Defeating Terrorism: Shaping the New Security Environment*, под ред. Russel D. Howard и Reid L. Sawyer (Guilford, CT: McGraw-Hill, 2004), 133.

²³ "Europe May Face a New Wave of Domestic Terrorism," Richard Bennett Media – AFI Research, 7 апреля 2002; доступно на сайте: www.btinternet.com/~nnjv/tereur070402.htm.

²⁴ Wayne A. Downing, "The Global War on Terrorism," в *Defeating Terrorism*, под ред. Howard и Sawyer, 151.

фраструктуры на Балканах как основного средства продвижения предполагаемой эскалации конфликта в центр Европы, Израиль и Соединенные Штаты». Для вербовки новых кадров и усиления своей инфраструктуры на Балканах «Аль-Каида» даже поручила ветерану войны в Афганистане шахидскому эмиру Мусайе Айзи, который близок к элите «Аль-Каиды» и руководству «Талибана», задачу координации и проведения особых операций по вербовке на Балканах, особенно в Боснии и Герцеговине, Албании, Косово и Македонии.²⁵ Люди, связанные с «Аль-Каидой», даже пытались проникнуть в Румынию, несмотря на то, что их неоднократно высылали из страны до того, как их попытки начинали приносить плоды.²⁶

Еще ужаснее то, что в результате слабого институционального контроля и коррумпированной практики балканские страны становятся местом, «представляющим интерес для террористических групп».²⁷ Это в особенности относится к «Аль-Каиде», которая легко пускает корни в регионе, поскольку данная потенциальная опасность «недопустимым образом игнорируется» международной коалицией против терроризма.²⁸

Несмотря на свои ограниченные средства, с конца 2001 года страны Юго-Восточной Европы активно поддерживают международную коалицию против терроризма. Албания, Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Болгария и Румыния объединились в борьбе против организованной преступности и различных видов контрабанды, а также в деле по усилению безопасности границ и улучшения обучения персонала, обеспечивающего безопасность границ.²⁹ Кроме того, они предприняли меры по аресту подозреваемых лиц, прекращению и расследованию деятельности неправительственных организаций, подозреваемых в финансировании терроризма, а также замораживанию счетов террористических организаций. Однако уровень организованной преступности и коррупции, упущений в пограничной безопасности, а также институциональная слабость в этих странах по-прежнему делают их привлекательной мишенью для использования террористическими и исламскими экстремистскими группами.

²⁵ Yossef Bodansky, “Osama Bin Laden Focuses on the Balkans,” в *Defense and Foreign Affairs Strategic Policy*, 19 сентября 2003, доступно на сайте: www.balkanpeace.org/rs/archive/sep03/rs230.shtml.

²⁶ Раду Тимофте, директор Румынской разведывательной службы, цитируется по “Al Qaeda Made Its Way to Romania,” *Novinite*, 30 марта 2004; доступно на сайте: www.novinite.com/newsletter/print.php?id=32808.

²⁷ “Al Qaeda ‘Roots Easily’ in the Balkans,” *Novinite*, 28 апреля 2004; доступно на сайте: www.novinite.com/newsletter/print.php?id=33960.

²⁸ “Danger of Islamic Terrorism in the Balkans,” “Terrorism/Counter-terrorism,” *Tuzla Night Owl*, 14 ноября 2003; доступно на сайте: www.tfeagle.army.mil/tfeno/Feature_Story.asp?Article=72243.

²⁹ *Patterns of Global Terrorism – 2003, Europe Overview*, выпуск Управления Координатора по контртерроризму, 29 апреля 2004; и *Patterns of Global Terrorism – 2002, Europe Overview*, выпуск Управления Координатора по контртерроризму, Государственный департамент США, 21 мая 2002.

Антонио Мария Коста, исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП), недавно заметил, что «доходы от организованной преступности предоставляют террористическим группам непрерывный поток финансирования, что делает усилия по ликвидации торговли наркотиками и сокращению злоупотребления наркотиками крайне важными стратегическими направлениями глобальной борьбы против терроризма».³⁰ По мнению Косты, «террористы и полевые командиры в Афганистане, а также повстанцы в Центральной Азии, Российской Федерации и вдоль по контрабандным маршрутам на южной окраине бывшего Советского Союза до Балкан участвуют в доле мирового рынка героина, составляющей приблизительно 30 млрд. долларов США».³¹ Поскольку становится все сложнее «проводить четкое разделение между террористическими группами и объединениями организованной преступности по причине совпадения их тактик», мы становимся свидетелями «рождения нового гибрида «организованной преступности/террористических организаций», что вызывает необходимость пресечения связи между преступностью, наркотиками и терроризмом».³²

Государства Юго-Восточной Европы все еще «обладают чертами, которые делают их заманчивыми мишенями для транснациональных криминальных групп в поиске благоприятной территории в качестве базы действий», при этом контрабанда наркотиков представляет собой наиболее прибыльный бизнес для криминальных групп.³³ Несмотря на демократические реформы в этих странах, в них до сих пор, как считается, существуют благоприятные условия для транснациональной преступности и терроризма, зачастую из-за коррупции и легкости проникновения в государственные учреждения.

Например, с начала 1990-х годов этнические албанские группировки организованной преступности воспользовались нестабильностью и войной на Балканах, чтобы создать «наиболее быстро растущее этническое криминальное присутствие в Европе, причем операции этих группировок простираются до Австралии и

³⁰ “UN Warns about Nexus between Drugs, Crime and Terrorism,” *M2 Presswire*, 1 октября 2004; Международная ассоциация по изучению вопросов организованной преступности, доступно на сайте: www.iasoc.net/news.htm.

³¹ Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП) оценивает общий годовой оборот международной торговли афганскими наркотиками в 25-30 млрд. долларов США. Управление ООН по контролю наркотиков и предотвращению преступности (УКНПП), “Afghanistan: Opium Survey 2002 – Executive Summary,” октябрь 2002, 2; а также “Area Under Opium Poppy Cultivation in Afghanistan Has Increased by Eight Percent, UN Says,” 29 октября 2003 г.; United Nations Information Service, Vienna International Center, доступно на сайте: http://unodc.org/unodc/press_release_2003-10-29_1.html.

³² “UN Warns about Nexus between Drugs, Crime and Terrorism.”

³³ Glenn E. Curtis (руководитель проекта), “Nations Hospitable to Organized Crime and Terrorism,” доклад, подготовленный Федеральным исследовательским отделом Библиотеки Конгресса, в соответствии с межведомственным соглашением с правительством Соединенных Штатов, октябрь 2003, 32. Доступно на сайте: <http://loc.gov/tr/frd>.

Соединенных Штатов. Кроме того, эти группировки являются прямым дистрибьютором приблизительно 40 процентов героина на рынках Западной Европы». ³⁴ С учетом широты такого размаха становится очевидным, что местные/региональные криминальные группы тесно сотрудничали с международными преступными организациями, и даже есть подозрения их связи с арабскими группами и рынками на Ближнем Востоке, которые часто находятся под «защитой» учреждений, ответственных за борьбу с такой преступной деятельностью. Даже в Румынии главный орган по борьбе с наркотиками, Управление по борьбе с организованной преступностью и проведению операций против наркотиков, было само замешано в торговле наркотиками. ³⁵

Соответственно, значительная часть террористической деятельности также разворачивалась в районах бывшей Югославии. С начала конфликтов на территории бывшей Югославии наиболее крупные лидеры «Аль-Каиды» побывали на Балканах, включая самого Усаму бен Ладена, приехавшего три раза в период между 1994 и 1996 годами. Кроме того, лидер египетских террористов Айман Аль Завахири занимался организацией лагерей обучения террористов, заводов по производству оружия массового поражения, а также сетей отмывания денег и торговли наркотиками на всей территории Албании, Косово, Македонии, Болгарии, Турции и Боснии. ³⁶

Их деятельность осуществлялась тайно под прикрытием множества «гуманитарных» учреждений, распространившихся по территории Боснии, Косово и Албании. Участие таких организаций в «контрабанде героина через Косово также помогало финансировать террористическую деятельность, связанную непосредственно с «Аль-Каидой» и Иранской революционной гвардией». ³⁷ 23 октября 2001 года заключение в тюрьму двух боевиков из финансируемых «Аль-Каидой» исламистских ячеек в Боснии, которые были связаны с торговлей героином, привлекло внимание к проблеме наркотерроризма на Балканах.

В 2001 году было подсчитано, что годовой доход «Галибана» от мировой торговли наркотиками, преимущественно героином (а часть этих поступлений дала торговля запрещенными наркотиками на Балканах), составил приблизительно 8 млрд. долларов США, из которых, как утверждают, бен Ладен контролировал значительную долю через группы российской мафии за комиссионные в размере 10-15 процентов, или приблизительно одного миллиарда долларов США

³⁴ Там же, 33.

³⁵ Там же, 46, согласно данным Государственного департамента США, Бюро по делам наркотиков и общественного порядка в мире.

³⁶ Marcia Christoff Kurop, "Al Qaeda's Balkan Links," *Wall Street Journal Europe*, 1 ноября 2001.

³⁷ Там же.

в год.³⁸ Кроме того, по некоторым оценкам, финансовые средства «Аль-Каиды», «направляемые с Балкан» «гуманитарными» учреждениями и местными банками, «не считая значительных прибылей от наркотиков», достигли уровня приблизительно от 500 до 700 миллионов долларов США в период между 1992 и 1998 годами.³⁹

Неоднократно поступали сообщения о том, что «в 2001 году Усама бен Ладен переправлял доходы от торговли наркотиками, поступающими в Западную Европу по балканскому пути, местным правительствам и политическим партиям, чтобы заполучить влияние в Албании или Македонии, или же в обеих странах». Также появлялись сообщения о том, что в 2002 году «Аль-Каида» действовала как посредник в перевозках героина из хранилищ в Афганистане через потайные каналы чеченской мафии в общий поток наркотиков на Балканах, получая за эту услугу проценты от наркоприбылей.⁴⁰

Связи между группами организованной преступности и террористами можно обнаружить не только в бывшей Югославии, но также в Болгарии и Румынии. Например, в октябре 2004 года Геница Бойерица, сомнительный бизнесмен из города Крайова, был арестован после захватывающего расследования, проведенного обвинителями из Службы по предотвращению организованной преступности при Прокуратуре Высокого суда кассации и правосудия. Бойерица обвинялся в участии в контрабанде алкоголя и незаконной оплаты НДС, а также подозревался в связях с террористами, в основном в деятельности по переводу средств террористам. Согласно обвинителям, против Геницы Бойерицы в 2003 году было возбуждено судебное дело совместно с арабским гражданином Джамалом Садиком Джамалом Аль Ади и другими двумя его служащими. Этим людям было предъявлено обвинение в причинении ущерба государству на сумму свыше 115 млрд. лей (свыше 3,5 млн. долларов); в период между 1998-2000 годами Аль Ади под вымышленным именем основал несколько фиктивных компаний, через которые он производил и продавал винный спирт.⁴¹ И это, несомненно, не единственный пример связей между организованной преступностью и терроризмом в регионе.

Согласно утверждению директора Румынской разведывательной службы, нет конкретного доказательства присутствия членов «Аль-Каиды» или «Исламского джихада» в Румынии. Однако есть информация по арабским гражданам, проживающим в Румынии, которые осуществляют финансовую деятельность в поддержку «Аль-Каиды» или исламского джихада. Имеется также информация в от-

³⁸ По данным Йоссефа Бодански, бывшего директора специальной группы Палаты представителей США по терроризму и способам ведения войны с применением особых видов вооружения, цитируется в работе Marcia Christoff Kurop, "Al Qaeda's Balkan Links."

³⁹ Там же.

⁴⁰ Hudson, "Global Overview."

⁴¹ Adrian Dinu, "Genica Boierica incatusat [Genica Boierica Imprisoned]," *Gazeta de Sud*, 4 октября 2004.

ношении участия некоторых террористических организаций, таких как Рабочая партия Курдистана (РПК), или «Серые волки», в торговле наркотиками с использованием маршрутов, идущих в Германию и Нидерланды, а также к находящимся в Румынии людям, связанным с РПК.⁴² Что касается торговли наркотиками в Румынии, следует отметить, что в 2001 году количество изъятой конопляной смолы в Восточной Европе достигло 17 007 кг, что представляет 2 процента от ее мирового количества в целом. При этом самое большое ее количество было конфисковано в Румынии: 13 871 кг, или приблизительно 1,53 процента от мирового количества в целом.⁴³ В 2002 году в Румынии было также конфисковано 202 кг героина, 2 кг кокаина, 14 904 кг цветков и семян конопли, 38 кг смолы конопли, 14 907 кг растения конопли и большое количество синтетических наркотиков.⁴⁴ Эти цифры красноречиво свидетельствуют о размахе перевозок запрещенных наркотиков в Румынии, которая является как удобным маршрутом для наркоторговцев в Западную Европу, так и во все большей степени страной, потребляющей эти наркотики.

Выводы

Контрабанда наркотиков, рассматриваемая отдельно от всей остальной деятельности организованной преступности, достигла высокого уровня в Юго-Восточной Европе, и страны региона, хотя и неумышленно, создают благоприятные условия для этой деятельности. Кроме того, те, кто участвует в нелегальной торговле наркотиками, а также в другой деятельности организованной преступности, показали себя очень изобретательными в сохранении своих сетей любыми средствами, включая сотрудничество с террористическими группами и получение их покровительства. Другой стороной этой проблемы является то, что террористы все активнее участвуют в торговле наркотиками, представляющей собой не только важнейший источник финансирования, но также и основу их жизнеобеспечения: использование нелегальных путей для вербовки новых членов, незаметное передвижение людей и средств, создание новых баз обучения и т.д.

Хотя побуждения торговцев наркотиками и террористов могут быть разными, они предоставляют друг другу поддержку, и связи между ними не подлежат сомнению. Юго-Восточная Европа, где так высок уровень деятельности организованной преступности, особенно торговли наркотиками, а активное террористическое присутствие, включая «Аль-Каиду», на Западных Балканах нельзя назвать незначительным, является одним из многочисленных доказательств этих связей.

⁴² Radu Tudor, "Romanian Anti-terrorist Brigade Extends the Cooperation in the Fight Against Terrorism," в *Jane's Intelligence Review* (январь 2002).

⁴³ *Тенденции глобальной незаконной торговли наркотиками*, Управление ООН по контролю наркотиков и преступности (Нью-Йорк: ООН, 2003).

⁴⁴ *Отчет по мировому употреблению наркотиков за 2004*, том 2: Статистика, Управление ООН по контролю наркотиков и преступности (Нью-Йорк: ООН, 2004).

В 2005 году, как бы то ни было, организованная преступность, включая торговлю наркотиками и коррупцию, является одной из главных проблем, стоящих перед всем регионом Юго-Восточной Европы. Болгария и Румыния недавно вступили в НАТО, а также завершили процесс переговоров о вступлении в Европейский Союз. Независимо от этих значительных достижений перед ними все еще стоит проблема угрозы их безопасности, представляемая высоким уровнем всех видов организованной преступности. Страны Западных Балкан находятся в еще худшем положении вследствие событий, разворачивавшихся на их территории на протяжении последнего десятилетия, а также вследствие отсутствия опыта в решении этих проблем. В современной обстановке «никто не может себе позволить роскошь неспокойных Балкан», и это должно быть понятно для Соединенных Штатов и Европы, поскольку они «ощущают необходимость перевода своих политических, военных и финансовых ресурсов из региона на борьбу против терроризма».⁴⁵ Как сказал бывший Генеральный секретарь НАТО лорд Джордж Робертсон, «Балканы не должны стать еще одной «черной дырой» терроризма, подобно Афганистану».⁴⁶ Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) верно поняла важность помощи местным действующим субъектам в борьбе с этой опасностью. Поэтому 2 декабря 2004 года она назначила специального прокурора по финансовым преступлениям в Косово, причем основной задачей такого назначения было «сосредоточение обвинительных средств на делах, связанных с коррупцией и финансовыми преступлениями».⁴⁷

Борьба с организованной преступностью должна стать неотъемлемой частью системы мер по борьбе с терроризмом. В противном случае, преступные группы будут и дальше расширять свои уже созданные огромные сети, которые будут также работать на благо террористических групп. Действительно, организованная преступность в Юго-Восточной Европе, главным образом на Западных Балканах, является «первой и самой главной проблемой в регионе».⁴⁸ Однако, поскольку организованная преступность является средством проникновения и укоренения террористических групп в регионе, а также получения источников финансирования для террористов и террористических актов, она представляет собой также проблему для международного сообщества.

Следовательно, любая успешная стратегия борьбы с организованной преступностью зависит от решительных совместных усилий правительств региона и международного сообщества. Национальные правительства играют решающую роль в процессе выработки правильной и основательной стратегии борьбы с организованной преступностью путем принятия надлежащего уголовного законо-

⁴⁵ Misha Glenny, "Heading off Terrorism in the Balkans," *New York Times*, 16 октября 2001.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ "UNMIK Appoints Special Prosecutor for Financial Crimes," ERPKIM Info Service, 2 декабря 2004; доступно на сайте: www.kosovo.com/news/archive/ticker/2004/December_02/16.html.

⁴⁸ "EUHR Javier Solana's Intervention on Organized Crime in Southeastern Europe."

дательства и применения законов на практике. Однако, национальные правительства не должны быть одиночками в таком важном стремлении. Международное и региональное сотрудничество играет очень важную роль в выработке реальной стратегии в борьбе с организованной преступностью. Хорошо известно то, что нет страны, которая могла бы в одиночку справиться с организованной преступностью и террористической деятельностью. Только в результате международного сотрудничества мы можем надеяться на достижение если не полного уничтожения этих явлений, то, по крайней мере, сокращения их размаха и эффективности. Юго-Восточная Европа, особенно это касается Балкан, не должна игнорироваться в международной борьбе против терроризма, считаясь регионом, «благоприятным для организованной преступности и терроризма», и нельзя позволить, чтобы организованная преступность продолжала свою деятельность, обеспечивающую жизнеспособность терроризма.

Возможная стратегия изменения отношений между США и Ираном

*Марк Эдмонд Кларк **

В 1999 году, за месяц до начала операции Объединенных вооруженных сил НАТО, я посетил Белград в качестве гостя Министерства иностранных дел Югославии, чтобы услышать точку зрения высокопоставленных должностных лиц по поводу возможности конфликта между Югославией и НАТО. Будучи там, я услышал от югославских руководителей единственную точку зрения, что НАТО не должно использовать силу и что угрозы ее применения были нужны только для того, чтобы заставить режим Слободана Милошевича отреагировать на дипломатические усилия, предпринимаемые Соединенными Штатами и Европейским Союзом. По сути, они просто отказывались понять, что угроза атаки со стороны НАТО была реальной.

В прошлом сентябре и октябре я посетил Иран в качестве гостя Министерства иностранных дел Ирана, чтобы получить представление о том, какова позиция иранского руководства относительно возможности войны с США из-за иранской программы по атомной энергии. Хотя религиозное руководство Ирана консервативно во внешних и внутренних делах и придает большое значение мнению правительственных сторонников жесткого курса во внешней политике и политике безопасности, но в то же время оно прислушивается и к умеренным политикам, которые хотят мира. В самом деле, «умеренные» даже пользуются благосклонным вниманием аятоллы Али Хамейни, который является главным вершителем всех дел в государстве. Как утверждает Али Джафари из Института политических и международных исследований, «правитель выслушивает всех, кто может внести вклад в решение важных вопросов».¹ В отличие от Югославии, в Ираке среди руководителей существует действительное многообразие мнений по поводу характера наступившего в настоящий момент кризиса в отношениях с США и, до некоторой степени, с ЕС. Иран, несомненно, не является фундаменталистским, исламским монолитом, каким его изображают.

Пролить свет на этот раскол во мнениях можно путем рассмотрения как консервативных, так и умеренных взглядов, которых придерживаются руководители в Иране по вопросам отношений США – Иран. Кроме того, такой обзор, как нам кажется, способствовал бы укреплению той идеи, что путем установления позитивного диалога с умеренными политиками, принимающими политические ре-

* Марк Эдмонд Кларк является членом и бывшим стипендиатом-исследователем Совета по иностранным делам. Его научные интересы сосредоточены на Балканах, Ближнем Востоке и военных делах. Он является консультантом Стратегической группы и часто публикуется в журнале Колумбийского университета по международным делам и других журналах по международным отношениям.

¹ Личная беседа с Али Джафари в октябре 2004.

шения, и учеными в Иране, а также путем поддержки некоторых из их инициатив, вероятно, все еще будет возможно разрешить настоящий кризис.

Ядерная энергия

Иранская программа по ядерной энергии начиналась при светском режиме Мухаммада Резы Шаха. В то время, в конце 1970-х годов, США не обращались с запросами в Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) с целью проведения данным агентством проверки иранской программы. После Исламской революции, однако, Иран находился под пристальным наблюдением. Иранцы полагали, что они поступают честно и отвергали обвинения в обмане. Как отметил Али Асгар Солтание, известный иранский эксперт по ядерной энергии, работающий в Министерстве иностранных дел Ирана, «согласно положениям самих договоров, требовавших дальнейшего соответствия им и проверки со стороны инспекции, Ирану разрешено участвовать в гораздо более широкой деятельности по развитию своей программы».² Совсем недавно контрольное считывание данных по обогащенному урану МАГАТЭ вызвало шквал звонков из США с тем, чтобы МАГАТЭ провело проверку деятельности Ирана. Мохамед Эль-Барадеи, генеральный директор МАГАТЭ, заблуждался, когда утверждал, что астрономические уровни высокообогащенного урана, которые были зарегистрированы на одном ядерном объекте в Иране, были результатом обогатительной деятельности. МАГАТЭ получило цифру 70 процентов обогащения в результате считывающей проверки, однако, Иран признал только обогащение до 1,2 процента, относящийся частично к его программе по испытаниям в центрифуге. Позже МАГАТЭ подтвердило достоверность заявления Ирана о том, что существующие уровни были результатом непреднамеренного использования Ираном загрязненных компонентов, полученных из Китая или России. Однако США проигнорировали это сообщение, и их обвинения в обмане продолжаются. Махмуд Сариольхалам из Национального университета Ирана высказал следующее мнение: «Как бы мы ни пытались показать, что мы такие же, как и все, США выдумывают причины, чтобы избежать переговоров, и это дает карты в руки сторонникам жесткого курса в Иране».³

Консерваторы в Иране считают, что США сделали вопрос атомной энергии политическим делом и что никто не должен мешать мирному использованию Ираном атомной энергии. Однако в то же время они довольны, что США своими действиями настаивают на более строгом соблюдении и контроле, так как они считают, что эти действия показывают миру, что США одновременно политизируют и подрывают систему инспектирования и добровольного контроля. Кроме того, сторонники жесткого курса хотели бы, чтобы МАГАТЭ толкало бы Иран на еще большие уступки, исключительно для того, чтобы усилить разногласия между Ираном и Западом и установить отношения противостояния с МАГАТЭ.

² Личная беседа с А.А. Солтание в сентябре 2004 г.

³ Личная беседа с Махмудом Сариольхаламом в Тегеране в октябре 2004 г.

В то же время, однако, они хотели бы, чтобы Иран получал технически более сложные компоненты, используя все лазейки, допускаемые условиями Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Договора о всеобщем запрещении проведения ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

«Умеренные» в Иране считают, что мировое сообщество должно действовать в рамках закона, а также следует отказаться от политического использования МАГАТЭ. Али Хоррам из Института политических и международных исследований, проанализировав сомнения МАГАТЭ в правдивости Ирана, приходит к следующему выводу: «Это настоящая кризисная ситуация для Ирана».⁴ Деятельность МАГАТЭ должна быть беспристрастной, квалифицированной и заслуживающей доверия. «Умеренные» стремились воспрепятствовать тому, чтобы МАГАТЭ предоставляло США техническую роль в своей работе. Они требуют, чтобы МАГАТЭ применяло только законы согласно положениям, которые установлены в договорах, действующих в настоящее время. Они считают, что резолюции принимаются только в связи с Ираном. Распространено общее настроение, что предпринимаются бесчисленные попытки применения двойных стандартов, и это сильно беспокоит некоторых «умеренных», когда они обдумывают будущие отношения с США. Мохаммад Таджик, президент Центра стратегических исследований и официальный советник президента Мохаммада Хатами, дал следующие разъяснения: «Мы связаны обязательствами по договорам ДНЯО и ДВЗЯИ, и все, что мы делаем, соответствует этим договорам. Мы не намерены прерывать договоры ДНЯО и ДВЗЯИ».⁵ Постоянные требования США, чтобы Иран молча соглашался с их политическими целями, являются пагубными для попыток, предпринимаемых «умеренными» по ядерному вопросу; согласие с этими требованиями противоречило бы их революционным идеалам. Очевидно, «умеренные», так же как и консерваторы, готовы защищать независимость Ирана и его право заниматься деятельностью в рамках его договорных обязательств.

Кроме того, «умеренные» предпочли бы, чтобы Иран по-прежнему предоставлял возможность для проведения инспекций, а МАГАТЭ, в свою очередь, должно разрешить дальнейшее продвижение в этой области, если не найдено нарушений. «Умеренные» также доверяют Движению неприсоединения в Женеве, которое представило на пересмотр жалобу в Совет МАГАТЭ. В этой жалобе отмечается, что деятельность Ирана соответствует всем существующим договорам, и утверждается, что действия против него являются политически мотивированными.

Ирак

С точки зрения иранцев, все действия США в Ираке свидетельствуют о том, что военачальники и высокопоставленные политики, формирующие политический курс, плохо понимают особенности страны. Это дало противникам США чувство

⁴ Личная беседа с Али Хоррамом в октябре 2004 г.

⁵ Личная беседа с Мохаммадом Таджиком в октябре 2004 г.

превосходства, и тактические ошибки со стороны США служат только укреплению этого мнения. Помимо непонимания того, как действовать в Ираке, США, видимо, испытывают затруднения и в осуществлении своего более широкого курса в отношении участия Ирака в социальном строительстве. Иранцы твердо верят, что любая попытка навязать какую-либо политическую систему населению Ирака не увенчается успехом. Они отмечают, что иракцы никогда не признавали систем, предписанных им в прошлом другими государствами, и, несомненно, со стороны населения Ирана нет реальной поддержки действиям США. Если США не откажутся от своей миссии установления демократии в Ираке, им, вероятно, придется оставаться в окопах этой страны в идеалистической надежде на успех. США надеются избежать такой ситуации, назначив проведение выборов в январе 2005 года, хотя даже Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан публично сомневался в том, что такие выборы могут быть свободными и законными, не говоря уж об их мирном проведении. Надежды американцев связаны также с желанием сформировать Иракские силы безопасности, которые могли бы взять на себя выполнение функций по проведению некоторых операций по безопасности и стабильности, которые в настоящее время осуществляются силами США.

Реза Чегинзаде из Центра стратегических исследований, являющийся консультантом в Совете целесообразности (арбитражном органе Ирана), возглавляемом бывшим президентом Ирана Хашеми Рафсанджани, отмечал, что консерваторы и сторонники жесткого курса в Иране хотели бы, чтобы США оставались в Ираке бесконечно, с тем, чтобы продолжительная оккупация поддерживала пламя исламского радикализма. Если в Ираке произойдут какие-либо широкомасштабные беспорядки, консерваторы убеждены, что такие радикальные элементы, как Моктада Аль-Садр и его «Армия Махди», возьмут власть в свои руки, освобождая пространство для оказания влияния со стороны других государств. Иран, как они считают, будет среди таких государств. Консерваторы являются противниками процесса выборов в Ираке. Они предпочли бы, чтобы выборы прошли по запланированному графику, надеясь, что нынешние условия безопасности приведут к провалу выборов.

Некоторые «умеренные» убеждены в том, что проект построения демократии в Ираке, который был «неудачным в самого начала», провалился. В то же время такие ученые, как Мохаммад Таджик, хотели бы, чтобы запланированные выборы были «независимыми и проводились под [наблюдением] ООН, вообще исключая давление со стороны какой-либо страны. Для США установление центрального правительства было бы недостаточным».⁶ В результате успешных выборов иракцы, возможно, придут к сознанию того, что жизнеспособное государство может возродиться из пепла войны.

В отношении обучения и оснащения Иракских сил безопасности «умеренные» осознают, что усилия США ошибочно сосредоточены на восстании. Проблемы в

⁶ Личная беседа с Мохаммадом Таджиком в октябре 2004 г.

«суннитском треугольнике» или более крупной провинции Аль Анбар действительно вызывают беспокойство с точки зрения безопасности, однако, реальной угрозой для будущего Ирака остается гражданская война. Она легко может быть спровоцирована (многие города, такие как Киркук, которые когда-то принадлежали преобладающему курдскому населению, теперь находятся во власти шиитов). Умеренные также считают, что США должны крепить безопасность, привлекая региональных партнеров, включая Иран, однако, предостерегают, что США должны поступать честно в развитии такого партнерства.

Израиль

Многие в Иране развивают теории по поводу того, что Израиль может атаковать ядерные объекты в Иране, как он это сделал в 1981 году в Осираке, в Ираке, что может привести с большой долей вероятности к конфликту, как с Израилем, так и с США. По общему мнению, Израиль вооружается для конфликта, а США снабжает Израиль обычными видами вооружений. Кроме того, США – и мировое сообщество в целом – закрывают глаза на сомнительный израильский объект ядерного оружия в Димоне. Иранцы полагают, что Израиль пользуется «особыми правами» у США (многие иранцы помнят из периода шахского режима, что означает иметь «особые права» с США). По их мнению, США руководствуются односторонним подходом к Израилю, что является неразумной позицией, если поставлена цель безопасности и стабильности в регионе.

Многие иранские консерваторы убеждены, что США будут использовать Израиль в качестве своего уполномоченного при нападении на Иран. В ответ на это иранские консерваторы будут мстить, чтобы решить проблему раз и навсегда. Действительно, консерваторы готовы действовать, ударив по Израилю ракетами средней дальности «Шахаб-3». В августе 2004 года вице-адмирал Али Шамхани, министр обороны Ирана, дал разъяснения, что Иран может прибегнуть к упреждающим ударам для предупреждения нападения на свои ядерные объекты.⁷ Командующий революционной охраны генерал Мохаммед Багер Золкадр также заявил в августе, что «если Израиль выпустит хоть одну ракету по атомной электростанции в Бушере, Израилю придется навсегда позабыть о ядерном центре в Димоне, где он производит и хранит свое ядерное оружие».⁸

«Умеренные» видят различные возможности по мирному разрешению проблем между Израилем и Ираном. Махмуд Сариольгхалам из Национального университета Ирана заявил даже, что «девяносто процентов проблем Ирана с США связаны с израильским вопросом».⁹ Мохаммад Таджик пошел дальше, утверждая, что «современный режим в Израиле стал причиной определенного падения авторитета США в глазах стран региона».¹⁰ «Умеренные» понимают, что если

⁷ The New York Times, 20 августа 2004 г., с. 4.

⁸ Там же.

⁹ Личная беседа с Махмудом Сариольгхаламом в октябре 2004 г.

¹⁰ Личная беседа с Мохаммадом Таджиком в октябре 2004 г.

Иран отказался бы от статус-кво и проводил бы менее враждебную политику в отношении Израиля, США по-иному определяли бы иранский вопрос. Однако, чтобы это когда-нибудь произошло, Израиль должен признать независимость Ирана и не должен использовать свое значительное политическое влияние в США, чтобы мешать Ирану обладать такими же правами, которыми наделены другие государства. Справедливости можно достигнуть только в результате смены курса. Вследствие отсутствия какого-либо сотрудничества, Иран будет сохранять дистанцию и не изменит своей позиции в отношении Израиля.

Политика США на Ближнем Востоке

Цель политики США на Ближнем Востоке определена как установление демократии в регионе. Однако осуществление Соединенными Штатами этой политики на практике является сбивчивым и неопределенным. Иранцы большей частью считают, что политика США оказала разрушительное действие в регионе; действия администрации Буша в Ираке просто создали демократии плохую репутацию. Ни одно государство в регионе не поддерживает идею о том, что демократия может быть навязана силой. Идея смены режима, являющаяся главной в подходе США к установлению демократии среди государств Ближнего Востока, рассматривается лидерами этих государств как откровенно опасную.

Многие иранские консерваторы приходят к заключению, что современная политика США в отношении Ближнего Востока и недавние действия США на Ближнем Востоке являются просто проявлением скрытого плана начала великого крестового похода против ислама. Это сознание, что антиисламские убеждения лежат в основе региональной политики США, подливает масла в огонь радикального исламизма. Сторонники жесткого курса мечтают, чтобы произошло столкновение между западным и исламским миром. В самом деле, консерваторы в Иране не запуганы военной мощью США. Чрезмерное упрощение политики США и принятия решений в отношении Ирана привело, вероятно, к недооценке реальной способности Ирана причинить вред США и их интересам. Возможно, этим объясняются заявления руководства США, которые, как кажется, имеют целью провоцирование иранцев на враждебные действия против США. Если бы США должны были отреагировать на какое-либо нападение Ирана против Израиля, даже если бы Иран действовал в целях самообороны, то сторонники жесткого курса, подобные «Революционной гвардии», были бы готовы нанести удар по интересам США в мировом масштабе. Целью было бы бросить прямой вызов глобальной гегемонии Соединенных Штатов. Как утверждал Реза Чегинизаде из Центра стратегических исследований в Тегеране, многие консерваторы считают, что «США могут понимать только силу, они не слушают бессильных. Если вы хотите, чтобы США вас слушали, у вас должна быть большая пушка и большая палка».¹¹

¹¹ Личная беседа с Резой Чегинизаде в сентябре 2004 г.

В то время как США и ЕС заняты активизацией мер в отношении возможных санкций по иранской ядерной программе, умеренные руководители в Иране выражают все большую озабоченность по поводу того, какое развитие получают события. Али Хоррам, старший эксперт Института политических и международных исследований Министерства иностранных дел, объяснил, что Иран получил информацию, наводящую на мысль о том, что «после июня 2003 года США начали отсчет времени для нападения на Иран».¹² Тот уровень, на котором США оказывали давление на Иран в вопросе по его программе по ядерной энергии, а также кризис, созданный осуждением Ирана со стороны США за якобы обогащение урана, только укрепило веру в то, что в определенный момент времени США начнут военные действия.

Ничто из того, что сделали США в отношении Ирана, не способствовало продвижению «умеренными» своей программы. Именно открытая поддержка политиков реформистов со стороны США на выборах 2004 года послужила причиной того, что религиозные власти лишили реформистов права участия в выборах, а многих – и политической карьеры в целом. США часто отклоняли предложения, направленные на установление контактов. В выпуске журнала *«Ньюсуик Интернэшнл»* от 8 ноября 2004 года сообщалось, что на протяжении прошлого года Иран предлагал через швейцарские дипломатические каналы обмен членов (или списков членов) «Аль-Каиды», содержащихся в настоящее время в Иране, на членов (или списки членов) Народного моджахидина (расположенного на двадцать пятом месте из тридцати девяти в списке иностранных террористических организаций Государственного департамента), находящихся в тюремном заключении в США. США не проявили к этому никакого интереса.

Со временем США увязнут еще глубже в болоте Ближнего Востока и, вероятно, будут совершать еще больше ошибок. «Умеренные» в Иране надеются на то, что США сменят курс, пока еще не слишком поздно. «Умеренные» не рассматривают Иран как угрозу США. Скорее, они хотят, чтобы высокопоставленные политики США осознали, что Иран и США нужны друг другу. Некоторые предпочли бы, чтобы США воспринимали Иран как противовес России и как потенциальную региональную силу, которая также может поддержать стратегические интересы США в регионе. Некоторые считают, что первым шагом Соединенных Штатов должны стать переговоры об окончании действия санкций в обмен на завершение иранской ядерной программы. Махмуд Сариольхалам выразил точку зрения, что «правительство США и Иран должны одновременно пойти навстречу друг другу».¹³

Выборы президента США

Иранские руководители – как консервативные, так и умеренные – расценивали выборы президента США в ноябре 2004 года как переломные. Для консервато-

¹² Личная беседа с Али Хоррамом в октябре 2004 г.

¹³ Личная беседа с Махмудом Сариольхаламом в октябре 2004 г.

ров выборы в США олицетворяли степень уважения американской общественности к народам других стран. Поддержка администрации Буша означала бы, что американские избиратели не желают изменения курса или прогресса. Если бы президента Джорджа Буша не переизбрали, то действия его администрации рассматривались бы как идущие вразрез с желаниями народа и не отражающие эти желания. Иранские консерваторы считают, что перемены в США могут произойти или в результате признания ими того факта, что проводился неверный курс, или в результате катастрофы. Сторонники жесткого курса, согласно разъяснению Резы Чегинизаде, считают, что только в результате катастрофы американцы «прозреют».¹⁴

«Умеренные» полагают до выборов, что восстановления отношений можно достигнуть независимо от того, кто одержит победу. Поэтому, несмотря на результаты выборов, «умеренные» питают надежду на то, что в отношениях США – Иран возможен прогресс. Иранцы утверждают, что до этого у них был опыт отношений и с республиканцами, и с демократами, и что, за исключением некоторых стилистических различий, их подходы в целом были совместимы. Именно теперь, однако, они хотели бы, чтобы политика США перешла от угрозы упреждающих действий к этапу честного и сбалансированного диалога. Позиция и действия США вслед за очередным отчетом МАГАТЭ по Ирану становятся в некоторой степени показательными признаками того, чего ожидать в дальнейшем: сотрудничества или конфронтации. «Умеренные», конечно, надеялись на сотрудничество.

Заключение

Для установления какого-либо диалога США должны начать с того, чтобы сообщить Ирану надлежащим образом о желании проведения диалога. Угрозы, исходящие от американских руководителей, воспринимаются с непокорностью и еще больше восстанавливают общественное мнение в Иране против США. Кроме того, господство средств массовой информации США и опыт в связях с общественностью гарантируют, что позиции, указания и угрозы американцев будут услышаны во всем мире. Американские руководители, возможно, считают, что средства информации являются надежным, не несущим угрозы средством для таких заявлений. Однако в Иране нет таких средств информации, как у правительства США, и, вообще говоря, Иран не желает использовать средства информации в качестве инструмента для обмена мнениями с США. Слова из Вашингтона воспринимаются в Тегеране в их фактическом значении и служат только причиной того, что консерваторы и сторонники жесткой линии готовятся к войне.

Если когда-либо будет найдено свидетельство нарушений договора, от США едва ли можно будет требовать попытаться уладить разногласия с Ираном. Однако, в отсутствие такого свидетельства неразумно продолжать предпринимать

¹⁴ Личная беседа с Резой Чегинизаде в сентябре 2004 г.

шаги, которые могут отравить обстановку для мирного разрешения современного кризиса. События, происходящие в Ираке, были достаточными для того, чтобы убедить многих иранцев, что намерения США не являются мирными. Если говорить о взглядах умеренных иранцев, о которых уже здесь упоминалось, то становится ясным, что они готовы к диалогу с Соединенными Штатами, и они обладают вполне сформированными позициями. Идя на контакт с «умеренными», США не должны ожидать незамедлительных заявлений в поддержку своих позиций. Хотя «умеренные», вероятно, и пользуются вниманием религиозного руководства Ирана, их политическая позиция все еще слабее позиции консерваторов и сторонников жесткого курса. Скорее, они могут помочь процессу улучшения отношений между США и Ираном путем обеспечения более реалистичных подходов в осуществлении обмена и в нахождении мирного решения вопросов. Действительно, проводя позитивный диалог, «умеренные» могут вносить предложения по вопросу ядерной энергии, а также по другим вопросам, таким как Ирак и терроризм. Как разъяснил А.А. Солтание из Иранского министерства иностранных дел, «Иран изначально не планировал обогащать уран и перестал заниматься переработкой десять лет назад».¹⁵ Этот момент является, возможно, ключевым в понимании намерения Ирана и его позиции. «Умеренные» хотят видеть стабильный Ирак у своих границ и, возможно, даже стремятся к сотрудничеству с США в поддержку усилий по установлению безопасности и стабильности в Ираке. Могут быть выдвинуты также новые предложения по обмену террористами.

США могут либо воспользоваться шансом совместной работы с иранскими «умеренными», либо пренебречь им. В отсутствие какого-либо общения конфликт между США и Ираном может обостриться. Следовательно, окончательный выбор между войной и миром действительно находится в руках США. Инициация даже незначительных шагов может привести к существенным сдвигам. Осуществление перехода к такому подходу будет непросто для обеих сторон. Прежде чем избрать военные варианты и начать планирование, следует основательно обдумать пути нахождения мирных решений. Для высокопоставленных политиков США, в частности, было бы лучше всего, с учетом существующих обязательств США во всемирном масштабе и обязательств по общей безопасности США, удостовериться в том, что американская военная мощь используется экономно. Если это возможно, должны быть изучены более эффективные и результативные способы решения вопросов.

¹⁵ Личная беседа с А.А. Солтание в сентябре 2004 г.

Недопущение эскалации террора в России с целью предотвращения катастрофических атак

*Симон Сараджян, Наби Абдуллаев **

Общая сводка

Поток смертоносных террористических нападений, захлестнувший в последнее время Россию, вверг страну в ситуацию, которую президент России Владимир Путин верно назвал «тотальной войной» против сетей террора. В данной статье будут проанализированы тенденции этой войны, а также будет сделан вывод, что логическим результатом непрекращающейся эскалации террористических атак в России и по числу, и по масштабу, и по жестокости будет акт «катастрофического терроризма».¹ Ужасающая драма с захватом заложников в североосетинском городе Беслан, унесшая жизни более чем 330 человек, включая 160 детей, наглядно демонстрирует то, что движимые идеологией экстремисты уже переступили через моральный порог, отделяющий террористические акты с применением обычных видов оружия от катастрофического терроризма.²

Мы продемонстрируем то, что сети таких экстремистов постоянно увеличивают свой потенциал, как организационный, так и оперативный, в этой тотальной войне, чтобы нанести России ущерб в катастрофических пропорциях либо обычными средствами, либо путем использования ядерных, биологических и химических (ЯБХ) материалов. Мы также продемонстрируем то, что наиболее насильственные и организованные из этих сетей – антироссийские повстанцы на Северном Кавказе – все более движимы идеей прибегнуть к актам катастрофического

* Симон Сараджян и Наби Абдуллаев – московские журналисты. Г-н Сараджян является членом Программы глобальной безопасности Института «Восток-Запад»; г-н Абдуллаев работает в Центре по изучению транснациональной преступности и коррупции.

¹ В данной статье признаются различия, существующие в экспертных и научных кругах по вопросу о том, что составляет террористическую атаку. В целях четкости и краткости в данной статье принимается определение террористической атаки, общепринятое среди ведущих исследователей данной тематики. Мы определяем террористический акт как акт политического насилия, который наносит вред мирным жителям, но предназначен для запугивания более широкой аудитории, включая государственные органы власти, а также является инструментом достижения определенных политических и иных задач. В данной работе акт катастрофического терроризма определяется как террористическая атака, включающая использование химических, биологических или ядерных материалов или оружия массового поражения, или традиционных методов, ведущих к гибели значительного количества людей (более тысячи человек).

² В данной статье «идеологически движимыми экстремистами» будут называть тех религиозно мотивированных и сепаратистских повстанцев, у которых есть и желание, и возможности организации актов катастрофического терроризма, в отличие от «повстанцев традиционного типа», которые ограничиваются ведением «традиционной» партизанской войны и террористическими нападениями ограниченного масштаба.

терроризма, поскольку их текущая тактика использования обычных средств не может оказать какого-либо воздействия на стойкий отказ Кремля от проведения любых переговоров ни с исламистами, ни со светским крылом сепаратистов в этом регионе. Драма с захватом заложников в Беслане в сентябре 2004 года – последнее свидетельство готовности исламистского крыла убивать сотни мирных жителей, включая детей, а также жертвовать своими собственными жизнями, в их стремлении выиграть эту войну и принудить Россию к переговорам и к окончательному уходу с Северного Кавказа.

В данной работе также будут определены другие действующие субъекты, которые способны если не руководить террористическими атаками катастрофических пропорций в России, то оказывать помощь в их осуществлении, такие как апокалиптические и мессианские секты и светские партии экстремистского толка. Последние выказывают готовность к политическому насилию, а первые – демонстрируют свою способность рассеиваться по децентрализованным сетям ячеек, часто оставаясь вне зоны досягаемости правоохранительных органов и агентств безопасности. Мы приведем доводы того, что члены, как религиозных сект, так и неформальных политических партий крайнего толка могут быть завербованы для оказания помощи осуществлению террористических актов, хотя дальнейшее давление на некоторые из большинства сект может толкнуть их мессианских лидеров к тому, чтобы приказать своим раболопным последователям попытаться устроить апокалипсис через осуществление катастрофических террористических актов. Мы также продемонстрируем то, что коррупция стала основной угрозой безопасности в данной войне с террористическими сетями, и рассмотрим компромиссные решения между гражданскими свободами и безопасностью в России, что позволит нам прийти к выводу о том, что неограниченное расширение репрессивных полномочий государственного аппарата безопасности не окупит себя в этой войне.

В статье вместе с политическими рекомендациями будет сделан вывод о том, что российские власти выявляют потенциальные действующие субъекты, анализируют их потенциал и движущие силы, а затем приступают к уничтожению тех, кто таит в себе наиболее серьезную угрозу, в то же время оставляя остальные террористические силы в действии.

Действующие субъекты, несущие угрозу катастрофического террора

Движимые идеологией экстремисты, обосновавшиеся в Чечне и соседних районах Северного Кавказа, остаются наиболее вероятными действующими субъектами по совершению актов катастрофического терроризма в России. Эти действующие субъекты уже проявили колоссальную способность быстро восстанавливать силы, постоянно растущий уровень стратегического и тактического планирования своих нападений, а также возможности и мотивацию проводить теракты, ведущие к беспорядочным массовым людским потерям, например, организовав

взрыв жилого дома в южнорусском городе Буйнакске в 1999 году.³ Пример более недавнего времени: две уроженки Чечни, действуя по указу одной радикальной исламской группировки, связанной с «Аль-Каидой», взорвали два самолета, при этом убив себя и других пассажиров.⁴ Однако наиболее ужасающие людские по-

³ Российский суд приговорил двух уроженцев Дагестана, Ису Зайнудинова и Алисултана Салихова, к пожизненному заключению за их участие в планировании смертоносных взрывов в жилом доме в дагестанском городе Буйнакске. Российские обвинители настаивали на том, что это именно обосновавшийся в Чечне полевой командир Хаттаб приказал произвести взрыв, который унес жизни шестидесяти двух человек, когда 4 сентября 1999 года мощная бомба взорвалась перед жилым домом в Буйнакске. Simon Saradzhyan, "After One Year, Blast Probe Still Drags On," *The Moscow Times*, 15 сентября 2000 г.

Сотрудники российских правоохранительных органов также придерживаются мнения о том, что Хаттаб приказал осуществить взрывы жилых домов, которые унесли жизни около 220 человек в российских городах в течение осени 1999 года. Один из предполагаемых исполнителей взрыва, уроженец Карачаево-Черкессии Адам Деккушев, был арестован в 2002 году. Он рассказал следователям Федеральной службы безопасности (ФСБ), что именно Хаттаб с его салафитской идеологией отдал приказ об осуществлении взрывов через своего подчиненного Шейха Абу Умара, как заявил журналистам в Москве 17 июля 2002 г. заместитель начальника оперативно-розыскного управления ФСБ Евгений Колесников (канал РТР, 17 июля 2002 года). Деккушев также признался следователям в том, что предполагаемые террористы вначале хотели взорвать плотину в Южном регионе России, что привело бы к затоплению нескольких населенных пунктов и, по их надеждам, к гибели тысяч людей, однако, их планы изменились. Александр Шварев, «Зря мы с ребятами этим занимались», *Время новостей*, 19 февраля 2003 г.

По мнению Александра Литвиненко, бывшего подполковника ФСБ, взрывы в жилых домах, однако, могла организовать и сама ФСБ. Литвиненко, который заявляет, что разговаривал с Гочияевым, тем не менее, не предоставил никаких прямых доказательств своим голословным заявлениям. Yuri Felshitsinskii, Alexander Litvinenko, *Blowing Up Russia: Terror From Within* (Нью-Йорк: Liberty Publishing House, 2001). Фрагменты этой книги можно найти на сайте <http://2001.NovayaGazeta.Ru/pomer/2001/61n/n61n-s00.shtml>, по состоянию на 12 июня 2002 г.

⁴ Через пять дней интенсивных расследований и анализа ситуации Федеральная служба безопасности (ФСБ) объявила 30 августа, что причиной катастрофы двух самолетов, которые потерпели крушение почти одновременно 24 августа и в которых погибли восемьдесят девять пассажиров на борту, были взрывы бомб. «Сегодня с полной уверенностью можно говорить о том, что оба самолета разбились в результате террористических актов», – заявил Российскому информационному агентству генерал-лейтенант ФСБ Андрей Фетисов.

тери к сегодняшнему дню в одной-единственной атаке были зафиксированы, когда группа вооруженных лиц из Чечни и Ингушетии взяла в заложники более 1200 человек в школе в одном городе на юге России (в Беслане) в сентябре 2004 года. После двух дней напряженного выжидания и оперативной паузы террористы, которые заявили, что действуют по приказу известного своей одиозностью чеченского полевого командира Шамиля Басаева, взорвали школу и расстреляли заложников. Более 330 заложников погибли из-за взрывов, были застрелены террористами или погибли в перекрестном огне, прежде чем террористы были либо растерзаны местными жителями, сотворившими над ними самосуд, либо уничтожены войсками 3 сентября 2004 года.

Способность экстремистов на Северном Кавказе к проведению таких атак огромна. Их группировки включают организованных, хорошо обученных и хорошо оснащенных боевиков-партизан, способных выполнять одновременные многоцелевые атаки по защищенным объектам; кроме того, их группировки имеют доступ к множеству других мощных организационных ресурсов из-за коррумпированных чиновников, сочувствующих террористам сотрудников правоохранительных органов и связей с организованной преступностью и другими террористическими организациями, включая «Аль-Каиду». Их группировки также не испытывают недостатка в наборе кадров, которые полны решимости совершать беспорядочные убийства, при этом выказывая готовность пожертвовать своими жизнями. Эти террористы-смертники стали одним из наиболее тревожных про-

По информации ФСБ, первоначальное обследование обломков самолетов не дало никаких доказательств для того, чтобы предположить, что самолеты были взорваны террористами. Однако в ходе дальнейшего обследования следователи ФСБ нашли остатки мощных взрывчатых веществ на обломках обоих самолетов. Аманта Нагаева и некто Джебирханова, имя которой не значилось, – две чеченки, фамилии которых были зарегистрированы в списке пассажиров этих двух рейсов. Обе работали в столице Чечни Грозном и снимали там квартиру. Хотя один чеченский сотрудник милиции сказал «Известиям», что проверка, проведенная по этим двум женщинам, не выявила никаких связей с повстанцами, газете удалось установить, что брат Нагаевой пропал без вести, после того как его задержали военнослужащие федеральных войск три года назад в Чечне. Вадим Речкалов, «Другие две шахидки», *Известия*, 30 августа 2004 г. 27 августа малоизвестная группа под названием «Бригады Исламбули» взяла на себя ответственность за крушение обоих самолетов. Ранее сообщалось, что у этой группы налажены связи с «Аль-Каидой». Группа с похожим названием – «Бригады Исламбули Аль-Каиды» – заявила о своей ответственности за попытку убийства в июле назначенного премьер-министра Пакистана. По сообщениям, «Аль-Каида» налаживает связи с радикальным исламистским крылом чеченских сепаратистов. Президент Владимир Путин также сказал 31 августа, что крушение самолетов высветило связи между чеченскими повстанцами и международными террористическими сетями. ФСБ и другие правительственные агентства воздержались от обвинения чеченских повстанцев в осуществлении этих нападений, которые, по предположениям российской прессы, могли быть осуществлены двумя уроженками Чечни, числившимися в числе пассажиров этих рейсов.

явлений растущей решимости исламистских террористов.⁵ Религиозные мотивировки террористов-смертников зачастую связаны с желанием осуществления личной мести за потерю своих родственников: в одном таком случае две жены и сестра одного убитого чеченского полевого командира участвовали в организации ряда смертоносных взрывов.⁶

Кроме планирования и осуществления нападений с использованием обычных типов оружия, экстремисты также стремятся приобрести химические и ядерные материалы с намерением использовать их в террористических атаках. Во время первой российской кампании в Чечне в 1994-96 г.г. чеченские сепаратисты приобретали радиоактивные материалы,⁷ угрожали напасть на российские ядерные объекты,⁸ замыслили захватить атомную подводную лодку⁹ и пытались оказывать давление на российское руководство, установив в Москве контейнер с радиоактивными материалами и угрожая взорвать его.¹⁰ Во время проведения вто-

⁵ После внезапного нападения на театр чеченские террористы-смертники осуществили одиннадцать нападений, которые, по сообщениям, унесли жизни 295 человек, в основном мирных российских граждан. Несколько нападений было предотвращено. Шамиль Басаев взял на себя ответственность за проведение всех нападений, неоднократно признаваясь на веб-сайте повстанцев Kavkazcenter.com, что он обучил порядка сорока с лишним террористок-смертниц.

⁶ Сергей Дюпин, «Вдова не приходит одна», *Коммерсант*, 10 августа 2004 г.

⁷ Чеченские боевики вывезли несколько контейнеров с радиоактивными материалами из могильника радиоактивных отходов Грозненского филиала российского предприятия «Радон» до того, как этот могильник взяли под свой контроль федеральные войска в январе 2000 года, по сообщению источников одного журнала в Российском министерстве обороны. Юрий Гладкевич, Инесса Славутинская, «Пошел в горы», *Профиль*, 20 марта 2000 г., цитируется по “Radwaste Reported Removed from Radon Facility in Grozny,” NIS Nuclear Trafficking Database, Center for Nonproliferation Studies, Monterey Institute of International Studies Nuclear Threat Initiative, доступно на сайте www.nti.org/db/nistraff/2000/20000230.htm, по состоянию на 19 июня 2002 г.

⁸ Тогдашний президент Чечни Джохар Дудаев предупреждал, что в 1992 году его бойцы могут напасть на атомные станции в России, чтобы отбить у Москвы охоту противостоять объявленной независимости его республики. С аналогичной угрозой он выступил вновь в 1995 году, когда уже шла военная кампания. «Дудаев грозит перенести войну в глубь России», *Вечерний Челябинск*, 1 февраля 1995 г.

⁹ «В Чечне нашли план захвата российской лодки», *Lenta.ru*, 4 февраля 2002 г.; доступно на сайте: www.lenta.ru/vojna, по состоянию на 4 июля 2002 г. Об этом также сообщалось в статье «Начальник оперативного штаба Масхадова готовил план захвата российской атомной подлодки», *РИА-Новости*, 25 апреля 2002 г.

¹⁰ Чеченский полевой командир Шамиль Басаев пытался шантажировать российское руководство необработанными радиологическими средствами. Басаев стал угрожать организовать секретные нападения с применением радиоактивных, химических и биологических веществ против Москвы и других стратегических объектов в России, если мирные переговоры, начавшиеся 5 июля 1995 года, не приведут к успеху.

рой кампании они поместили взрывчатку в емкости для хранения химикатов, собирали сведения о российских ядерных объектах и наладили контакты с одним из работников одного такого объекта.¹¹ До сих пор те или иные действия не смогли вынудить Кремль пойти на уступки или переговоры, и этот факт еще более способствовал дальнейшей радикализации сепаратистского движения в Чечне, при первоначально скромных цифрах приверженцев воинствующего исламистского толка.

Самым ярким проявлением этой эволюции является июльское заявление чеченского сепаратистского лидера Аслана Масхадова о том, что российские города являются законными объектами нападений для повстанцев и что массовые убийства российских граждан будут законной мерой.¹² Он также обвинял западные правительства в том, что они приняли сторону Кремля по чеченскому вопросу, добавляя, что сепаратистское дело не будет стремиться к соблюдению законности с таким коррумпированным партнером. Это заявление убирает любые ограничения, которые экстремисты налагали на эскалацию террористической войны, и открывает путь для более тесного сотрудничества между сепаратистским крылом и исламистами в осуществлении террористических атак.

Религиозные мотивы, стоящие за антироссийским сопротивлением сепаратистов, появились в конце первого военного конфликта в Чечне в 1996 году, когда были задействованы несколько десятков арабских боевиков-исламистов, возглавляемых уроженцем Иордании полевым командиром Эмиром Хаттабом.¹³ Будучи независимой *де-факто*, Чечня служит тренировочным полем для ваххабитов-джихадистов. Добровольцы из Центральной Азии, с Кавказа и с Волги, а также граждане Саудовской Аравии, Иордании, Китая, Пакистана и Малайзии обучались там методике осуществления взрывов, совместно с ведением парти-

В июле 1995 года переговоры зашли в тупик, а через четыре месяца – 23 ноября 1995 года – группа сотрудников одного из каналов российского телевидения обнаружила свинцовый контейнер с радиоактивным цезием-137, который был зарыт басаевскими людьми в Измайловском парке Москвы. Кроме предупреждений средств массовой информации о грозящей опасности, Басаев также заявлял, что его агенты тайно установили еще четыре таких контейнера и что, по крайней мере, в двух из них содержится взрывчатка, которая может взорваться в любое время, превратив эти контейнеры в «грязные бомбы». Григорий Санин, Александр Захаров «Контейнер из Измайловского парка благополучно эвакуирован», *Сегодня*, 25 ноября 1995 г.

¹¹ «Тверская область. Капитан полка, охраняющего Калининскую АЭС, подозревается в даче секретной информации чеченцам», *Регнум*, 19 ноября 2002 г.

¹² Полный текст интервью находится на веб-сайте Масхадова: www.chechenpress.info/news/2004/07/18/08.shtml, последний вход 11 августа 2004 г.

¹³ По сообщениям, Хаттаб воевал против Советской Армии в Афганистане на протяжении 1980-х годов и сохранял связи с теми организациями, ставшими в дальнейшем «Аль-Каидой». После первой войны в Чечне Хаттаб открыл в этой республике как минимум семнадцать тренировочных лагерей. Michael Wines, “Russia Releases Tape to Support Claim of Chechen Rebel’s Death,” *The New York Times*, 27 апреля 2002, А7.

занской войны и изучением теории ваххабизма.¹⁴ Питомцы чеченских тренировочных лагерей стали ядром обширных антироссийских террористических сетей в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Дагестане, активно участвуя в антиправительственном восстании, одновременно воюя в Чечне и проводя диверсионную деятельность в своих республиках.

В Дагестане ваххабиты-экстремисты – возглавляемые дагестанским полевым командиром Раппани Халиловым – обвинялись местными властями в осуществлении взрывов бомб в городе Каспийске в 2002 году во время прохождения парада в честь Дня победы, унесших жизни сорока российских военнослужащих и гражданских лиц. Террористическая группировка Халилова «*Дженнет*» также объявила войну дагестанской милиции и дерзко казнила более сорока сотрудников милиции за последние два года.¹⁵ Дагестанские ваххабиты также осуществили первый взрыв в серии взрывов жилых домов, которые привели ко второй чеченской войне. Шестьдесят человек погибли во взрыве в сентябре 1999 года, и российские чиновники считали, что организатором этих взрывов был Хаттаб.¹⁶

В Ингушетии в июне 2004 года местные ваххабиты под командованием лидера чеченских исламистских экстремистов Шамиля Басаева совершили внезапные нападения на милицейские и военные объекты в этой республике. Шестьдесят ингушских милиционеров и работников прокуратуры были намеренно казнены нападшими, а около тридцати гражданских лиц были убиты в перекрестном огне.

В Кабардино-Балкарии местные ваххабитские лидеры, братья Шогеновы, помогли Басаеву переправлять в 2003 году в Москву террористок-смертниц. В августе 2003 года российские службы безопасности уничтожили братьев Шонгаевых во время массированного жестокого преследования исламистских ячеек в этой республике. Однако местная ваххабитская организация «Ярмук», очевидно, не была уничтожена; в августе 2004 года в стычке между ваххабитами близ Нальчика, столицы республики, были убиты двое милиционеров, а последующая поисковая операция, в которой сотрудники правоохранительных органов обнаружили тайный склад оружия и изъяли его, привела к другому столкновению.¹⁷

Ваххабитские ячейки также активизировались и в мусульманских республиках Центральной России – расположенных в Волжском регионе республиках Татарстан и Башкортостан. В 1999 году религиозные экстремисты из Татарстана взорвали магистральный газопровод Уренгой-Помары-Ужгород, проходящий по территории республики. Десять террористов, взорвавших этот газопровод, были

¹⁴ Геннадий Трошев, «Эмир Хаттаб: штрихи к портрету», *Красная звезда*, 27 апреля 2002 г.

¹⁵ Сергей Расулов, «Диверсанты уничтожают дагестанских милиционеров», *Газета*, 11 марта 2004.

¹⁶ Nabi Abdullaev, “Buinaksk Apartment Bombers Convicted,” *The Moscow Times*, 20 марта 2001 г.

¹⁷ Тимур Самедов, «Пришел, увидел, упустил», *Коммерсант*, 20 августа 2004 г.

приговорены судом к тюремному заключению на срок от двенадцати до пятнадцати лет.¹⁸

В самой Чечне идеология сопротивления постепенно смещалась от сепаратизма к *джихаду*, при явной попытке расширить аудиторию симпатизирующих лиц из-за рубежа и таким образом заполучить дополнительную политическую и финансовую поддержку в деле ведения *джихада*. Так, в августе 1999 года Басаев и Хаттаб осуществили два внезапных нападения на соседнюю российскую республику Дагестан, прикрываясь провозглашенной целью образования исламского государства на территории Кавказа.¹⁹ Последующая российская военная кампания рассматривается исламистским крылом чеченского восстания как наступление на истинно верующих, в то время как борьба экстремистов описывается как *джихад*.²⁰ С того времени религия в основном используется экстремистами в целях придания законности своим действиям и рассмотрения своей борьбы как части всемирного *джихада*.²¹

Как уже демонстрировалось выше, радикальный характер чеченского восстания, наряду с его религиозными чертами, сформировала сильные побудительные факторы среди экстремистов для осуществления катастрофических атак в России, которые могут быть выражены в следующем:

- Эта борьба стала восприниматься как защита основ экстремистской самоидентификации и чувства достоинства экстремистов.
- Прекращение борьбы немислимо, борьба с Россией становится священной обязанностью.
- Эта борьба зашла в тупик и не может быть выиграна в реальном времени или в реальных условиях. Она может легко перейти в план сакральности, что вызовет грандиозные сценарии, размывая понятие симпатизирующей

¹⁸ «За взрыв газопровода ваххабита приговорили к 15 годам колонии», *РИА-Новости*, 28 ноября 2002 г.

¹⁹ С текстом принятой басаевской исламской Шурой декларации об Исламском государстве Дагестан от 10 августа 1999 года можно ознакомиться в архиве новостей «Русского журнала» на веб-сайте: <http://www.russ.ru/politics/news/1999/08/10.htm#7>, последний вход 6 мая 2004 г.

²⁰ См. многочисленные заявления Басаева на веб-сайте повстанцев: Kavkazcenter.com.

²¹ Реагируя на эти сдвиги, Госдепартамент США в феврале 2003 года определил три чеченские повстанческие группы – «Исламскую международную бригаду», «Исламский полк специального назначения» и «Батальон разведки и саботажа чеченских мучеников ‘Риядум-Салихин’» – в качестве иностранных террористических организаций. Доктрина *джихада* чеченских повстанцев представлена во взглядах главного идеолога насильственного *джихада* и наставника Усамы бен Ладена, палестинского шейха Абдуллы Аззама, изложенных в его книге «Защита мусульманских земель», а также во взглядах мусульманского богослова Ибн Таймийи (1263–1328) – самого авторитетного теоретика у радикальных мусульман. И тот, и другой приветствуют участие в борьбе женщин и детей.

чеченскому делу аудитории и позволяя беспорядочные атаки на неограниченный спектр объектов нападения.

- Что наиболее важно, даже переход экстремистов к осуществлению террористических актов с использованием террористов-смертников не смог воздействовать на жесткую политику Кремля в отношении экстремистов. Эта неудача может – а возможно, и будет – толкать удрученных лидеров экстремистов к планированию террористических актов катастрофических пропорций.

Еще одну угрозу несут мессианские и тоталитарные религиозные секты, действующие за пределами Северного Кавказа. Внешне эта угроза в настоящее время выглядит менее серьезной, чем угроза со стороны исламистских экстремистов в Чечне или рядом с Чечней. Однако, мы не должны недооценивать разрушительные возможности мессианских сект, поскольку по мере того, как российские власти будут ужесточать давление на эти секты, угроза с их стороны может вырасти до смертоносных пропорций (по причинам, выходящим за рамки обычной логики и анализа).

Распад Советского Союза оставил за собой идеологический вакуум, который религиозные группы, твердо установившиеся еще в дореволюционной России (такие как Русская православная церковь и ислам), но подавляемые при советском режиме, не смогли полностью заполнить. В результате, в эпоху после распада Советского Союза не только разнообразные «мягкие» традиционные конфессии возвращают к себе верующих и привлекают новообращенных, но также и ряд организаций, заклейменных властями как секты или культы, в своем стремлении основать новые религии начал разыскивать последователей в России и других республиках бывшего Советского Союза.

Эксперты из федерального правительства и Русской православной церкви пришли к заключению, что в России по состоянию на 2003 год функционировало где-то от 300 до 500 структур, которые они определяли как «секты».²² До одного миллиона человек были приверженцами этих сект и других «нетрадиционных» религиозных организаций в России, и 70 процентов этих приверженцев составляли молодые люди в возрасте от 18 до 27 лет, согласно данным, представленным экспертами из Министерства внутренних дел и других правительственных агентств, а также из Русской православной церкви на заседании «круглого стола».²³ И, по мнению одного из участников «круглого стола» – директора Исследовательского центра стратегий развития и национальной безопасности Игоря Олейника, – некоторые из этих сект начали налаживать связи с террористическими организациями. Александр Дворкин, ведущий российский эксперт по

²² Материалы заседания круглого стола «Тоталитарные секты – оружие массового поражения. Программа по разоружению», проходившего в Москве в октябре 2003 года.

²³ Там же.

религиозным группам, также отмечает в своей недавно изданной книге явление «слияния тоталитарных сект с ... терроризмом».²⁴

Японский культ конца света и прихода дня страшного суда, проповедуемый сектой «Аум Синрике», возможно, наиболее показательный пример того, как мессианские секты могут распространяться по России, не испытывая особых проблем с соблюдением законности, несмотря на их попытки вербовки специалистов в области тяжелой промышленности и приобретения технологий производства ОМП. Одно время эта культовая организация, которая рассеяла споры сибирской язвы в японской столице в 1993 году и распылила газ зарин в токийском метро в 1995 году, имела в России, по данным постоянно действующего подкомитета по расследованиям сенатского комитета США по делам правительственных учреждений, больше последователей, чем какая-либо другая секта.²⁵ Эта культовая организация активно вербовала ученых и технических экспертов в России (а также в других странах) для разработки оружия массового поражения. Секте «Аум Синрике» якобы удалось завербовать сторонников даже среди сотрудников Института им. Курчатова.²⁶ Секте также удалось просочиться в город Обнинск, где находится Институт ядерной энергетики, в котором до 2002 года

²⁴ Александр Дворкин, «Тоталитарные секты. Сектоведение», Нижний Новгород, Россия, 2003 г.

²⁵ В докладе Комитета безопасности Государственной думы России говорится о 35 тысячах последователей «Аум Синрике», организации, имеющей одиннадцать филиалов вне Москвы и, по крайней мере, семь филиалов в российской столице. Коллектив сотрудников постоянно действующего подкомитета по расследованиям сенатского комитета США по делам правительственных учреждений («Распространение оружия массового поражения в глобальном масштабе: изучение конкретного примера 'Аум Синрике'») ("Global Proliferation of Weapons of Mass Destruction: A Case Study on the Aum Shinrikyo"), 31 октября 1995 г., доступно на сайте: www.fas.org/irp/congress/1995_rpt/aum/part06.htm по состоянию на 31 июля 2002 г.

²⁶ Например, существуют ссылки на документы, изъятые у «министра строительства» «Аум Синрике» Киохиде Хакавы, которые свидетельствуют о желании приобрести ядерное оружие. В документах фигурирует вопрос: «Сколько стоят ядерные боеголовки?», а также приводятся некоторые цены. Коллектив сотрудников постоянно действующего подкомитета по расследованиям сенатского комитета США по делам правительственных учреждений («Распространение оружия массового поражения в глобальном масштабе: изучение конкретного примера 'Аум Синрике'») ("Global Proliferation of Weapons of Mass Destruction: A Case Study on the Aum Shinrikyo"), 31 октября 1995 г., доступно на сайте: www.fas.org/irp/congress/1995_rpt/aum/part06.htm по состоянию на 31 июля 2002 г.

действовал реактор.²⁷ Кроме вербовки последователей культовые организации также стремились приобрести различное оружие в России.²⁸

Только после нападений, осуществленных в 1995 году в токийском метро, российская правоохранительная машина наконец заработала, устраивая облавы на объекты «Аум Синрике» либо закрывая их по всей стране, и уже в том же году деятельность секты была запрещена. После ареста лидера секты «Аум Синрике» Соко Асахары в Японии российские члены секты продемонстрировали как готовность, так и способность организации террористических актов. В 2000 году четверо активистов секты планировали осуществление ряда террористических актов и взятия людей в заложники в Японии с целью шантажа японских властей по освобождению Асахары с тем, чтобы его тайно доставить в секретное место в поселке Славянка Приморского края.²⁹ Жесткое преследование не смогло сломить воли некоторых последователей «Аум Синрике» в России, и по состоянию на апрель 2004 года около трехсот членов секты все еще могли действовать в России, согласно данным, приведенным в одном телевизионном репортаже.³⁰

К настоящему времени «Аум Синрике» остается единственной культовой сектой, которая в открытой форме стремится к приобретению технологий ОМП в России с дальнейшей целью их применения. Однако в России функционируют также другие секты, действующие как сети по большей части подпольных ячеек, фактически не подвергаемых преследованию, несмотря на то, что их лидеры проповедуют неизбежный приход «Судного дня», а их последователи выказывают готовность пожертвовать своими жизнями.

Так называемое «Белое братство» показало себя, возможно, наиболее изощренной мессианской сектой в своем выживании в условиях жестокого пресле-

²⁷ S. Romanyuk, "Totalitarian Sects in Russia," *Observer* 5 (1999).

²⁸ Коллектив сотрудников постоянно действующего подкомитета по расследованиям сенатского комитета США по делам правительственных учреждений («Распространение оружия массового поражения в глобальном масштабе: изучение конкретного примера 'Аум Синрике'») ("Global Proliferation of Weapons of Mass Destruction: A Case Study on the Aum Shinrikyo"), 31 октября 1995 г., доступно на сайте: www.fas.org/irp/congress/1995_gpt/aum/part06.htm по состоянию на 31 июля 2002 г.

²⁹ Дмитрий Сигачев и трое его сообщников были арестованы Федеральной службой безопасности России летом 2000 года. В результате последующих обысков на их квартирах были обнаружены арсенал оружия, фотографии густонаселенных районов Токио и других японских городов, а также количество взрывчатки, достаточное для организации двенадцати «мощных взрывов». Эта четверка была отдана под суд, и Сигачев во время очередного слушания дела в одном из судов Приморского края признался, что планировал проведение террористической атаки в Японии. «Один из членов российского отделения «Аум Синрике» был признан судом невменяемым», *Коммерсант*, 2002. Сигачев был приговорен к восьми годам лишения свободы, а двое других из трех его соучастников были приговорены к шести с половиной и к четырем годам лишения свободы соответственно.

³⁰ «'Аум Синрике' поменяла название», программа новостей «Вести», Российский канал, 16 апреля 2004 г.

дования со стороны властей. Эта секта была образована в Украине специалистом в области микроэлектроники Юрием Кривоноговым, который в советское время изучал методы воздействия на психику человека в одном из институтов КГБ.³¹ Эта культовая секта, которая заявила о своих амбициях в июле 1990 года, быстро распространилась в России, сформировав отделения, действовавшие по состоянию на 1993 год в сорока пяти российских городах. Члены этой секты верили, что Марина Цвигун, в то время жена Кривоногова, является одновременно матерью, женой и перевоплощением Иисуса Христа, и обращались к ней «Мария Дэви Христос». Что касается Кривоногова, то он возомнил себя перевоплощением Иоанна Крестителя. В доктрине секты излагалось, что Цвигун в определенное время вознесется на небеса, а за этим вскоре последует Судный день. Согласно учениям «Белого братства», только 144 тысячи его верных последователей выживут в Судный день, и в проповедях, читаемых ее лидерами, содержались призывы убивать тех, кто противостоит «Белому братству». Одно время газета «Белого братства» призывала последователей этой секты быть готовыми к тому, «чтобы отдать 12 тысяч душ в качестве жертвы», и указывала им на «их обязанность смыть кровью своею грехи несчастного человечества».³²

Члены культа планировали совершение массового самоубийства 24 ноября 1993 года в украинской столице Киеве. Самоубийство должно было совпасть с «успением» Цвигун, но украинская полиция активизировала борьбу с этой сектой двумя неделями ранее, после того как Цвигун и ее сторонники пытались захватить Софийский православный собор в Киеве. Это помогло предотвратить массовое самоубийство, но это не должно отменять сомнения в готовности последователей пожертвовать своими жизнями. Тот факт, что один из членов этой секты совершил самоубийство после того, как его выгнали из секты, наглядно демонстрирует то, насколько последователи преданы и подчинены «Белому братству».³³

Более шестисот членов секты, включая Цвигун, были задержаны в Украине в конце 1993 года. Выступая против таких арестов, более 150 членов секты объявили голодовку. В 1994 году Цвигун судили и признали виновной, вместе с некоторыми другими лидерами секты, включая Кривоногова. Было широко распространено мнение о том, что деятельность секты сойдет на «нет» влед за вынесением приговора ее лидерам и наложением запрета на деятельность секты со стороны украинских властей.

Однако такие убеждения оказались беспочвенными, поскольку секта продолжала функционировать, в основном, подпольно. Эта секция продолжала оставаться в тени после того, как Цвигун была освобождена в августе 1997 года, а Кривоногов выпущен на волю в 2000 году, однако последователи Кривоногова

³¹ «Белое братство» зомбирует Урал», *Российская газета*.

³² Там же.

³³ «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера», второе издание (Белгород: Миссионерское отделение Московского Патриархата Русской Православной Церкви, 1997).

вновь появились в некоторых российских регионах.³⁴ Секте удалось выжить, несмотря на заключение в тюрьму двух ее лидеров, поскольку – возможно, в соответствии с планом действий в особой обстановке – она стала децентрализованной, чтобы функционировать в маленьких ячейках, члены которых во многих случаях применяли методы подпольной деятельности и идеологической обработки новых приверженцев. Члены секты могли проживать на съемных квартирах, в среднем по пятнадцать-двадцать человек в каждой, и они могли регулярно менять квартиры. Активистам советовали не проводить более трех дней в одном городе, и это делало трудным задержание лидеров и расследование их деятельности.

Такая структура и режим деятельности позволяют «Белому братству» сохранять свой потенциал, который легко можно повысить, подобно тому, как армейский полк в мирное время может быть быстро полностью укомплектован в случае войны. У секты имеется свой веб-сайт в Интернете, который можно использовать в целях предупреждения членов секты об опасности при помощи зашифрованного языка. И российские, и украинские правоохранительные органы выражают обеспокоенность тем, что существует «высокая вероятность» того, что члены этой секты способны осуществлять антиобщественные и террористические акты.³⁵

Некоторые тоталитарные секты, такие как «Церковь Новое Поколение», применяют систематическое насилие для подчинения своих членов. Лидеры этой секты бьют своих приверженцев, включая детей: по крайней мере, известно об одном случае убийства ребенка в сибирском городе Алдане.³⁶ Тот факт, что таким сектам, как «Аум Синрике» или «Белое Братство», удалось собрать тысячи

³⁴ Последователи секты вновь появились во Владимирской области в августе 2000 года. «Эмиссары «Белого братства» появляются во Владимирской области», радиостанция «Маяк», 8 августа 2000 г.

События более недавнего времени: В Центральной России, в городе Орле, в мае 2003 года появились две молодые женщины, славословившие Марину Цвигун, которую члены секты называли «Мария Дэви Христос», и просившие подаяние. Одна из этих женщин сказала, что в ее организации в г. Орле лишь несколько членов, но их число растет. «Орел: одна тоталитарная секта вновь появляется в городе», Агентство новостей «Регнум», 12 мая 2003 г. Последователей секты также видели в 2003 году. Они расточали славословия в адрес «Белого братства» в электричках, курсировавших из Екатеринбурга в соседние города. Местные последователи обратились за регистрацией этой организации как религиозной организации в Свердловской области, но их заявка была отклонена, возможно, в соответствии с Законом о религии, действовавшем при Ельцине. «Екатеринбург: последователи «Белого братства» вновь появляются на Урале», Агентство новостей «Новый регион», 18 июня 2003 г.

³⁵ *«Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера», второе издание* (Белгород: Миссионерское отделение Московского Патриархата Русской Православной Церкви, 1997).

³⁶ Александр Дворкин, «Тоталитарные секты. Сектоведение» (Нижний Новгород, Россия, 2003 г.).

своих последователей и действовать на территории всей России, показывает, что мессианские культы и группы – включая ячейки «Аль-Каиды», лидеры которых стремятся к катастрофическому терроризму, – могут функционировать при отсутствии информации о них у российских правоохранительных органов.

Известно, что руководство «Белого братства» вербовало в свою организацию людей из городов, где в основном была представлена военная промышленность, и где люди страдали от хронической безработицы. И мы можем только догадываться, какие самоубийственные миссии их лидеры могут уготовить своим последователям, если эти лидеры будут загнаны в угол в текущем жестоком преследовании «нетрадиционных» религиозных групп, которое объявило вне закона даже «Свидетелей Иеговых» в Москве.³⁷ Членами одной секты под названием «Центр Богоматери» состояли даже офицеры из элитной дивизии специальных сил, которая размещалась в Московской области; в этой дивизии секта взяла на себя роль «священников», чтобы крестить солдат. Эта секта, расположенная в России, также содержит преторианскую охрану, сформированную из физически подготовленных людей, известных как «Легион Богоматери».³⁸

Как полицейские и секретные службы в Японии не смогли определить истинные намерения «Аум Синрике» до момента осуществления этой сектой атаки в метро в 1995 году, так и российским органам правопорядка и безопасности, возможно, будет трудно распознать, лелеют ли «Белое братство» и другие мессианские культы аналогичные мессианские террористические амбиции, до тех пор, пока эти силы в действительности не нанесут удара. Также может оказаться необычайно трудным определить место и нейтрализовать все отделы какой-либо

³⁷ В июне 2004 года Московский городской суд запретил «Свидетелям Иеговым» заниматься религиозной деятельностью в соответствии с положением, которое дает судам право запрещать религиозные группы, воспринимаемые как подстрекающие к ненависти или нетерпимости. “City Court Backs Ban of Jehovah’s Witnesses,” *Associated Press*, 17 июня 2004 г.

Первый решительный шаг по обузданию «нетрадиционных» религиозных групп был предпринят в 1997 году, когда тогдашний президент Борис Ельцин подписал сомнительный закон о религии, который, по словам критиков, налагает сильные ограничения на свободу отправления культов в России. Этот закон предоставлял специальный статус русской консервативной православной церкви. В нем также говорилось, что организации различных верований, не зарегистрированные в государстве начиная с 1982 года, когда правил коммунистический режим, должны регистрироваться ежегодно в течение пятнадцати лет, прежде чем они могут обращаться в свою веру, публиковать свои материалы или приглашать миссионеров в Россию без ограничений. Dmitry Zaks, “Final Religion Bill Signed by Yeltsin,” *The Moscow Times*, 27 сентября 1997 г.

³⁸ Александр Дворкин, «Тоталитарные секты. Сектоведение», Нижний Новгород, Россия, 2003 г.

мессианской террористической организации даже после того, как она осуществит удар, как это видно на примере ячеек «Аль-Каиды» в Северной Америке».³⁹

Конечно, можно принять довольно общее положение, что лидеры некоторых таких сект рациональны и выдвигают себя на роль мессий, чтобы прийти к власти через своих последователей. Но вполне вероятен и вариант, что они, подобно Асахаре, истинно верят в то, что они проповедуют, и могут однажды приказать своим последователям инициировать Судный день, или же их верующие сами могут решить, что настало время для такого дня и попытаться организовать какой-либо акт катастрофического терроризма. Будет ли это день, когда Асахара будет повешен или какой-либо лидер другой секты будет пойман, мы сможем узнать только после того, как какая-нибудь секта, – а известно, что у некоторых из них есть специалисты по ядерному оружию и диверсионно-десантные отряды специальных сил среди их членов, – организует такую атаку, если только власти не будут действовать с целью нейтрализации таких культов и недопущения развития у них возможностей осуществления какой-либо катастрофической атаки.

Хотя в настоящее время и не кажется, что активисты из российских экстремистских молодежных организаций вынашивают какие-либо намерения по организации актов катастрофического терроризма, но они демонстрируют возможности использовать накладки, имеющиеся в работе правоохранительных органов, чтобы привести последних в замешательство своими публичными нападениями на высших руководящих лиц и проникновением в государственные учреждения. Национальная партия большевиков (НПБ), возглавляемая писателем Эдуардом Лимоновым, превзошла всех в осуществлении символических нападений на правительственных чиновников и правительственные объекты, – от бросания еды в премьер-министра Михаила Касьянова в декабре 2003 года до захвата зданий Министерства здравоохранения в августе 2004 года. В России Национальная партия большевиков устраивала акты протеста против либеральных экономических реформ и разрушения системы государственного обеспечения. Эта партия также организовала несколько символических нападений на страны СНГ, требуя больше прав для проживающего там русского населения. Сотрудники милиции и органов безопасности очень жестко отреагировали на эти акции, подогревая этими действиями у членов Национальной партии большевиков чувство жертвенности и толкая их на восхваление своих активистов.⁴⁰

Использование такой тактики против НПБ, включающей крайне жесткое реагирование на символический протест, явно помогает этой организации сохранять и приумножать резерв молодых бойцов, у которых нет страха перед потенциально насильственной конфронтацией с государством. Поскольку активисты

³⁹ Симон Сараджян, «Россия: осознание реальности ядерного террора» (“Russia: Grasping Reality of Nuclear Terror”), доклад, прочитанный в Белферском Центре по науке и международным делам, Гарвардский университет, март 2003 г.

⁴⁰ См. веб-сайт этой партии www.nbp-info.ru, в котором даются примеры восхваления партийных активистов и хроника жестокого преследования партии со стороны правительства.

НПБ результатами своих действий видят лишь публичность и репрессии, некоторые из них начинают интересоваться, окажут ли атаки более серьезного характера желаемое воздействие на власти и общественность.

В развитии событий более беспокоит то, что ненависть, направленная на само правительство, которое по понятным причинам представлено его наиболее мощным институтом – Федеральной службой безопасности (ФСБ), уже привела к некоторым действительным террористическим атакам против этого ведомства со стороны молодых радикалов левого толка. Хотя в этих и других взрывах объектов-символов никто не погиб, некоторые левацкие экстремисты за последние несколько лет были осуждены к тюремному заключению сроком на девять лет.⁴¹ Наиболее запомнившуюся атаку на здание ФСБ в Москве в апреле 1999 года возглавляли четыре женщины, входившие в состав Российской коммунистической трудовой партии. Эта партия воспринимает себя в качестве революционной и обвиняет парламентскую Коммунистическую партию Российской Федерации за сотрудничество с органами власти.⁴²

Ни одна из вышеназванных политических групп в своих доктринах не предусматривает апокалиптических сценариев. Однако, набор навыков, умений и надежд, приобретенных некоторыми из их последователей, может постепенно трансформировать их в «предпринимателей» политического насилия, чей опыт и знания могут быть использованы теми, кто вдохновляет террористические атаки. Эта возможность будет возрастать по мере того, как правительства будут продолжать жестко преследовать этих по существу мягких радикалов, и по мере роста разочарования среди радикалов из-за тщетности их собственных относительно ненасильственных тактик.

Такие сценарии уже имели место в некоторых капиталистических обществах, где ультралевые организации так и не смогли приковать к себе общественное внимание без того, чтобы не прибегнуть к терроризму. Такие примеры включают «Красные бригады» в Италии, «Фракцию Красной Армии» в Германии, «Сияющий путь» в Перу и «Японскую Красную Армию».

К счастью, ни одной из группировок идеологически подвижных экстремистов, действующих на Северном Кавказе, до сих пор не удалось приобрести оружие массового поражения, хотя, если не брать случай «Аум Синрике», никакие российские сектанты или политические радикалы и не стремились к приобретению такого оружия. *Отдавая отчет, что разовое применение ядерных, биологиче-*

⁴¹ Nabi Abdullaev, “4 Women Sentenced in FSB Bombing,” *The Moscow Times*, 15 мая 2003 г.

⁴² Еще один член этой организации Александр Бирюков был осужден в 2001 году за другой взрыв здания ФСБ. Один член Российского коммунистического молодежного союза большевиков Андрей Соколов был осужден в 2001 году за взрыв памятника семье русских царей в Москве в 1997 году. Взрывы и другие акты протеста позволили ФСБ заявить о существовании в 1999 году так называемой Новой революционной альтернативы, подпольной левацкой зонтичной организации, которая стояла за этими падениями.

ских или химических материалов может и не вызвать большого количества людских потерь, но, движимые идеологическими мотивами экстремисты могут начать разрабатывать какое-либо нападение на какой-либо обычный объект, и такая атака может привести к катастрофическим последствиям. Некоторые обычные промышленные объекты, например, если на них умело напасть или осуществить диверсию, могут взорваться и причинить тем самым крупномасштабный ущерб с большим количеством человеческих жертв. Такие объекты, как заводы по производству удобрений и промышленные рефрижераторные склады, могут при определенных условиях превратиться в «оружие массового поражения», согласно одной опубликованной в России книге по терроризму в городских условиях.⁴³

Коррупцированные сотрудники правоохранительных органов, которыми движут идеологические соображения, как дополнительный источник боевой эффективности экстремистов

Коррупция и открытая вербовка сотрудников правоохранительных органов со стороны экстремистов с Северного Кавказа стала главной угрозой безопасности, поскольку расследования почти каждой новой террористической атаки выявляют случаи коррупции или факты идеологической мотивации милиционеров, которые помогали нападающим. Последняя в веренице смертоносных атак была организована одним ингушским милиционером, который переметнулся на другую сторону после своего исчезновения в Ингушетии шесть лет назад, согласно данным следователей Генеральной прокуратуры.

На момент похищения Али Тазиева чеченскими боевиками осенью 1998 года он служил в Ингушском отделе милицейской охраны. Следователи проинформировали *российскую прессу* о том, что Тазиева считали погибшим в плену, а Ингушский суд даже официально объявил его умершим, но Тазиев вышел из небытия в обличье лидера ужасающей атаки с взятием заложников в городе Беслане, на юге России. Тазиев пользовался фальшивым паспортом на имя «Магомед Евлоева», а в своих радиосообщениях он использовал позывные «Магас». В июне 2004 года Тазиев привел группу ингушских и чеченских вооруженных людей в ингушский город Назрань, чтобы организовать одновременные атаки на ряд правительственных зданий, военных казарм и оружейных складов.

После этих набегов четверо местных милиционеров, включая командира взвода ингушского ОМОНа лейтенанта Магомед Аспиева и его заместителя Алихана Долгиева, были арестованы по подозрению в оказании содействия нападавшим. После своего ареста Аспиев дал показания, что вербовал милиционеров по приказам командиров экстремистских сил. При последующем обыске в доме Долгиева были обнаружены не только тайный склад оружия, но также бро-

⁴³ «Терроризм в метрополии: оценка угроз и защита критической инфраструктуры», Центр ПИР, Москва, 2003 г.

шюры и книги, проповедовавшие экстремистский ваххабизм, – показатель того, что этот милиционер боролся скорее за идею, а не за деньги.

Еще большую обеспокоенность вызывает то, что старший следователь Министерства внутренних дел Ингушетии, по сообщениям, использовал свое удостоверение личности, чтобы известный своей одиозностью чеченский полевой командир Шамиль Басаев мог тайком пробираться в Ингушетию и незаметно покидать ее пределы накануне атак. В 2003-04 г.г. другой милиционер, Башир Плиев, возил Басаева в Ингушетию на своей машине, а также оповещал его о предстоящих милицейских облавах и помогал поставлять оружие.⁴⁴ Возможно, наиболее высокопоставленным предполагаемым перебежчиком является бывший министр внутренних дел Ингушетии Дауд Коригов. Коригов, который возглавлял Министерство внутренних дел Ингушетии с 1997 по 1998 г.г. в звании полковника милиции, предоставлял боевикам кров в своем доме в столице Чечни г. Грозном. По словам Вячеслава Измайлова, бывшего майора сухопутных войск, который работал в комиссиях по решению проблемы похищения людей в Чечне, там Коригова даже видели некоторые пленники, захваченные боевиками.⁴⁵

Также наблюдались случаи, когда чеченские экстремисты меняли имена и фамилии или капитулировали, чтобы примкнуть к промосковским силам милиции, для того чтобы передавать информацию своим сообщникам или даже участвовать в нападениях, организованных экстремистами. Милиционеров неоднократно ловили с поличным, когда те пытались продать оружие экстремистам, а о случаях, когда милиционеры либо позволяли проходить машинам без досмотра, либо выдавали фальшивые паспорта или оформляли регистрацию за взятки, сообщалось почти ежемесячно. Совсем недавно двое милиционеров были арестованы в Чечне не только за продажу экстремистам оружия, но также за использование своих полномочий для доставки им этого оружия и предоставления убежища полевым командирам.

Именно такого рода коррупция частично мешала российским войскам, службам безопасности и милиции поймать наиболее одиозных чеченских полевых командиров. Например, несколько милиционеров были арестованы за оказание помощи, возможно, наиболее разыскиваемому в России человеку, полковому командиру Шамилю Басаеву, в том, чтобы он мог в прошлом году тайком пробираться в северокавказскую республику Кабардино-Балкарию и спокойно покидать ее пределы. Басаев – который, по мнению следователей, отдал приказ о взятии заложников в Беслане и о проведении набега в Ингушетии в июне – в течение целого месяца жил в частном доме в Баксане, в Кабардино-Балкарии.

И, хотя случаи перехода милиционеров к экстремистскому исламу по религиозным или иным причинам (таким, как сильные клановые связи) в основном ограничиваются территорией Северного Кавказа, коррупция в правоохранитель-

⁴⁴ Ирина Халип, «Проводник Басаева: им оказался сотрудник отдела собственной безопасности МВД Ингушетии», *Новая газета*, 18 августа 2004 г.

⁴⁵ Burt Herman, "Former cop allegedly among Russia school attack masterminds, one of many turncoats in law enforcement," *Associated Press*, 16 сентября 2004 г.

ных и иных органах характерна для всего региона. Это позволяет террористическим группам наносить удары по российским городам, находящимся в сотнях километров от нахождения их баз. Кисловодский суд приговорил местного инспектора ГАИ Станислава Любичева к четырем годам тюремного заключения за то, что тот допустил провоз взрывчатки на грузовике с шестью тоннами гексогена, не проверив данный грузовик. Предположительно, именно эта взрывчатка затем и использовалась в сентябре 1999 года во взрывах жилых домов в Москве, которые унесли жизни сотен людей. Более недавний пример: один московский милиционер был приговорен в феврале 2004 года к семи годам лишения свободы за регистрацию за взятку Луизы Бакуевой в Москве в 2002 году. Бакуева участвовала во взятии заложников в Московском театре на Дубровке (инцидент во время представления мюзикла «Норд-Ост») в Москве в октябре 2002 года.

Еще более тревожным свидетельством является то, что экстремисты могут попытаться завербовать работников атомных электростанций. Атомные электростанции, как объекты диверсии, могут привести к разрушениям в катастрофических размерах. В октябре 2002 года Федеральная служба безопасности задержала военнослужащего специального подразделения, который охранял Калининскую АЭС в Тверской области. Агентство «Регнум» сообщило, что ФСБ нашла у этого офицера карту атомной электростанции с указанием и описанием всех «секретных объектов», а также список зашифрованных телефонных номеров. Агентам ФСБ удалось расшифровать эти телефонные номера и определить, что данные номера принадлежали «уроженцам Чечни». Агентство «Регнум» также передало, что арест капитана, имя и фамилия которого не разглашаются, совпал со штурмом Театра на Дубровке в Москве 26 октября 2002 года.

Итак, случаи, когда милиционеры либо переходят на сторону террористов, либо закрывают глаза на те или иные действия террористов после получения от них взятки, показывают, что коррупция и прямой переход сотрудников правоохранительных органов на сторону террористов стали распространенной практикой в организациях экстремистов, движимых идеологическими соображениями, на Северном Кавказе и в других группах. В случае попытки совершить акт катастрофического террора этими группами, участие в нем коррумпированных сотрудников правоохранительных органов, а также перешедших на сторону экстремистов по идеологическим причинам, увеличит возможности его организации во много раз.

Гражданские свободы относительно безопасности в войне с террором

Реакция высшего российского руководства и законодателей, последовавшая после атаки террористов в Беслане в сентябре 2004 года, вновь подтвердила выбор Россией той модели безопасности, которая рассматривает терроризм в первую очередь как нападение на государственную систему, а не на права граждан государства. Следовательно, масштаб антитеррористического реагирования ограни-

чивается усилиями государственных служб безопасности при фактическом отсутствии общественного надзора.

В реальности, крупные теракты как, например, захват заложников в Москве (2002 г.) и Беслане (2004 г.) – побудили российских законодателей и высшее руководство принять правовые и административные инициативы, которые расширили полномочия служб безопасности. Эти меры увеличили финансирование служб безопасности, но не их подотчетность, особенно, это касается гражданских свобод. Трудно оценить возрастающее воздействие такого подхода на пресечение террористических атак. Однако все более ясным становится то, что усилия российского аппарата безопасности не соответствуют растущему потенциалу террористов, а также то, что отсутствие общественного надзора и уменьшение гражданских свобод приводят к уменьшению шансов на эффективный осмотр и перестройку сектора безопасности.

Тщетный характер данного подхода лучше всего демонстрирует ситуация в Чечне, которая была четко объявлена основной зоной антитеррористической операции государства, где все антитеррористические меры используются в полном объеме в такой степени, что местное население практически лишено всех основных гражданских свобод. Тем временем, при наличии таких мер со стороны Российского государства, Чечня стала регионом, где террористические действующие субъекты могут почти беспрепятственно планировать и подготавливать террористические атаки.

Федеральный закон о борьбе с терроризмом (принятый 25 июля 1998 года и дополненный 7 августа 2000 года и 21 ноября 2002 года) является главной правовой опорой антитеррористических усилий российского правительства. Его положения, которые не ограничены законом ни по времени, ни по масштабу, позволяют лицам, ответственным за проведение контртеррористической операции, неограниченно приостанавливать права на собственность и свободу передвижений, а также на свободу средств массовой информации в зоне проведения операции, границы которой определяются исключительно начальником штаба операции, назначаемым правительством. Закон не предусматривает никаких временных ограничений на применение этого статуса.

Реальное применение этого закона в Чечне выражается в грубом обхождении с местным населением, что является основой растущей поддержки террористам. Отсутствие надзора и фактическая безнаказанность, с которой действуют сотрудники органов безопасности, позволяют им проводить операции в Чечне, которые полностью игнорируют надлежащие нормы, включая насильственный увоз, пытки и вообще уничтожение местных граждан. Понятие безнаказанности пускает корни в структуру правоохранительных органах также за пределами Чечни. Все чаще и чаще поступают сообщения из Ингушетии, Дагестана и в меньшей степени из других регионов о насильственном увозе людей и жестоких пытках подозреваемых.

Ограничения независимости средств массовой информации – еще один важный аспект компромиссов между гражданскими свободами и безопасностью, компромиссов, которые не дают никаких положительных результатов в антите-

рористических усилиях. Спустя месяц после захвата чеченскими повстанцами московского театра, Российская Дума, в которой доминировали покорные Кремлю фракции, не удовлетворенная тем, как пресса освещала драму с заложниками, ввела дополнения к Закону о средствах массовой информации от 1991 года и к Закону о борьбе с терроризмом, которые запрещают опубликование информации, «препятствующей» проведению антитеррористической операции, и мнений, которые истолковываются как препятствующие операции или защищающие нападение. Эти пространные определения могут применяться почти ко всем независимым комментариям и позволяют чиновникам перечеркнуть работу фактически любой организации средств массовой информации, занятой освещением терроризма. Владимир Путин, при значительном давлении со стороны российского сообщества средств массовой информации, отклонил закон, который был ратифицирован подавляющим большинством в Государственной Думе в ноябре 2002 года. Сообщество телевизионных средств массовой информации затем добровольно приняло устав, который включал почти все требования законодателей.

Ситуация с Бесланском кризисом показала, что строгое соблюдение этого устава, потребовавшего от журналистов освещения только официальной информации, привела к обману общественности, сократив количество заложников на треть и более, в то же время преувеличив готовность подразделений кризисного реагирования. Слабая готовность стала одним из ведущих факторов, которые привели к необычному количеству жертв в этом инциденте – рекордно высокому для террористических атак в России. Мы думаем, что более критическое и независимое освещение событий – не доходя до той степени, когда это может помешать проведению действий по реагированию, – побудило бы уполномоченных официальных лиц к выполнению более ответственных и своевременных действий.

Вслед за кризисом видные законодатели проголосовали за новые изменения к антитеррористическому закону, которые еще более ударяют по свободе передвижения людей и вновь увеличивают финансирование сектора безопасности. Эти законы определяют тенденцию, в результате которой Россия окажется вне выбора между моделью уголовной юстиции по борьбе с терроризмом, повсеместно принятой среди либеральных демократий Европейского Союза, и моделью национальной безопасности, существующей в Соединенных Штатах после событий 11 сентября. Есть основания полагать, что Россия не может вернуться к тоталитарному государству, которое было бы, разумеется, лучше вооружено для противодействия терроризму, чем полудемократический режим. Однако современные тенденции по расширению полномочий сектора безопасности могут завести Россию в тупик где-то на пути между демократией и тоталитаризмом, и это, согласно данным недавно опубликованного исследования соотношений ме-

жду государственной моделью и эффективностью борьбы с терроризмом, худший из всех вариантов для государства, пытающегося побороть террор.⁴⁶

Выводы и рекомендации

Как было продемонстрировано в этой работе, угроза катастрофического терроризма в России становится все более реальной и неизбежной. Такая угроза – прямая функция существования насильственных политических действующих субъектов и расширения их организационных и оперативных мощностей в сочетании с растущей доступностью средств катастрофических террористических атак (от ОМП и ядерных, биологических и химических арсеналов до потенциально опасных промышленных объектов).

Мы полагаем, что у российских властей недостаточно ресурсов, имеющихся в их распоряжении, чтобы укрепить все потенциальные объекты нападений, такие как исследовательские реакторы в городах и ключевые промышленные объекты. Если власти повысят безопасность на этих объектах, учитывая нестандартный подход, который проявляют террористические группы, последние все же будут способны определять и выбирать объекты для нападений в расползающейся городской инфраструктуре, что, при умело проведенной диверсии, может вызвать массовые жертвы среди населения и причинить огромный ущерб.

Мы полагаем, что переориентация правоохранительного курса по отношению к сокращению количества потенциальных террористических действующих субъектов и уменьшению их потенциала остается лишь упреждающим подходом, который обещает уменьшить угрозу какой-либо катастрофической атаки. Это усилие потребует не только реформирования правоохранительных органов страны, но также и создания эффективного общественного надзора над их работой и активизации обмена разведывательными данными и других форм сотрудничества между сотрудниками российских правоохранительных органов и их зарубежными коллегами.

Поэтому мы рекомендуем, чтобы президент организовал комиссию из представителей различных направлений, а не только из своих приверженцев, которая собрала бы воедино сотрудников органов безопасности, правопорядка и государственного управления и независимых экспертов по оценке работы разведывательных и правоохранительных органов России. Этой группе специалистов потребуется проведение всесторонней оценки структуры, бюджета этих ведомств, а также оценки квалификации их руководителей и иного персонала, их взаимодействия с сообществом органов правопорядка и безопасности и их общей работы для определения того, надлежащим ли образом эти агентства финансируются, как они укомплектованы и наделены полномочиями, точно ли они нацелены на

⁴⁶ Alberto Abadie, "Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism," октябрь 2004 г., RWP04-043, JFK School of Government, Harvard University, доступно на сайте: [http://ksgnotes1.harvard.edu/research/wpaper.nsf/rwp/RWP04-043/\\$File/rwp_04_043_Abadie.pdf](http://ksgnotes1.harvard.edu/research/wpaper.nsf/rwp/RWP04-043/$File/rwp_04_043_Abadie.pdf).

недопущение терроризма и сосредоточены на нем. Эта группа специалистов также должна изучить опыт других стран в борьбе с терроризмом и определить, чей практический опыт является лучшим. Комиссия должна внимательно изучить модель уголовной юстиции государств ЕС в борьбе с терроризмом и модель национальной безопасности Соединенных Штатов, чтобы определить, какими преимуществами они обладают на практике.

Данная группа специалистов также должна обмениваться существенной информацией несекретного характера с экспертами и представителями научных кругов, чтобы сформулировать стратегические альтернативы в полном объеме и выработать возможные рекомендации для руководства страны. Кроме того, данная группа должна отважиться на проведение полного и тщательного осмотра работы разведывательного сообщества, подобно тому, как это было рекомендовано Комиссией Сената США по расследованию событий 11 сентября, или значительных бюджетных средств, выделяемых для агентурной разведки. Президенту также нужно улучшить принудительное применение гражданского контроля над общественными правоохранительными органами правопорядка и безопасности для гарантии того, чтобы они продолжали целенаправленно и более интенсивно проводить в жизнь антитеррористический курс.

Кроме проведения срочных и непосредственно связанных с антитеррористической деятельностью мер, мы рекомендуем ввести изменения в российской неуклюжей политике на Северном Кавказе, прекратить плохое обращение с гражданским населением со стороны милиции и войск, предотвратить этнические раздоры и ликвидировать политическую и экономическую неудовлетворенность, которая является питательной средой для терроризма. Практика формирования цельных элитных диверсионно-десантных подразделений в Российских вооруженных силах с местными силами, что в настоящее время используется в Чечне, должна применяться и в остальных районах Северного Кавказа, который президент Путин правильно охарактеризовал и «жертвой, и плацдармом» терроризма. Крайне важно, однако, гарантировать то, чтобы такие подразделения соблюдали российские законы и права человека. Федеральным властям также нужно обуздать разгул коррупции среди сотрудников правоохранительных органов и других ведомств в регионе и на других территориях, для того чтобы затруднить деятельность террористических групп и воспрепятствовать тому, чтобы эти группы получили легкий доступ, как к материалам, так и к объектам нападения.

Условия секьюритизации международного терроризма в Центральной Азии

Ирина Черных, Рустам Бурнашев *

В современном дискурсе международных отношений в качестве одной из тенденций отмечается активизация роли негосударственных действующих субъектов. Утверждается, что деятельность таких действующих субъектов постепенно сдвигается от внутреннего и регионального уровней к глобальному уровню. Их действия становятся достаточными для того, чтобы трансформировать динамику в пределах региона, изменить отношения между регионом и великими державами, а также отношения между этими державами. Таким образом, современная полемика направлена на роль негосударственных действующих субъектов в международных отношениях. После событий 11 сентября 2001 года особое внимание в этом дискурсе уделяется одному из типов таких действующих субъектов – международному терроризму.¹

Одним из ключевых вопросов изучения международного терроризма является определение условий формулирования и четкого определения его как угрозы в современном дискурсе международных отношений. С нашей точки зрения, анализ этих условий должен сосредотачиваться на региональном уровне, что позволит избежать излишней универсализации проблемы и диверсифицировать особенности региональных дискурсов. В данной статье анализ условий формирования дискурса, уделяющего основное внимание международному терроризму, осуществляется на примере Центральной Азии, что определяется двумя причинами. Прежде всего, являясь в принципе периферией современных международных отношений, Центральная Азия оказалась непосредственно втянутой в борьбу с международным терроризмом в связи с операцией «Несокрушимая свобода» в Афганистане. Вторая причина состоит в том, что действия государств Централь-

* Данная работа выполнена при поддержке со стороны программы CARI HESP OSI (Будапешт). Ирина Черных и Рустам Бурнашев преподают в Казахстанско-германском университете, Казахстан.

¹ Конечно, утверждение, что отправной точкой по отношению к «международному» терроризму является 11 сентября 2001 года, не совсем верно. Так, «первым пунктом повестки дня на первой встрече Совета национальной безопасности при президенте Рейгане был международный терроризм... Госсекретарь Александр Хейг заявил, ... что «для администрации Рейгана международный терроризм займет место, которое отдавалось правам человека», и станет приоритетом номер один. Десятилетие спустя Джордж Буш ... провозгласил в своей инаугурационной речи, что борьба с терроризмом и наркотиками станет двумя основными целевыми заданиями его администрации». James Der Derian, *Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War* (Oxford: Blackwell Publishers, 1992), 73.

ной Азии являются показательными для демонстрации *секьюритизации*² при формулировании подходов борьбы с международным терроризмом.

Конечно, региональный подход не является универсальным, и, например, для анализа позиции США, являющихся мировой державой, он будет недостаточным. Существуют ограничения регионального подхода и в связи с объектом исследования – негосударственными действующими субъектами международных отношений. По определению, такие действующие субъекты не характеризуются территориальным признаком, и в современной системе международных отношений они получают возможность активно действовать, обходя ограничения, налагаемые государственными границами. Они получают возможность объединяться между собой, образуя сетевые структуры, влияющие не только на внутрисоциальную, но и на региональную, а также глобальную динамику безопасности. Так, хотя цели и мотивы «Исламского движения Узбекистана» («Исламского движения Туркестана») и уйгурских сепаратистов носят четко выраженный внутренний характер, эти *движения* являются транснациональными и не могут быть поняты без ссылки как на региональные структуры безопасности, так и взаимодействие их с межрегиональным и глобальным уровнями. Поэтому теорией, в рамках которой будет проводиться анализ в данной статье, является теория комплекса региональной безопасности, которая может рассматриваться как матрица для региональных исследований, и дает возможность связать изучение ситуации внутри государств исследуемого комплекса, отношений среди государств и других действующих субъектов международных отношений в данном комплексе, типов взаимодействия данного комплекса с соседними комплексами и с мировыми державами.³ В соответствии с этими четырьмя уровнями и будет в дальнейшем строиться анализ. Ключевыми понятиями этой теории являются *секьюритизация* и *комплекс региональной безопасности*.⁴ Для данного исследо-

² Бузан и Вæвер определяют *секьюритизацию* как «дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе создается интерсубъективное понимание с тем, чтобы рассматривать какие-либо вопросы в качестве существующей угрозы для какого-либо представляющего ценность соответствующего объекта, а также с тем, чтобы можно было потребовать принятия безотлагательных и исключительных мер по борьбе с такой угрозой». Barry Buzan and Ole Wæver, *Regions and Powers: The Structure of International Security* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), 491.

³ Более детальную информацию по теории комплекса региональной безопасности см. в: Barry Buzan, *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Could War Era*, второе издание (Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991); Barry Buzan, Ole Wæver и Jaap de Wilde, *Security: A New Framework for Analysis* (Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998); и Buzan и Wæver, *Regions and Powers*.

⁴ «Комплекс региональной безопасности – набор структурных единиц, чьи основные процессы секьюритизации, десекуритизации или и те, и другие настолько взаимосвязаны, что их проблемы в сфере безопасности нельзя корректно анализировать или решать по отдельности». Buzan и Wæver, *Regions and Powers*, 491; см. также Buzan и др., *Security*, 204.

вания также важны понятия *миникомплекса*,⁵ *неструктурированного региона безопасности* и *изолятора*.⁷

Теория комплекса региональной безопасности применяется к изучению динамики безопасности в Центральной Азии рядом авторов. Однако в большинстве случаев Центральная Азия рассматривается либо как самостоятельный комплекс региональной безопасности, либо как составная часть (субкомплекс) комплекса региональной безопасности, формируемого вокруг России.⁸ Нам представляется, что это не вполне точно передает особенность динамики безопасности в современной Центральной Азии и вокруг нее, поскольку Центральная Азия, скорее, является *неструктурированным регионом безопасности* и *миникомплексом*, выполняющим функцию *изолятора* между восточноазиатским, южноазиатским и ближневосточным комплексами региональной безопасности, а также комплексом безопасности, который Россия пытается создать вокруг себя. Такой подход позволяет объяснить условия секьюритизации борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии.

⁵ «*Миникомплекс* – это образование с характеристиками комплекса безопасности, но меньшее по масштабу и обычно состоящее, по крайней мере, частично, из субгосударственных действующих субъектов». Zuzan и Wæver, *Regions and Powers*, 490.

⁶ «*Неструктурированный регион безопасности* – появляется там, где местные государства настолько слабы, что их власть не проецируется в сильной мере (если вообще можно говорить о каком-либо проецировании) за собственные границы, и поэтому они характеризуются недостаточной независимостью с точки зрения безопасности для образования существенных структур комплекса региональной безопасности». Zuzan и Wæver, *Regions and Powers*, 492.

⁷ «*Изолятор* – это какое-либо государство или миникомплекс, находящиеся *между* комплексами региональной безопасности и определяющие свое местоположение там, где более высокие динамики региональной безопасности стоят вплотную друг к другу». Zuzan и Wæver, *Regions and Powers*, 490.

⁸ По первому из подходов см. Бруно Коппитерс, «Партнерство ради мира с Центральной Азией», в *Этнические и региональные конфликты в Евразии*, т. 3: *Международный опыт разрешения этнических конфликтов*, под ред. Бруно Коппитерс, Эрик Ремакль, Александр Зверев (Москва, Весь мир, 1997); Nooman Peimani, *Regional Security and the Future of Central Asia* (Westport, CT: Praeger, 1998); Lena Jonson и Roy Allison, «Central Asian Security: Internal and External Dynamics», в *Central Asian Security: The New International Context*, под ред. Lena Jonson и Roy Allison (Washington, D.C.: Brookings Institution Press/ London: Royal Institute of International Affairs, 2001); and Rustam Burnashev, «Regional Security in Central Asia: Military Aspects», в *Central Asia: A Gathering Storm?*, под ред. Boris Rumer (New York: M.E. Sharpe, 2002). По подходу, который рассматривает Центральную Азию как составную часть комплекса, формируемого вокруг России, см. Philip G. Roeder, «From Hierarchy to Hegemony: The Post-Soviet Security Complex», в *Regional Orders: Building Security in a New World*, под ред. David A. Lake и Patrick M. Morgan (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press); а также Zuzan и Wæver, *Regions and Powers*.

Методологией исследования, принятой в данной работе, является «археология» в виде, реконструированном Хубертом Дрейфусом и Полом Рабиноу.⁹ В соответствии с данной методологией, исследование должно начинаться с диагноза той или иной проблемы. Идентифицировав проблему, аналитик рассматривает условия (фоновые практики), которые сделали возможным ее формулирование и четкое выражение в дискурсе. Набор практик, создающих фон определенного дискурса, задает его четыре основные характеристики:

1. какой тип явлений может стать объектом данного дискурса,
2. кто может занять позицию говорящего субъекта,
3. какие виды понятий могут быть приемлемы в этом дискурсе, и
4. какие теории возможно помыслить и сформулировать в данном дискурсе.¹⁰

Оле Вæвер использует сходный формат анализа для исследования интеграционных структур в Европе.¹¹ Из-за ограничений объема статьи в ней в большей степени будут представлены выводы, полученные на основе данной методологии, чем процедура анализа.

Внутригосударственный уровень

Понимание ситуации внутри государств исследуемого комплекса региональной безопасности строится, прежде всего, на разделении «сильных» и «слабых» государств. Спектр слабых и сильных государств определяется¹²:

- степенью социо-политического единства между гражданским обществом и учреждениями правительства;
- степенью соответствия между государством и нацией;

⁹ Мишель Фуко изложил основные принципы данного подхода в ряде своих знаковых работ, включающих: *Folie et deraison. Histoire de la foile a l'age classiqu* (Paris: Plon, 1961); *Naissance de la clinique* (Paris: P.U.F., 1963); *Les mots et les choses* (Paris: Gallimard, 1966); и, что нужно отметить особо, *L'archeologie du savoir* (Paris: Gallimard, 1969). Тонкости методики, используемой нами, приводятся в книге Hubert L. Dreyfus и Paul Rabinow, *Michel Foucault. Beyond Structuralism and Hermeneutics*, второе издание (Chicago: University of Chicago Press, 1983); см. также Олег Хархордин, «Фуко и исследование фоновых практик», в *Мишель Фуко и Россия*, ред. Олег Хархордин (Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге/ Москва: Летний сад, 2001), 51, 52.

¹⁰ Хархордин, «Фуко и исследование фоновых практик», с. 52.

¹¹ Ole Wæver, "Identity, Communities and Foreign Policy: Discourse Analysis as Foreign Policy Theory," в *European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States*, под ред. Lene Hansen и Ole Wæver (London: Routledge, 2002); и Wæver, *European Integration and Security: Analysing French and German Discourses on State, Nation and Europe*, 2003, доступно на сайте: www.polsci.ku.dk/courses/gamle_fag/Efteraar2002/Begreb_om_sikkerhed/European integration and security Feb 2003.doc.

¹² Buzan, *People, States, and Fear*, 96–107.

- степенью государственности, которой обладает государство, степенью стабильности внутреннего порядка.

Тип государства, который доминирует в регионе, имеет огромное влияние на характер динамики региональной безопасности.

Государства Центральной Азии являются слабыми, хотя и не в одинаковой степени. Обобщая, можно сказать, что в большей или меньшей степени для них характерны низкий уровень социо-политической связанности, узость социальной базы поддержки действующих политических режимов (особенно «среднего» класса; в меньшей степени это характерно для Казахстана). Подавляющая часть населения пребывает в политической апатии. Национальные виды самоидентификации здесь слабы и вынуждены конкурировать с другими видами самоидентификации. Несмотря на развитый репрессивный аппарат (особенно в Узбекистане и Туркменистане), государства Центральной Азии испытывают недостаток государственности: правительственные и государственные структуры не являются самодостаточными и выступают скорее форумными, в которых субгосударственные действующие субъекты конкурируют между собой, чтобы обеспечить свою безопасность и/или чтобы установить влияние над государством.

Гражданская война в Таджикистане является наиболее показательным процессом для понимания динамики безопасности в государствах Центральной Азии. Эта война наглядно продемонстрировала то, как слабость государства может закончиться крахом государственности и его раздроблением. Огромную роль в развязывании гражданской войны сыграли конкуренция между различными видами самоидентификации (религиозными, этническими, субэтническими и клановыми) и борьба соответствующих элит за власть. Урегулирование конфликта проходило на основе согласования интересов противоборствующих элит при посредничестве и под влиянием внешних сил (России и Ирана), центральноазиатских сил (Узбекистан), а также под воздействием событий в Афганистане (успехи движения «Талибан» осенью 1996 года).

Слабость одного из государств Центральной Азии может секьюритизироваться не только элитами данного государства, но и элитами соседних государств (хотя опыт гражданской войны в Таджикистане продемонстрировал тенденцию к локализации боевых действий в пределах одной страны, несмотря на то, что в конфликте присутствовали элементы ирредентизма и сепаратизма). Так, отказ от проведения экономических и политических реформ в Узбекистане оправдывался примером войны в Таджикистане, которой противопоставляются «спокойствие и порядок» в Узбекистане. Казахстанские аналитики рассматривают возможность политической дестабилизации в Узбекистане как одну из основных угроз своей стране.

Слабые государства и их правящие элиты, при прочих равных условиях, более склонны к секьюритизации. Так, слабость государств в Центральной Азии ведет к секьюритизации работы с такими вопросами, как миграция, наркото-

говля, религиозный экстремизм и международный терроризм.¹³ Во многом тенденция к секьюритизации определяется тем, что, говоря о безопасности и стабильности государства, правящие элиты ставят знак равенства между собой и государством. Правительства государств Центральной Азии убеждены, что безопасность и стабильность превыше всего. Наиболее ярко это проявляется в Узбекистане, где любое решение об экономических и политических реформах рассматривается сквозь призму того, поможет оно или нет поддерживать «порядок» в стране и сохранить власть правящей элиты. Аргументация строится на том, что наделение граждан политическими правами было бы слишком рискованным из-за сложной внешней обстановки. В этом смысле секьюритизация «исламского фундаментализма» и «международного терроризма» играет на руку правящим элитам стран Центральной Азии. Любым экстремистским проявлениям в странах Центральной Азии правящие режимы стремятся придать международный характер.

Региональный уровень

Региональный уровень определяется тем, насколько государства, входящие в региональный комплекс безопасности, секьюритизируют действия друг друга, насколько одно государство воспринимает другое как угрозу для своей безопасности. Складывающиеся отношения секьюритизации определяют *основную структуру* комплекса региональной безопасности: внутреннюю структуру (полярность, которая описывает распределение власти среди подразделений, и социальное строительство, которое включает модели согласия и вражды среди подразделений) и внешние границы комплекса региональной безопасности.¹⁴ Анализируя ситуацию в Центральной Азии, невозможно четко определить ни внутреннюю структуру, ни внешние границы. Считается, что Центральная Азия включает в себя Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Однако это является скорее некоей политической условностью, чем отражением структурных связей, существующих как между этими пятью государствами, так и с соседними странами.¹⁵

Внутренние структуры

По определению, внутренние виды взаимодействия в комплексе региональной безопасности должны быть для него и входящих в него действующих субъектов более важными, чем внешние. Для государств Центральной Азии характерны

¹³ Это особенно типично для работ политических лидеров государств Центральной Азии, например, см. Нурсултан Назарбаев, *Критическое десятилетие* (Алматы: Атамур, 2003); или Ислам Каримов, *Узбекистан на пороге XXI столетия: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса* (Ташкент: Узбекистан, 1997).

¹⁴ Buzan и Wæver, *Regions and Powers*, 53.

¹⁵ Более подробно о невозможности определить внутреннюю структуру и очертить внешние границы Центральной Азии как региона см. в работе Burnashev, “Regional Security in Central Asia.”

менее интенсивные связи между собой, чем взаимодействие с соседними странами. Государства центральноазиатского миникомплекса не секьюритизируют друг друга и соответственно не создают союзов друг против друга. Степень секьюритизации отношений государств Центральной Азии с Россией и Китаем (для Казахстана и Кыргызстана) или Афганистаном (для Узбекистана и Таджикистана) была и остается намного большей. Для характеристики слабости межгосударственных видов динамики показательна позиция Туркменистана, дистанцирующегося от любых процессов в Центральной Азии. Региональные инициативы в области безопасности, как правило, остаются нереализованными (например, создание «Центразбата»¹⁶) или являются неэффективными (например, Центральноазиатский Союз).¹⁷ Очевидна и разная степень секьюритизации государствами Центральной Азии одних и тех же вопросов – например, влияния Китая или Афганистана на Центральную Азию, роли оппозиции, деятельности международных организаций.

Существует сходство позиций государств Центральной Азии по отношению к некоторым транснациональным и субгосударственным действующим субъектам (террористическим и религиозным группам), характер деятельности которых представляется как международный.¹⁸ Причем существует тенденция к усилению секьюритизации действий против этих действующих субъектов. Показательна в этом плане динамика изменения содержания заключаемых странами Центральной Азии межгосударственных договоров и соглашений. Если документы по обеспечению безопасности в Центральной Азии, принятые в 1997-1998 годах (Договор о вечной дружбе между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном и

¹⁶ Решение о создании миротворческого батальона «Центразбат» было принято в 1995 году. Центразбат – батальон численностью около 500 человек, состоящий из узбекских, казахских и кыргызских войск и предназначенный для выполнения операций, проводимых под эгидой ООН. Его подготовка должна была осуществляться в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира». Однако этот замысел не был реализован до конца, и «Центразбат» распался на национальные миротворческие формирования. См. Рустам Бурнашев, «Динамики присутствия НАТО в Центральной Азии: анализ на основе теории комплекса региональной безопасности», в *США и страны Центральной Азии: реальности и перспективы взаимоотношений* (Алматы: Казахский национальный университет имени аль Фараби, 2004).

¹⁷ Центральноазиатский Союз был создан в 1994 году Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, в 1998 году в него вошел Таджикистан, в 2004 – Россия. Требования Союза неоднократно нарушались введением государствами-членами протекционистских мер. Название данной организации менялось.

¹⁸ Официальные структуры государств Центральной Азии интерпретируют любые террористические акты как проявление международного терроризма. См., например, заявление пресс-секретаря министра иностранных дел Узбекистана Ильхома Закирова по поводу террористических актов в Ташкенте и Бухаре, совершенных 28 и 29 марта 2004 года (РИА «Новости», 29 марта 2004 года): «В этой акции проглядывается продолжение событий, произошедших недавно в Мадриде и имеющих место сейчас на юге Афганистана».

Совместное заявление Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана о мерах по созданию системы региональной безопасности в Центральной Азии), были направлены на регулирование межгосударственных отношений, то документы, подписанные в 1999 году и позже (например, Договор 2000 года между Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности), акцентируют внимание на «новых измерениях международной безопасности» (миграции, демографических проблемах, наркотиках, нелегальной торговле оружием, организованной преступности транснационального характера, терроризме).¹⁹

Таким образом, поскольку взаимодействие государств Центральной Азии в основном нацелено не на отношения внутри миникомплекса, а на противодействие внешним вызовам (представляемым как угрозы), можно утверждать, что модели согласия и вражды среди государств Центральной Азии в настоящее время не сформировались. Отношения, которые можно было бы обозначить в качестве моделей согласия и вражды, носят не межгосударственный характер, а формируются на субгосударственном уровне – между этническими группами, промышленно-финансовыми элитами и т.д. Именно поэтому можно согласиться с Линой Джонсон и Роем Аллисоном, что понятия «согласие» и «вражда» являются слишком резкими для центральноазиатского контекста и могут быть заменены понятиями «дружба» и «подозрительность».²⁰ Например, подобные отношения проявляются между субгосударственными действующими субъектами, связанными с Узбекистаном и Таджикистаном. Такие отношения имеют глубокие исторические корни и выражаются как в достаточно агрессивной риторике и взаимных обвинениях, так и во враждебных действиях непрямого характера (косвенная поддержка некоторыми элитами и властями Узбекистана мятежа М. Худайбердыева в Худжанде в ноябре 1998 года, поддержка правительством Таджикистана формирований «Исламского движения Узбекистана» в 1999 и 2000 годах). Однако вряд ли эти отношения могут приобрести межгосударственный характер.

Внешние границы

При определении «внешних границ» особое место по отношению к Центральной Азии занимают:

¹⁹ Аналогичную тенденцию можно отметить и в изменении внутригосударственных документов, определяющих политику в области безопасности. Если до 1999 года секьюритизировалась возможность внешней агрессии, то в настоящее время акцент делается на таких вопросах, как миграция, наркотики, преступность, терроризм. См., например, Военную доктрину Республики Казахстан (2000) или Оборонную доктрину Республики Узбекистан (2000).

²⁰ Jonson и Allison, “Central Asian Security,” с. 8.

- Россия, стремящаяся сформировать вокруг себя комплекс региональной безопасности, включающий помимо прочего Центральную Азию (или отдельные государства этого миникомплекса, прежде всего – Казахстан);
- Афганистан, который является изолятором между восточноазиатским, южноазиатским, ближневосточным комплексами региональной безопасности и Россией и Центральной Азией. Аналитиками и рядом политических деятелей обсуждается возможность объединения Центральной Азии (или отдельных государств этого комплекса, прежде всего – Узбекистана и Таджикистана) с Афганистаном в новое региональное образование»;
- Кавказский миникомплекс/неструктурированный регион безопасности, включающий в себя Азербайджан, который вместе с некоторыми странами Центральной Азии (Казахстаном и Туркменистаном), а также Россией и Ираном образует Каспийский миникомплекс. Каспийский миникомплекс связывает Центральную Азию и Кавказ, предлагая альтернативную единицу безопасности.

Отсутствие внутренних структур и слабость межгосударственных отношений в Центральной Азии определяют слабость таких региональных образований, как Центральноазиатский Союз, а также отсутствие региональных структур и режимов безопасности.

Межрегиональный уровень

Межрегиональный уровень образуется взаимодействием Центральной Азии с соседними региональными комплексами безопасности. К этому уровню относятся восточноазиатский, южноазиатский, ближневосточный комплексы региональной безопасности (в том числе некоторые региональные державы, входящие в данные комплексы), Турция и Афганистан (рассматриваемый как изолятор).

Взаимодействие *восточноазиатского, южноазиатского и ближневосточного комплексов региональной безопасности* с Центральной Азией осуществляется, прежде всего, на государственном уровне Китаем, Пакистаном, Ираном и Турцией (в меньшей степени – Кореей и Японией). Все эти региональные комплексы безопасности и силы имеют свою внутреннюю динамику, являющуюся для них более значимой, чем динамика в Центральной Азии. После распада Советского Союза и «открытия» Центральной Азии, ожидалось, что Центральная Азия станет ареной новой «большой игры» с участием действующих субъектов межрегионального уровня, конкурирующих за влияние. Однако они проявили неожиданно низкий интерес к Центральной Азии.

Ключевое значение для понимания условий секьюритизации международного терроризма в государствах Центральной Азии на межрегиональном уровне имеет *Афганистан*. Виды динамики безопасности в Афганистане и Центральной Азии

²¹ В декабре 2002 года Афганистан был приглашен присоединиться к Центральноазиатскому Союзу в качестве наблюдателя.

тесно связаны друг с другом, а некоторые государства миникомплекса находятся под сильным влиянием внутриафганских видов динамики. При этом большинство связей определяется слабостью государств Центральной Азии и раздробленностью Афганистана: эти связи устанавливаются через субгосударственных и транснациональных действующих субъектов, таких как преступные группировки, связанные с наркоторговлей, этнические и субэтнические группы, партизанские и бандитские формирования, религиозные движения.²² Раздробленность Афганистана позволяла центральноазиатским правительствам связывать с ним деятельность террористических и экстремистских группировок, придавая им, тем самым, международный характер (например, «Исламское движение Узбекистана»). Так, указывалось, что именно на территории Афганистана располагались лагеря по подготовке боевиков этого движения. Вплоть до 2002 года внутриафганские процессы «секьюритизировались» государствами Центральной Азии, что явилось главным поводом для объединения этих государств как между собой, так и с такими державами, как Россия и Китай. Такая взаимосвязь государств Центральной Азии и Афганистана создает возможность возникновения новой изолирующей зоны, включающей Центральную Азию и Афганистан (особенно, если операция США в Афганистане ослабит связь между Афганистаном и Пакистаном).

Слабость межрегиональных связей определяет слабость и международных организаций, таких как Договор о коллективной безопасности стран СНГ (1992) и сформированная на его основе Организация Договора о коллективной безопасности (2003), Шанхайская организация сотрудничества (2001) и другие. В то же время формат этих организаций демонстрирует отсутствие внутренней связанности Центральной Азии, поскольку в эти организации входят, с одной стороны, не все страны Центральной Азии, а с другой, эти организации включают внерегиональные силы (Россию, Китай).²³

Таким образом, хотя интенсивность динамики безопасности в Центральной Азии крайне низка в сравнении с динамикой вокруг нее (например, секьюритизация отношений Казахстан-Китай и Казахстан-Россия намного выше, чем секьюритизация отношений Казахстана с Кыргызстаном или Туркменистаном), тем не менее, уровень взаимодействия с соседними комплексами региональной безопасности высок не в абсолютном смысле, а относительно слабости внутрирегионального взаимодействия.

²² См. Ahmed Rashid, *Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia* (London: I.B. Tauris, 2000); Rashid, "Central Asian Elites, Suddenly, Shift Into Revolt," в *Global Affairs Commentary: Foreign Policy in Focus* 2 (май 2002); Rashid, *Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia* (New Haven: Yale University Press, 2002); и Rashid, "Russia, China Warily Watch for American Intrusions in Central Asia," в *Global Affairs Commentary: Foreign Policy in Focus* 3 (май 2002 г.).

²³ В настоящее время членами Организации Договора о коллективной безопасности являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан, а членами Шанхайской организации сотрудничества – Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

Глобальный уровень

«Глобальный уровень» определяется типами динамики и секьюритизации глобальных сил – сверхдержав (США) и/или великих держав (Китая, Японии, России и ЕС). В отличие от региональных держав, динамика глобальных сил не замыкается в одном регионе. Наибольшее влияние на Центральную Азию оказывают Россия, Китай и США.

Позиция *России* определяется тем, насколько она секьюритизирует необходимость формирования вокруг себя комплекса региональной безопасности, включающего, помимо прочих, и государства Центральной Азии. Хотя Россия достаточно тесно интегрирована в центральноазиатское пространство безопасности, особенно в сфере военной безопасности, в настоящее время такого комплекса не существует. С одной стороны, Россия является слабым государством и не имеет четкой государственной стратегии по отношению к Центральной Азии. С другой стороны, вовлечение других внешних сил в Центральную Азию оказалось гораздо менее интенсивным, чем ожидалось в начале 1990-х, и не стало фактором, подталкивающим Россию к вовлечению в миникомплекс.

Другим фактором, влияющим на центральноазиатскую политику России, является то, что сама Центральная Азия не представляет собой целостное образование. Существует возможность включения в создаваемый вокруг России комплекс региональной безопасности только некоторых стран Центральной Азии, прежде всего – Казахстана. Это подтверждается составом имеющихся многосторонних структур, например, Организации Договора о коллективной безопасности или Таможенного союза.

В любом случае, Россия стремится сохранить Центральную Азию как стабильную буферную зону, являющуюся естественным кордоном в распространении «новых угроз безопасности», а также не допустить превращения Центральной Азии в источник таких угроз.

Процессы секьюритизации/десекуритизации в России осуществляются разнообразными субгосударственными действующими субъектами, имеющими различное влияние на государственную политику. Отсюда, ее воздействие на миникомплекс создает пространство для субгосударственных и транснациональных действующих субъектов, связи которых идут по линиям либо транснациональной организованной преступности (наркобизнес), либо – по финансовым и производственным линиям (алюминиевая промышленность, авиационная промышленность, нефтегазовая сфера, производство хлопка). Большое значение в контексте данной статьи имеет и то, что Россия активно «секьюритизирует» вопрос международного терроризма, что во многом определяет связи России с государствами Центральной Азии. Поводом для формирования Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества во многом послужило именно совпадение в вопросах секьюритизации международного терроризма.

В отличие от России, *Китай* – достаточно сильное государство, однако, и для Китая внутренний, региональный и глобальный уровни важнее, чем динамика, связывающая его с Центральной Азией. В Центральной Азии Китай действуют

совместно с Россией. На глобальном уровне это сотрудничество строится на основе того, что Китай признает российское лидерство в Центральной Азии.²⁴ Китай пока рассматривает такую стратегию как лучшую, чтобы гарантировать стабильность в центральноазиатском миникомплексе и таким образом повлиять на уйгурских мятежников в Синьцзяне.

Вместе с тем, происходит постепенное усиление позиций Китая в Центральной Азии как ведущего действующего субъекта в сфере безопасности и экономики. Эта тенденция формализуется Шанхайской организацией сотрудничества,²⁵ демонстрирующей факт признания Россией неспособности с ее стороны эксклюзивного определения роли и места Центральной Азии в мире.

Динамика США пересекается с динамикой безопасности в Центральной Азии, прежде всего через межрегиональный уровень – ближневосточный, восточноазиатский и южноазиатский комплексы региональной безопасности, а также через глобальный уровень – взаимодействие США с великими державами – Россией и Китаем, а также совокупностью глобальных проблем, таких как терроризм, распространение оружия массового поражения, организованная преступность и наркотики.

Деятельность США после событий 11 сентября 2001 года и формирование «антитеррористической коалиции» во главе с США создали особые условия для выработки нового дискурса международной безопасности, в котором борьба с международным терроризмом занимает центральное место. Использование в политическом дискурсе всех государств ссылки на угрозу международного терроризма и борьбу с ним стало легитимным в международном сообществе.

Центральная Азия оказалась непосредственно втянутой в борьбу с международным терроризмом в связи с операцией «Несокрушимая свобода», благодаря географической близости к Афганистану. Это позволило правящим элитам государств Центральной Азии укреплять авторитарные режимы, «секьюритизируя» международный терроризм и заявляя о деятельности на территории этих государств групп международных террористов. При этом ударение делается именно на международный характер этих групп, так как это позволяет абстрагироваться от внутренних причин и условий их появления. Таким образом, политика США в

²⁴ Stephen Blank, “The New Russo-Chinese ‘Partnership’ and Central Asia,” в *Central Asia and Caucasus Analyst* 16 (август 2000), доступно на сайте: www.cacianalyst.org/Headline1.htm; и Dmitri Trenin, *The End of Eurasia* (Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001), 130, 203.

²⁵ Деятельность этого образования, известного с 1997 года как «Шанхайская пятерка», была направлена на регулирование пограничных вопросов между Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. После вхождения в нее в 2001 году Узбекистана и собственно институционализации Шанхайской организации сотрудничества сфера ее деятельности была расширена и охватывает в настоящее время как вопросы экономики, так и вопросы безопасности – борьбу с терроризмом, наркоторговлей, фундаментализмом, сепаратизмом (см. Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года).

Центральной Азии вызвала изменение динамики межрегионального и глобального уровней, но не затронула внутрис государственного и межгосударственного уровней. Действия США ослабляют возможность вовлечения в миникомплекс динамики межрегионального уровня, в то же время оставаясь недостаточными для того, чтобы составить альтернативный источник внешнего доминирования и усилить государства и органы власти в Центральной Азии.²⁶

Вывод

Анализ вопросов международного терроризма в соответствии с теорией комплекса региональной безопасности позволяет выделить следующие условия (фоновые практики), задающие основные возможности формулирования и точного обозначения проблемы международного терроризма в дискурсе Центральной Азии:

- слабость государств Центральной Азии и отсутствие здесь основных структур комплекса региональной безопасности оставляют необходимое пространство для деятельности негосударственных действующих субъектов;
- авторитарный характер государств Центральной Азии способствует секьюритизации борьбы с международным терроризмом для обоснования ограничения политических и экономических свобод, усиления силовых структур и сохранения существующих режимов;
- принятие международным сообществом дискурса, центральным звеном которого является борьба с международным терроризмом, и характер современного международного окружения Центральной Азии, определяемый деятельностью великих держав, создают благоприятные условия для секьюритизации борьбы с международным терроризмом.

Говоря об основных характеристиках формирующегося в Центральной Азии дискурса (в контексте данной статьи), можно отметить, что он принимает в качестве своего объекта международный терроризм, в то же самое время блокируя возможность формулировки и четкого определения вопроса о внутренних причинах террористических актов, направленных против существующих политических режимов. Периодически проявляющиеся экстремистские действия, определяемые латентным напряжением в обществе, интерпретируются правящими элитами как акции международного терроризма. Дискурс, в котором центральное место занимает борьба с международным терроризмом, также блокирует четкое определение вопроса соблюдения прав человека и гарантирования гражданских свобод.

²⁶ S. Frederick Starr, "The War Against Terrorism and U.S. Bilateral Relations with Central Asia," Показания перед Сенатом США, Комитетом по внешним сношениям, Подкомитетом по Центральной Азии и Южному Кавказу, 13 декабря 2001 года, доступно на сайте: http://www.cacianalyst.org/Publications/Starr_Testimony.htm.